

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
И ЕГО АТАМАНЫ

Ф.А. ШЕРБИНА, Е.Д. ФЕЛИЦЫН

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Ф.А. ЩЕРБИНА
Е.Д. ФЕЛИЦЫН

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
И ЕГО АТАМАНЫ

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2007

Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.
Щ64 Кубанское казачество и его атаманы / Ф.А. Щербина, Е.Д. Фелицын. — М. : Вече, 2007. — 320 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-2477-9

Кубанское казачье войско являлось частью казачества в до-революционной России и размещалось в Кубанской области (ныне Краснодарский край и часть Ставропольского края) с центром в Екатеринодаре (ныне Краснодар). Оно было образовано в 1860 году из Черноморского казачьего войска и части Кавказского линейного казачьего войска. Исторически кубанцы всегда считались надежным оплотом России, и потому Кубанское казачье войско активно участвовало во всех войнах, которые вела Россия во второй половине XIX — начале XX века.

Книга Ф.А. Щербины и Е.Д. Фелицына, впервые изданная в 1888 году под названием «Кубанское казачье войско. 1696—1888 гг.», рассказывает об истории кубанского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

ББК 63.3(2)

Происхождение казачества

Казачество представляет одно из замечательнейших проявлений русской государственной и народной жизни. Казак был одновременно и передовым колонизатором окраин государства, и охранителем границ этого последнего, и защитником русской национальности, и борцом за православие, и творцом оригинальнейших форм народного быта. В этой многотрудной роли казачества кроется его историческая сила и значение: казачество развивалось рука об руку с развитием Русского государства.

Долгое время у иностранцев и даже в среде русских существовали крайне односторонние и донельзя преувеличенные представления о казаках. Понятие о казачестве соединялось с понятием о грабеже, казак считался прежде всего разбойником и затем невежественным представителем рода человеческого; казаку отводилось в истории культуры место чуть ли не дикаря; в нем видели разрушителя основных начал цивилизации и по меньшей мере «злого татарина»; о казаках рассказывали всевозможные нелепости: казак, по этим рассказам, жил и кормился исключительно разбоем, он косил своей шашкой направо и налево головы мирных граждан просто из любви к искусству, не признавал ничего святого — ни семейных уз, ни требований религии, ни велений долга, всюду сеял вражду и разрушение; одним словом, всему казачеству приписыва-

валось то, что можно было сказать об отдельных его личностях; по отрывочным, частным и наиболее печальным эпизодам судили о целой истории казаков, и часто факты, оторванные от отдаленного прошлого, отождествлялись с последующей жизнью казачества.

С течением времени, однако, мрак, плотно окутывавший жизнь казачества, благодаря незнакомству с ней, начал мало-помалу рассеиваться, нелепые понятия о казаке стали уступать место здравому знакомству с действительностью, казак из пугала превратился в интереснейший предмет исторических изысканий. И когда таким образом пошатнулась преграда, отделявшая факты от предрассудков и знание от измышлений, история вступила в свои права и дала казачеству на своих страницах очень почтенное место.

Относительно происхождения казачества существовало несколько исторических предположений. Одни видели в казаках потомков казар (хазар. — *Прим. ред.*), обитавших в древности в южной России; другие производили казаков от черкесов; третьи — от черных клобуков; четвертые, наконец, приписывали появление русских казаков влиянию татар. В исторической критике накопилось достаточное количество фактов, позволяющих произвести правильную оценку всем этим предположениям и установить надлежащую точку зрения на происхождение казачества.

Отождествление казаков с казарами, очевидно, обязано было как созвучию в названиях, так и тому обстоятельству, что и казары, и южнорусские казаки одинаково обитали в Южной России. Но слово «казак», как и некоторые другие названия — «кошевой», «ватага», «атаман» и пр., употреблявшиеся казаками, происхождения татарского, а пребывание разных народностей, хотя бы в одной и той же местности, но в различные исторические эпохи, нельзя еще считать доказательством в пользу одноплеменности этих народностей. Исторические сведения о казарах крайне смутны, отрывочны и

неопределенны. Казары притом же были, во всяком случае, не славяне. Таким образом, при наличии одних уже отмеченных фактов предположение о племенном родстве казаков с казарами само собою падает.

Еще менее выдерживает критику мнение о единстве казаков с черкесами. Ни в языке, за исключением сходства слов «черкес» и «черкас», ни во внешней жизненной обстановке, ни в обычном праве, ни в религиозных верованиях и сказаниях, ни в народной поэзии — ни в чем, одним словом, нельзя найти тех общих точек соприкосновения, на основании которых можно было бы построить самую слабую догадку о происхождении казаков от черкесов. Рассматриваемое предположение является, следовательно, плодом ни на чем необоснованного, произвольного умозаключения.

Таково же и предположение о происхождении казаков от черных клобуков.

Наибольшего вероятия заслуживает гипотеза о происхождении казачества под непосредственным воздействием на жизнь русского народа со стороны татарского племени. Но и этой гипотезой можно пользоваться лишь с крайней осторожностью и при неперменном условии разграничения фактов, характеризующих самостоятельное развитие русского народа, от фактов, представлявших продукт чуждых влияний на русскую жизнь.

В исторических актах и документах сохранились прямые указания на факты того и другого рода, обусловившие появление и развитие казачества. Уже само по себе то обстоятельство, что русский народ был долгое время под игом татар, делает вполне вероятным предположение о влиянии татарских военных порядков на склад русской военной жизни. Сильный военный враг мог дать нечто вроде образцов такого военного строя, при усвоении которых русскими становилась возможной борьба с этим врагом впоследствии. Целая масса слов татарских, каковы: казак, атаман, кош, кошевой, паланка,

контаржей, бунчук и т.п., усвоенных казаками, были несомненным результатом таких заимствований и приспособлений. А главное, казаки, как легкие передовые воины, были созданы татарской военной жизнью и существовали у татар прежде, чем появились у русских.

Как известно, слово «казак» означало у татар бродягу, вольного воина, наездника. До последнего времени существования Крымского ханства татары называли казаками особую часть своего войска, составлявшую передовые, легкоконные наезднические отряды. Очень может быть, поэтому, что первоначально у татар казаки представляли собой лишь особый вид армии, имевший специальное назначение для разведок, мелких передовых стычек и т.п.; но с течением времени этот вид татарского войска получил более самостоятельное и обособленное существование. Так, литовские летописцы, упоминая о четырех татарских ордах, имевших своих ханов, именно: о заволжской, астраханской, казанской и перекопской (крымской. — *Прим. ред.*), присоединяют к ним пятую орду — казацкую. Казацкая орда не признавала над собой ханской власти, составляла сброд самых отчаянных голов и была, по-видимому, на худом счету даже между татарами. Из исторических актов известно, кроме того, существование казаков азовских, белгородских и перекопских, игравших между татарами также более или менее самостоятельную роль. Азовские татарские казаки выделились из Золотой Орды и образовали самостоятельную часть, занимаясь набегами и разбоями на пространстве между Крымом и Московской Украиной. Так, в XVI столетии великий князь московский Василий Иванович жаловался турецкому султану, что азовские и белгородские татарские казаки наносили вред пограничным частям его государства и помогали Литве в войне ее с Москвою. В 1510 году Сигизмунд I, великий князь литовский, заносил жалобу крымскому хану на перекопских казаков, тревоживших Литву. Во всех таких случаях оказывалось,

что татарские казаки делали набеги самовольно. Самовольство это было так велико, что татарские казаки мешали даже правильным сношениям Московского государства с Крымом. Бывали случаи, когда московские послы выжидали на Украине времени для проезда в Крым, так как «поле было не чисто от азовских казаков». Одним словом, татарские казаки из специальных воинов татарских полчищ образовали, по видимому, более или менее самостоятельные шайки и скопища, жившие набегами и грабежом и мешавшие как правильным сношениям русских с соседними народностями, так и поступательному ходу южнорусской колонизации.

Такая роль татарских казаков в Южной России несомненно должна была навести русских на мысль об усвоении этого рода воинов для борьбы с татарами. Чтобы сделать успешную борьбу, русским приходилось заимствовать ту военную организацию и способы войны, которые употреблялись их противниками. И, действительно, русские удельные князья и князья литовские первоначально прибегнули к татарским казакам как к наемной военной силе. Состоявшие на службе у этих князей казаки-татары употреблялись как провожатые и наездники в степях. В грамоте 1516 года, данной при Сигизмунде Августе, великом князе литовском, на имя черкасского старосты, упоминается о двадцати четырех казаках белгородских, поступивших на службу к литовскому князю. Из прилагаемого к грамоте списка имен видно, что все двадцать четыре казака были татары. Из последующих исторических фактов известно также, что у татарских казаков бывали иногда атаманами русские, а у русских, наоборот, татары.

Наемные татарские казаки играли, однако, очень незначительную и, во всяком случае, пассивную роль в политических судьбах русского народа. Таких казаков было мало, да и положиться на них было невозможно русским государям и людям. Военные преимущества русских перед татарами ста-

ли ощущаться лишь тогда, когда у русских появились свои собственные казаки, связанные единством веры и национальности. Так образовались казаки рязанские, смоленские, пугивльские, запорожские и донские. Если не считать отрывочного указания о существовании гребенских казаков на Дону при Дмитрии Донском (1380), то наиболее ранние и обстоятельные известия в летописях встречаются о рязанских казаках. Занимая юго-восточную часть русских окраин и соприкасаясь, таким образом, с главными полчищами татар, рязанское княжество более, чем другие пограничные области, подвергалось набегам татар, а следовательно, и более других областей нуждалось в казаках как лучших разведчиков движений татарских орд. В Юго-Западной России при Сигизмунде I и Сигизмунде Августе было уже два рода казаков: правительственные и вольные. Первые набирались старостами, назывались по их именам и находились под их начальством; вторые собирались в вольные сорища, имели своих выборных предводителей и составляли до известной степени независимые военные дружины. В исторических актах под 1503 годом упоминаются черкасские княже-дмитровские казаки. С началом XVI века становится вообще особенно сильным развитие казачества и постепенно расширяется его деятельность. Стремление к казачьей жизни и положению становится массовым, народным. В казаки идет население столько же по зову правительственных властей, сколько, если не больше, по собственному почину и побуждениям. Развитие казачества осложнилось колонизационными процессами и борьбой за веру и национальность. Народные движения, хлынувшие широкой волной в этом направлении, охватили юг России на всем его протяжении, выдвинувши две наиболее замечательные отрасли казачества — Запорожскую и Донскую

Как же все это совершилось? Как сложилось это движение русской народной жизни?

И в истории, и в народных воззрениях сохранились очень характерные указания на этот счет. И прежде, и теперь понятие о казаке русский народ распространял на более широкую область явлений, чем какую обнимало то же понятие у татар. С XVI века название «казак» употреблялось уже русскими в разных местностях нынешней России в том широком значении, какое придает ему народ и в настоящее время. Казаками называли в одних местах воинов, а в других просто свободных, гулящих людей. Так, в Малорусской Украине под именем казаков известны были люди исключительно военного сословия, освобожденные от всех повинностей, за исключением военной. В той части нынешней России, которая в XVI веке принадлежала литовскому княжеству, казаками именовали также воинов, но эти воины, кроме несения своих военных обязанностей, занимались промыслами и торговлей. На дальнем севере Московского государства, как это видно из исторических актов 1564 года, существовали «волостные» и «деревенские» казаки, имевшие свои хозяйственные обязательства и не платившие тягла по особым платежным единицам — «обжам», как остальные земские люди; из позднейших исторических актов видно, что волостные и деревенские казаки не несли военной службы, но занимались возкою соли на особом исключительном праве. Тогда же, в конце XVI столетия, на нижней Волге и вообще в Приволжском крае различались двоякого рода казаки — военные люди и вольные, бродячие работники на судах, ставшие известными впоследствии под именем бурлаков. Так, в актах того времени «казаков», служивших на купеческих судах, воспрещалось «в стрельцы и казаки имати». В черноземной полосе России, в пределах нынешних Воронежской, Курской, Орловской и др. губерний, казаками именовались в XVII столетии и позже исключительно служилые военные люди. Здесь и в настоящее еще время остались в официальных документах названия «казачья слобода» и целые земельные общины, известные под име-

нем «казачьих чинов» конных, полуконных и пеших. В Северной России, как напр., в Вологодской, Вятской и др. губерниях, и в некоторых местах Сибири казаками искони назывались, как продолжают и теперь называться, батраки, наемные рабочие. Вообще с понятием о казаке всегда соединялось понятие о вольнице в разных местах России, в особенности на юге ее. Такова была понизовая вольница; такими же были польские и малорусские гайдамаки (повстанческое движение на Правобережной Украине против гнета польских помещиков в XVIII в. — *Прим. ред.*).

Таким образом, судя по этим немногим, отрывочным фактам, во-первых, казачество было общераспространенным явлением на северо-востоке, юго-востоке, западе и на юге России, а во-вторых, казаками назывались и воины, и полувоенные люди, и просто вольнонаемные рабочие. Обе эти черты одинаково указывают на широкое значение казачества в жизни русского народа, начиная с XVI столетия и оканчивая нашим временем. На самом деле, с указанного столетия казаки начинают встречаться в Московской Руси, в Польше, в Литве, в Малорусской Украине (Украине. — *Прим. ред.*) — запорожцы, малороссийские, слободские, острогожские, бугские, вознесенские, черноморские, дунайские и ново-азовские казаки; в Московской Украине — донцы, сибирские, уральские, гребенские, оренбургские, астраханские и др. казаки, на севере России и Сибири — вольнонаемные казаки по острожкам Строгановых и т.п. Охвативши почти всю нынешнюю Россию, казачество в разные исторические эпохи то усиливалось, то ослабевало, то просто заменялось тягловым (несущим «тягло» — т.е. облагаемым налогами в пользу государства. — *Прим. ред.*) населением, двигаясь в том направлении, в каком росла и ширилась Россия, постепенно заселявшая и ассимилировавшая ближайшие местности. Казаки, поэтому, вместе с военным знаменем всюду несли знамя мирной, хозяйственной колонизации. Этой почтенной

двойственной ролью объясняется то обстоятельство, что казаками в разных местах России назывались и продолжают называться то воины, то вольные работники.

Итак, следовательно, возникновение русского казачества было прежде всего результатом приспособлений русской народности к международным в политическим условиям, господствовавшим на пространстве нынешней России в XVI столетии и до того времени. Подобными приспособлениями богата история и других народов. Позаимствовав формы и названия у татар, русские вложили в эти формы свое особое содержание, удержавши казачество до нашего времени, когда от многочисленного и могущественного татарского племени остались лишь немногие измельчавшие потомки. Русская история полна подвигами и заслугами казачества. Казаки, в союзе с Москвой, сломили татар, Польшу и Литву, казаками покорена Сибирь, казачьими костями и кровью усеяны и омыты все пограничные области России, казачьи войска сослужили великую службу в такие тяжелые времена, как 1812 и 1855 (Крымская война. — *Прим. ред.*) годы, и еще недавно те же казаки выполнили, наряду с русским солдатом, славную миссию освобождения от турецкого произвола одной из балканских народностей (болгар. — *Прим. ред.*). Но, что всего замечательнее, казак во все времена, при всевозможных обстоятельствах, под давлением самых неблагоприятных условий продолжал быть не только исправным воином, но и хозяином, колонизатором, представителем труда и гражданственности.

II

Запорожская Сечь и Донское казачество

Строго говоря, наиболее типичными выразителями казачества нужно считать две отрасли — запорожскую и донскую. История Запорожского и Донского казачеств заслужи-

вает особого внимания как потому, что запорожцы и донцы создали самые оригинальные формы казачьей жизни и быта, так и потому, что оба эти вида казачества играли решающую роль в судьбах нынешнего Кубанского казачьего войска.

Итак, кто же были запорожцы и донцы? И чем они ознаменовали себя в истории?

Четыреста лет тому назад нынешний юг России был порубежной областью между поселениями русского народа и кочевьями разных татарских орд. Это была дикая и малообитаемая страна. Почти девственная природа, обилие речных вод, роскошная степная растительность, неисчерпаемые запасы рыбы в водах, достаточное количество и разнообразие степных зверей и птиц — все это одинаково манило и русских, и татар. Теплый климат и тучная почва делали легко обитаемой страну. Транзитное положение края между Русью, с одной стороны, и владениями турецкого султана с другой, сулило описываемой местности блестящее будущее. Вблизи два моря — Азовское и Черное, тянули, точно магнит, к своим берегам русского колонизатора. И вот, в этом-то богатом и манящем крае или, вернее, в борьбе за этот край было сложено столько русских голов, как, быть может, ни в какой другой местности России. Русский народ воспел эту борьбу в своих высоко поэтических песнях и былинах, история запечатлела на своих страницах подвиги и геройство казака, народные легенды хранят еще образы этого отдаленного и таинственного прошлого; но действительность была чрезвычайно суровой и тяжелой, исполненной военных бурь и тревожных, требовавшей кровавых жертв от казаков, осевших вдали от родины, в низовьях Днепра и Дона, двумя самостоятельными общинами, Запорожскою и Донскою.

Запорожское казачество возникло около половины XVI столетия. В исторических актах под 1568 годом находится прямое указание на Запорожскую Сечь как на самостоятельную существовавшую военную общину. Есть основание пред-

полагать, что Сечь существовала уже за несколько десятков лет раньше упомянутого года. Во всяком случае, началом, если не возникновения Запорожской Сечи, то укрепления ее, в смысле более или менее законченной организации, можно считать вообще средину XVI века.

Вот что говорит в своем исследовании «Южная Русь и Казачество» известный историк Костомаров по поводу возникновения запорожского казачества: «Вероятно, образование Сечи совершилось не вдруг, а постепенно и возникло из рыболовов и звероловов, которые, как показывают акты конца XV и начала XVI веков, издавна имели обычай отправляться весною к порогам и за пороги Днепра, ловить там рыбу и зверей, а осенью возвращались в Украину и в украинских городах продавали свежую и просольную рыбу, и звериные шкуры. Условия пустынного края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сделаться воинами. Занимаясь ловлей и солением рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападения татар, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать их. Такое положение делало их бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днепровские пороги было дело трудное и опасное и приучало их делаться отважными мореходцами. Из промышленного товарищества неизбежно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова (в низовьях Днепра. — *Прим. ред.*) и в поле не только за рыбой и зверями, но и за военной добычей, нападали на татарские улусы, захватывали скот, лошадей, брали у побежденных конскую сбрую и вооружение. Была еще иная приманка для удалцов ходить на Низ. Из Турции чрез Очаков шел торговый путь в Московское государство; этим путем проходили купеческие караваны с товарами. Казаки нападали на них и расхищали везомое богатство. Возвращаясь с ним домой, они давали и другим повод покушаться на такой промысел. Украинскому населению пришлось по вкусу такие походы: чис-

ло отправлявшихся весной на Низ с каждым годом увеличилось. Те, которым нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались в построенном укреплении зимовать; то была так называемая сирома, то есть серая голь, которой нечего было жалеть на родине и для которой жизнь была копейка во всякое время. Другие возвращались на Украину, но уже не хотели быть тем, чем судьба определила им быть до того времени, то есть нести мещанские и сельские повинности; они оставались и сами себя называли казаками»¹.

Таким же, происшедшим самобытно, явлением считает Запорожскую Сечь и другой историк — Максимович. «Внешние набеги, — говорит он, — и внутреннее угнетение Литвы и Польши в оное время (т.е. в литовский период Украины с 1340 года) общего хаоса служило поводом к составлению казачества за порогами днепровскими, там, где воинственный Святослав сложил свою буйную голову, сей первообраз голов казацких! Запорожье было гнездом, где родилась дружная, отважная, холостая ватага вольных казаков, плодилась без матери, ибо для нее была Сечь мать, а Великий Луг батько. Казаков сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и всякий выходец, кто бы он ни был, мог быть их братом, товарищем, только бы, принеся с собою боевую отвагу, он принял греческую веру и язык их»².

Сложившаяся таким образом запорожская община послужила вообще прототипом казачества и убежищем для лиц, стремившихся к казачьей жизни и самостоятельности. Запорожье представляло в таком виде патриархальную братчину. Здесь все были братьями по вере, языку, нравам, занятиям, обязанностям и обычаям. Простота жизни равняла всех, единство веры, даже при различии национальностей, было обязательным для всякого члена, не исключая иноплеменников, а трудовые занятия и борьба с врагами связывали сечевиков общностью деятельности и задач. Отсутствие женщин в Сечи и строгая кара на прелюбодеяние придавали товариществу

характер монастырского учреждения. Но Сечь была в то же время и военным учреждением, поэтому дисциплина при столкновениях с врагом и строгое повиновение воле раз избранного начальства были первой и главной обязанностью. Каждый год община выбирала своих старших; начальство, и каждый раз таким образом на «радах» (вечах, сходах), она делала учет и оценку деятельности избранных раньше начальников. Горе было тому из избранных, кто нарушил обычаи общины, кто пренебрег ее требованиями, кто шел наперекор воле товарищества! Он подвергался непосредственному суду сечеви́ков, самым тяжелым наказаниям и даже смертной казни, какое бы там высокое положение в сечевой иерархии раньше он ни занимал.

Во главе общины стоял «атаман», носивший название «кошевого атамана» или просто «кошевого», а самая Сечь — «Коша». Кошевой был верховным представителем Сечи, совмещавшем в себе военную, политическую, гражданскую и даже духовную власть. Он вел, поэтому, дипломатические сношения с другими государствами от своего имени, был главным военачальником и судьей, разрешавшим даже смертные приговоры, и главным выборным распорядителем в среде гражданской и экономической жизни общины. За «атаманом» следовали: «судья», «писарь» и «есаул» (помощник атамана. — *Прим. ред.*). Все эти лица вместе с кошевым составляли так называемую «войсковую старшину», хотя и занимали более низкие, сравнительно с кошевым, места в сечевой иерархии. Товарищество делилось на 38 «куреней», т.е. громаднейших казарм для общежития, вмещавших до двух, трех, четырех и более сот человек, и в каждом таком курене был также свой выборный атаман, называвшийся «куренным атаманом» в отличие от кошевого. Так как Сечь имела, кроме того, свои владения, свои земли и угодья, заселенные женатыми и семейными казаками, то для управления этими последними она избирала так называемых полковников, разде-

ливши все владения на несколько частей — «паланок». Состав должностных лиц в каждой паланке изображал в малом виде организацию Сечи. Полковник был, так сказать, паланочным атаманом и вместе с подчиненными ему — писарем, есаулом, подьесаулием и подписарием — составлял полковую старшину. Там, где существовали перевозы, игравшие роль таможенных пунктов, были так называемые «шафари», составлявшие с писарями, подшафариями и подписариями старшину войсковых перевозов. Существовал затем целый ряд других второстепенных выборных властей. Вообще в Сечи было около 20 различных должностных званий, причем в одном и том же звании часто было по несколько лиц, именно: кошевой атаман, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой есаул, куренные атаманы (38), полковники (7), шафари (2), полковые писаря (9), полковые есаулы (7), полковые подписарии (9), полковые подьесаулии (7), подшафарии (2), войсковой подьесаулий, войсковой довбыш (т.е. литаврщик), поддовбышний, канцелярские служители разного звания (20), войсковой пушкарь, подпушкарий и гармаши (т.е. артиллеристы числом 8), кантаржей (т.е. хранитель войсковых весов) и толмач (т.е. переводчик), — всего 130 человек. Рады или сходы собирались как общие, войсковые, так и по куреням. Ежегодно на Новый год, вместе с избранием старшины и должностных лиц, запорожская рада «кидала лясы», т.е. бросала жеребья на запорожские земли и угодья. Распределивши лучшие и необходимые угодья между сечевым товариществом, община предоставляла остальную часть угодий в распоряжение семейных казаков — «подданства». Подданство, в свою очередь, разбивалось на множество мелких общинных поселений и каждое такое поселение опять-таки в миниатюре изображало собою Запорожскую Сечь: в нем так же, как и в Сечи, был свой атаман — не кошевой, а громадский, и свое товарищество — не безбрачные сечевики, а семейные громадяне.

Такова в общих чертах была организация Запорожской Сечи. Нет сомнения, что она выработалась не сразу, а постепенно. На усиление Запорожского казачества имели сильнейшее влияние те условия, в каких стоял в XVI веке малорусский народ. Находясь под польским владычеством, малороссы в это время терпели непомерные стеснения от поляков, попиравших вольности, национальность и религию подвластного им народа. В Сечь бежали все — и городские мещане, и сельские жители, и реестровые казаки, и даже мелкие шляхтичи, и лица духовного звания. Тяжесть налогов, угнетение православной веры, издевательство над национальностью, пренебрежение правами народа, вступившего первоначально в союз с Польшей, «как равные с равными», жестокая расправа, преследования и казни защитников этих прав — все это волновало народную массу, озлобляло ее против поляков и способствовало побегам мирных жителей на Низ, в казаки. Сообразно с этим и задача казачества заключалась не только во внутреннем устроении своей общины, но еще более в борьбе с врагами малорусской национальности и веры; а так как этими врагами были, кроме поляков, татары и турки, то история Запорожья полна непрерывной борьбой запорожцев с теми, другими и третьими.

Под влиянием политических и международных условий Запорожский Кош несколько раз менял свое местопребывание. Первоначально Запорожская Сечь была устроена на одном из островов при впадении в Днепр р. Чертомлыка. Это была так называемая «Старая Сечь» или «Сечь на Чертомлыке». С основания Старая Сечь была под верховным покровительством Польши, но скоро затем, в борьбе за веру и народность, запорожцы явились первыми и самыми опасными врагами этого государства. В этот период Запорожское войско, вместе с малорусскими реестровыми казаками (казаки на службе польского правительства, записанные в «реестр» — список. — *Прим. ред.*), предводимое Богданом Хмельницким, жестоко отомсти-

ло полякам. Малороссия и Запорожье поступили в подданство Русского Царя. Вместе с тем это было время геройских подвигов, которыми ознаменовали себя запорожцы в борьбе с татарами и турками. В войну Петра Великого с Карлом XII запорожские казаки, увлеченные гетманом Малороссии Мазепой, изменили Русскому Государю и народу, принявши сторону Карла XII и Мазепы. Результатом было разрушение Старой Сечи русскими войсками и переселение запорожцев на земли Крымского хана. Здесь, на месте нынешнего г. Алешек, была основана вторая Сечь — Крымская. Она просуществовала, однако, недолго. Казаки, будучи под властью ненавистных им татар, не могли вынести того унижения, в которое поставили сами себя, и мысли об отторжении от единоплеменников; чрез 23 года, при Анне Иоанновне, они испросили себе прощение и снова слились с русским народом. Была образована таким образом в 1734 году последняя, так называемая «Новая Сечь» в 8 верстах ниже Старой Сечи, на полуострове, образуемом Днепром и его притоком Подпольною. Переселившись на родину, запорожцы снова направили свою боевую деятельность на борьбу с исконными своими врагами — поляками и теми самыми татарами, под покровительство которых так зло толкнула было их на время судьба.

Около половины XVI столетия, почти одновременно с возникновением Запорожья, в низовьях р. Дона утвердилось другая военная община — Донское казачество. И здесь, как за порогами Днепра, казачество образовалось и пополнялось главным образом из беглецов, но в Запорожье шли малороссы, а на Донщину — великороссы. История не сохранила прямых и точных указаний о первых выходах на Дон и о тех побуждениях, которыми они руководились при этом. Но последующее и самый строй казачьей жизни, однако, ясно характеризует причины и условия возникновения Донского казачества. Как и Днепр, Дон с прилегающими к нему местностями был богат рыбой, зверьями и пустующими, никем по-

стоянно не занятыми угодьями. Теплый климат, почти непочатые дары природы и свободная жизнь служили уже достаточной приманкой и для обыкновенного выходца-колонизатора, а тем более для беглеца, ушедшего из Московского государства от бояр, дьяков и экономического порабощения. И свободный поселенец, и беглец одинаково могли считать себя здесь обеспеченными природой при удовлетворении первейших нужд и потребностей. Удаление от пределов Московского государства, пустынный край и соседство кочевников служили теми общими условиями, которые требовали от донских поселенцев военной организации и сноровки. Донской казак сразу же был поставлен в необходимость быть не столько мирным промышленником, сколько предприимчивым воином. И действительно, на первых порах своего существования донцы более, чем когда-либо, жили войною, на счет военной добычи. Через Азов на Астрахань лежал торговый путь в Азию, на котором донцы, по обычаю тех времен, «живились добычею» у купцов. Это, естественно, привлекало в их среду буйную вольницу Южной России, увеличивая состав войска. Таким образом, и на Дону, как на низовьях Днепра, казаки образовали прежде всего строго военную общину.

Подобно Сечевой организации, устройство внутреннего быта и отношений у донских казаков отличалось оригинальным, чисто народным складом, в духе Древней Руси. Как и у запорожцев, самоуправление сложилось у донцов из войсковых сходов и выборной старшины. Войсковой сход или «круг», как называли его донцы, напоминал собой запорожскую раду и древне-славянское вече. В войсковом кругу каждый казак имел право голоса наравне со всеми другими, не исключая и старшины. Кругу принадлежала административная, законодательная и судебная власть; он назначал походы и поиски неприятеля; на нем производилось разверстание земельных и др. угодий; ему подлежали утверждения судебных приговоров и смертной казни; в войсковом кругу, наконец, выбирались

казачьи начальники. Главным исполнителем решений войскового круга был войсковой атаман, избиравшийся казаками ежегодно; в помощники атаману давались два, также выборных, есаула; письменные дела лежали на войсковом писаре или «дьяке». Кроме войскового круга и атамана, в казачьих городках или станицах были свои станичные круги и атаманы. Лица, стоявшие во главе войскового управления и сложившие свои полномочия, образовали собою «войсковую старшину», звание, ставшее впоследствии жалованным и приравненное к чинам регулярной армии. На первых порах существования большинство донских казаков, подобно запорожцам, вело безбрачную жизнь, и только впоследствии, по мере развития и умножения войска, постепенно увеличивалось количество семейных казаков. Точно так же и первые основы казачьего самоуправления подверглись с течением времени значительным изменениям. Так, войсковые атаманы с 1738 года начали назначаться по Высочайшему повелению; Екатерина II в 1775 году заменила войсковой круг войсковой канцелярией, в 1798 году, при Императоре Павле, войсковые чины были сравнены с армейскими, наконец, положением 1835 года войску была придана та организация, которая сохранилась у казаков, с немногими изменениями, до 1870 года, когда было выработано новое положение.

В течение четырех веков донские казаки ознаменовали себя целым рядом военных действий и предприятий, то служивших на пользу русской народности, укрепляя силу и единство Русского Государства, то просто вызванных жадной наживы и грабежа, но всегда геройских и запечатленных искусством. Особенно жестоко доставалось при этом исконным врагам русского народа — татарам и их покровителям — туркам. В своих походах и поисках за добычей донские казаки, как запорожцы и часто в союзе с ними, опустошали берега Азовского и Черного морей, переплывали в своих незатейливых «стругах» и «чайках» чрез последнее в Малую Азию,

громили здесь города и производили переполох даже в Константинополе. То, что позволяло себе все войско по отношению к туркам и татарам, то отдельные личности и разбойничьи ватаги применяли даже к русским владениям. Так разбойничали по Волге и в пределах Юго-Восточной Руси Стенька Разин, Ермак Тимофеевич, Прокофьев и др. с своими сборищами казачьей вольницы. Но эти разбои с избытком окупались для русского государства одним предприятием Ермака Тимофеевича — покорением Сибири; при том же с этими разбоями соединялась месть за порабощение экономическое и гражданское, почему казахи предводители и находили вне войска, в массе, такую сильную поддержку. Донские казаки играли, кроме того, не последнюю роль во всех войнах России с соседями — с татарами, турками, поляками, шведами и французами, всегда и всюду являясь передовыми борцами и неустрашимыми победителями.

Так возникли и существовали Запорожское и Донское войска. В немногих словах мы отметили как темные стороны в жизни казачества, послужившие ему укором и материалом для преувеличенных представлений о казаках, так и великую историческую роль этих постоянных защитников русского государства, широко раздвинувшего свои пределы ценой казачьей крови и отваги. Темные дела и военные разбои казачества, бывшие в свое время обычным явлением не в одной казачьей среде, давно и бесповоротно сошли с исторической сцены, но не умерло казачество, не заглохли те положительные стороны в его жизни, благодаря которым казак пережил свою историю и стал таким же мирным членом Русского Государства, как и другие граждане. Донское войско продолжает и теперь еще жить на тех местах, которые были его колыбелью. Иная судьба постигла Запорожье, но и оно оставило непосредственных преемников в лице бывших Черноморского и Новоазовского войск, заселивших большую часть нынешней Кубанской области.

III

Уничтожение Запорожской Сечи

Когда основана была последняя Запорожская Сечь, международные условия настолько изменились, что дальнейшие судьбы Запорожья можно было считать заранее предрешенными. Россия, в это время уже могущественная и объединенная в лице двух народностей — великорусской и малорусской, быстро росла и ширилась. Юг России, когда-то страшный татарскими полчищами, несмотря на верховные права и защиту Турции, терял свои владения шаг за шагом под напором русского могущества и силы. Татары ослабели и измельчали; турки потеряли репутацию сильного непобедимого народа; Польша, раздираемая внутренними смутами и неурядицами, едва влачила свое жалкое существование. Борьба с турками и татарами оканчивалась победами двуглавого орла над ушербленным месяцем, и хотя запорожцы играли в этой борьбе самую выдающуюся роль, творили чудеса храбрости и отваги, но последующее слагалось так, что раз оказалось бы сокрушенным могущество татар и туток, услуги Запорожского казачества становились излишними. Так и случилось. Целый ряд столкновений России с Крымским ханством и Турцией закончился в 1774 году миром в Кучук-Кайнарджи, прочно утвердившем престиж России в качестве главного хозяина и распорядителя Юга. Запорожцы с своими владениями мало того, что очутились окруженными русскими войсками, но и принуждены были в силу трактата, во-первых, возвратить часть этих владений крымским татарам и, во-вторых, лишиться доходов с некоторых переправ и соляных озер в пользу Империи. Запорожье почуяло беду и, с энергией и упорством казачьим, решило отстоять свои владения. В том же 1774 году, на общей войсковой раде, были избраны три депутата от войска для поездки в Петербург — Сидор Белый, Логин Мошенский и Антон Головатый, снабженные копиями с

документов на владения запорожские и полномочиями ходатайствовать пред Екатериной Великой о защите казачества от утеснений ближайшим начальством и об оставлении за войском его прежних владений. Депутация немедленно двинулась в путь, но пока она безуспешно хлопотала в Петербурге, Грицько Нечоса, как прозвали запорожцы всеильного Потемкина, приписавшегося к одному из куреней Запорожья, деятельно готовился осуществить свой план Новороссийского губернаторства. Интересы Новороссийского генерал-губернатора и запорожцев оказались в противоречии. Чтобы осуществить свой план, Потемкин должен был уничтожить Запорожье с его обширными владениями.

Историк последней Запорожской Сечи Скальковский указывает на две причины, способствовавшие падению запорожского казачества. С расширением пределов Российской империи Запорожье с своей самобытной организацией, вольностями и владениями явилось «государством в государстве». Услуги его, если и были еще нужны, то далеко не в прежних размерах и степени, а между тем казачество являлось опасным элементом для администрации и ближайших целей Потемкина. С другой стороны, обширные земельные владения Запорожья представлялись довольно заманчивыми для чиновных колонизаторов края. Оправдываясь от несправедливых нареканий на войско, кошевой Калнышевский писал в одном из писем Потемкину: «Почему не жалуется на нас тот, кто наших земель не захватывает и ими не пользуется. Только те кричат на нас, кто от нас корытуется». Последствия подтвердили указания кошевого. Когда было уничтожено запорожское казачество, князь Вяземский получил при разделе запорожских земель 100 000 десятин и в том числе места, бывшие под обоими Сечевыми кошами; почти столько же досталось князю Прозоровскому и меньше многим другим. Таким образом, «богатая добыча», в форме обширных земельных владений Запорожья, послужила тем благоприят-

ствующим обстоятельством, при наличии которого князю Потемкину удалось легко свести последние счета с запорожским казачеством. Не успели еще запорожские депутаты, обласканные и обнадеженные, но ничего не добившиеся, вернуться из Петербурга домой, как Сечь, по приказанию Потемкина, была уничтожена и казачество рассеяно.

История России сохранила мало таких печальных и глубоко трагических страниц, какую представляется разрушение Запорожской Сечи. Запорожцы, убежденные в своей правоте и надеявшиеся на удачный исход ходатайств их делегации, не ждали беды в столь ужасной для них форме. Генерал Текелий, которому было поручено занятие Сечи, двинувшись во владение Запорожского войска, не встретил никакого сопротивления со стороны последнего на пути. Запорожцы были заняты своими хозяйственными делами, им и в голову не приходила мысль о том, что Сечь может быть уничтожена. Когда, гласит народная песня, «батько кошевый» увидел «великое войско из Русского краю», то сделал догадку, что должно быть им, запорожцам, придется с войском матери Царицы «татар, як саранчу, гонить». Но встревоженные казаки почуяли беду и указали своему атаману на то обстоятельство, что пушки в войске матери Царицы были наведены прямо на Сечь.

Ой провидали запорожцы,
Що Нечоса Текелю послав,
Щоб нас и кошевого
И всю славу Сечь атакував;
Був же той день
Велики “зелени свята”,
О, бодай же твоя, Нечосо,
С того дня душа проклята!

Так пели впоследствии запорожские казаки, вспоминая о разрушении своей матери Сечи. Когда Текелий распо-

жился с войсками у Запорожского Коша, запорожцы собрались на раду, чтобы решить, как быть казачеству и что следовало предпринять. Ни разу, быть может, в истории Запорожья не было случая, когда казаки были в таком затруднении. Будь на месте русских другие войска, запорожцы, не задумываясь, сложили бы свои головы, защищая Сечь. Но пред Сечью стояли русские войска, братья по вере и единоплеменники; пришлось бы лить родную кровь, поднять бунт, междоусобие. Неустрашимые воины, поседевшие в войне и боевых стычках, молодежь, не знавшая удержу на поле битвы, отчаянные головорезы, бывшие бичом и грозой для татар и турок — все, одним словом, задумались над роковою думою о грозившей Сече беде. Народная песня передает то замешательство, которое вызвано было в среде запорожцев присутствием русских войск, и те разногласия, которые возникли по этому поводу между казаками: одна часть казачества желала мира и предлагала принести повинную Текелию, другая настаивала на том, чтобы «пока стоит еще солнце на небе, все дрались бы с запасом казачьим» и «не отдавали за спасибо Сечь», третьи были в нерешительности.

Этот момент бурной запорожской рады изображен на прилагаемой иллюстрации, представляющей снимок с картины художника В.И. Ковалева. В центре рады стоит кошевой Петр Калнышевский, с левой стороны примыкают к нему сторонники мирного подчинения Сечи требованиям русского начальства, с правой — их противники, предлагающие «убрать москаля в шоры», т.е. обмануть русские войска и «накивать пятами», т.е. бежать из Сечи, средину занимают нейтральные, ни на что определенное не решившиеся еще казаки. Но вот среди жарких споров о том, что лучше пусть русские войска «выжгут глаза запорожцам и они умрут один за другого», чем отдать Сечь, является с крестом в руках панархимандрит; он убеждает запорожцев «не подымать на братьев рук» и «не делать в своем сердце ран»; толпа прислушивается к словам

своего «пана-отца», но сторонники борьбы заподозревают в архимандрите «шпегу», т.е. шпиона, и с ожесточением набрасываются на него, не обративши внимания на его духовный сан и слова умиротворения. Увещания архимандрита и угрозы проклятия «из рода в род» за пролитие христианской крови берут, однако, перевес над бурными речами толпы. Большинство запорожцев следует совету пана-архимандрита, и рада оканчивается решением «голову хилити», т.е. смириться, принести покорность.

— Ну, пан-отче, по твоему нехай;
Послушают тебе запорожцы,
Бери, Петре, хлиб да сіль
И ходим до Текели в гости,

— поется в народной песне, передающей те тревожнения, которые происходили в это время на раде.

Казаки на первый раз смирились, все еще не допуская мысли об окончательном уничтожении Сечи. Батько кошевой Петр Калнышевский и войсковая старшина были посланы войском с хлебом и солью к Текелию. Текелий принял хлеб и соль, поблагодарил казаков, угостил их и сам принял от них угощение в Сечи, а кошевого и войсковую старшину, однако, арестовал и отправил в Москву. Лишившись старшины, запорожцы окончательно растерялись.

Эй батьки атаманы!
Кажить, де дили нашу старшину!
Бере живой жаль за сердце,
Як сгадаешь славному старшину!

Но горю было нечем пособить. Участь Сечи была решена бесповоротно. Казакам волей-неволей пришлось хоронить свою самобытную общину. В этих крутых обстоятельствах

сторонники борьбы привели в исполнение свою мысль, бежали в Турцию, на землях которой в устьях Дуная была основана впоследствии Запорожская Сечь. Уход из Сечи части запорожцев только усугубил горе оставшихся. Кошевой и старшина были отправлены Текелием в Москву, имущество было их конфисковано, а Сечь была так усердно разрушена, что не осталось камня на камне. История свидетельствует, что Текелий, с непонятным вандализмом, велел разрушить даже исторические памятники — строения, надгробные памятники и пр.; даже церковь Пресвятыя Богородицы, по рассказам одного очевидца, «обдирали», обрубая топором царские врата и срывая украшения.

Так пала последняя Запорожская Сечь в 1775 году, и совершена была по мысли Потемкина крупная и несправедливая ошибка по отношению к запорожцам, нужду в которых скоро потом почувствовал Потемкин.

IV

Образование Черноморского войска и пребывание его за Бутом

Прошло несколько лет. За это время многое успело измениться. Оставшиеся на родине запорожцы разбрелись по разным местам: одни из них поженились, обзавелись семьями и хозяйством, другие продолжали «бурлаковать», т. е. жить холостяками, и таких было большинство. Привычка к бурной военной жизни и необходимое условие такой жизни — отсутствие семейства, были тому причиною. Осиротевшие сечевики как бы ждали только удобного случая, чтобы снова «тряхнуть стариной», возобновить утерянное. И они не ошиблись; такой случай не замедлил представиться. Когда была образована Потемкиным новая провинция — Новороссийский край, в 100 000 кв. верст и с полумиллионным только населе-

нием и когда таким образом, при обширности границ вновь образовавшейся провинции, некому было оберегать ее разбросанное население, — Потемкин невольно вспомнил о «братчиках запорожцах» и пожалел о рассеянных всюду казаках. Для обширного и открытого со всех сторон от нападения поляков, турок и татар края требовалась военная защита, вполне соответствовавшая местным условиям: необходимо было легкое и неустрашимое войско, всегда готовое к отражению неприятеля и хорошо знавшее приемы и уловки своих противников. Таким именно войском считались запорожцы, и тогда-то, наконец, понял Потемкин, почему столь авторитетные деятели, как граф Вейсбах, Миних и Панин поддерживали запорожское казачество: казаки были самым надежным оплотом в борьбе с соседями и лучшей военной стражей для границ. Обстоятельства, следовательно, заставили Потемкина переложить гнев на милость и, раз остановившись на мысли о необходимости возобновления казачества, он привел потом постепенно эту мысль в исполнение.

Непосредственно после уничтожения Запорожской Сечи Потемкин хотел было уже утилизировать военные силы казачества, приказавши генералу Текелию представить ему список наиболее податливых и отличившихся в последнюю турецкую кампанию старшин, с целью награждения их жалованьем и провиантом. При посредстве таких лиц Потемкин предполагал набрать два пикинерные полка из бывших запорожских казаков. Но на языке запорожцев это означало «поробить их москалями», т.е. сделать солдатами, и поэтому казаки, помнившие, какое участие принимал Потемкин в падении Сечи, не только не поддались на обещание генерал-губернатора, но лишь усилили ряды беглецов в Турцию. Князю Таврическому, однако, удалось окружить себя некоторыми из бывших запорожских старшин, получивших армейские чины, жалованье и составивших у него нечто вроде почетного конвоя; были также единичные случаи поступле-

ния запорожцев в Херсонский и Полтавский пикинерные полки и даже на гражданскую службу. Но от всего этого до образования вновь казачьего войска было еще очень далеко. Только мысль об окончательном присоединении Крыма к России и о неизбежности новой войны с Турцией заставила князя Таврического серьезно позаботиться о восстановлении казачества. С этой целью еще в 1783 году Потемкин разрешил бывшим запорожским старшинам: Антону Головатому, Харьку Чепеге и Легкоступу «приглашать охотников к служению в казачьем звании». Впрочем, разрешение это, по-видимому, не дало на первых порах особенно осязательных результатов. По крайней мере до 1787 года об организации вновь зарождавшегося казачества нет достаточных исторических указаний. В этом году, во время путешествия Императрицы Екатерины II по Южной России, Антон Головатый, Сидор Белый и другие казачьи старшины, конечно, не без ведома и содействия Потемкина, поднесли в Кременчуге Государыне адрес, выразив в нем желание служить по-прежнему на военном поле. В том же 1787 году и те же казацкие старшины — Сидор Белый, Захарий Чепега и Антон Головатый окончательно сформировали вольные казачьи команды. Собранные им казаки получили название «войска верных казаков» и были разбиты на две группы — на конницу, под начальством Чепеги, и на пехоту, под командой Головатого; общее же начальствование над казаками было поручено Потемкиным первому кошевому атаману возродившегося войска — Сидору Белому.

Таким-то образом возникло вновь запорожское казачество под именем Черноморского войска, составившего впоследствии основную часть Кубанского казачества. Но прежде чем переселиться в нынешнюю Кубанскую область, черноморцы должны были сослужить службу Русскому государству в борьбе с Турцией. Черноморцы действительно оказали чудеса храбрости в этой войне и на деле доказали свою бое-

вую пригодность и право на самостоятельное существование. Можно сказать, что пролитой здесь кровью они купили себе земли на Кубани.

Ближайшее участие в военных действиях началось для черноморцев с 1788 года. После двух стычек с турецким флотом — 1 июня, когда у Кинбургских берегов турки напали на казачьи лодки и были мужественно отражены казаками, и 7 июня в деле турецкого флота с русской гребной флотилией, за которую казаки получили от Потемкина одобрительный отзыв, 16 июня черноморцы участвовали в поражении турецкого флота. Сражение это отличалось замечательным самоотвержением и стойкостью со стороны русских войск. Командующий русской флотилией, в числе которой были и казачьи суда, принц Нассау-Зиген должен был выдержать напор всего неприятельского флота. Казаки при этом выказали невероятное мужество. На своих мелких гребных судах они смело бросались штурмовать турецкие корабли, сцепившись с которыми, поражали потом неприятеля на палубах собственных его судов... Турецкий флот принужден был отступить с места битвы с большим уроном. Но и казакам недешево далась эта победа, в которой они принимали такое выдающееся участие: войско потеряло кошевого атамана Сидора Белого, получившего в сражении смертельную рану и чрез три дня после того умершего. Спустя 14 дней затем, 1 июля, черноморские казаки снова участвовали в поражении турецкого флота под Очаковым.

Но особенно выказали свои боевые качества черноморцы при взятии Березани. Березань представляла по тому времени почти неприступный остров, находившийся в открытом море, вблизи очаковских берегов. Высокий обрывистый берег этого острова со стороны моря, прекрасная крепость в этой части острова и сильные батареи с юга, по отлогому берегу, доступному для нападения со стороны суши, казалось, делали невозможным сколько-нибудь удачный штурм Березани и тем

более для казаков с их небольшими силами и гребными судами. Однако утром 7 ноября, по приказанию Потемкина, казачья флотилия под начальством войскового судьи Антона Головатого смело направилась на остров со стороны суши, несмотря на сильный неприятельский огонь с Березани. Приблизясь насколько позволял этот огонь и глубина моря к отлогому берегу Березани, казаки сделали залп из пушек и ружей, бросились затем в воду, всползли на укрепленный берег и атаковали неприятельские батареи. Рукопашная схватка заставила турок бросить батареи и отступить к крепости, до стен которой преследовали их казаки. Когда турки укрылись за стенами крепости, сильный картечный огонь отсюда принудил казаков воротиться на турецкие батареи. Направивши с батареями турецкие пушки на турецкую крепость, казаки в свою очередь открыли усиленную канонаду. Движение, сделанное со стороны русского флота, от которого отделилось несколько фрегатов по направлению к Березани, и отправление к острову канонерских лодок решили участь турецкого гарнизона: турки сдали остров и крепость казакам.

После взятия Березани для черноморцев настал бесконечный ряд стычек, преследований неприятеля и сражений в рядах русской армии. Между тем как казачья флотилия участвовала в упомянутых сражениях на воде, конные казаки, под начальством Чепеги, избранного на место Белого кошевым атаманом, двигались берегом, вместе с армией Потемкина, по направлению к Днестру и Дунаю, и на всем этом пространстве казакам приходилось неоднократно участвовать в крупных сражениях армии и в самостоятельных мелких стычках с неприятелем. Так, в том же 1788 году казаки принимали участие во взятии приступом русскими войсками сильнейшей крепости Очакова; в следующем 1789 году 18 июня черноморцы сражались под начальством Кутузова у крепости Бендеры; 14 сентября они взяли штурмом вместе с русским отрядом Хаджибей, укрепленный замок, бывший на месте

нынешней Одессы; затем отдельные отряды черноморских казаков участвовали при взятии русскими войсками Аккермана и Бендер; в то же время казаки несли разъездную передовую службу, доставляли провиант, были вожатыми в хорошо знакомой им местности, делали рекогносцировки, тревожили неприятеля, захватывали пленных и т. п.

В течение почти целого года, благодаря смерти союзника России австрийского императора и перемирию, заключенному Австрией с Турцией, русские войска не предпринимали ничего решительного, ограничившись удержанием завоеванных пунктов. В это время (в 1790 г.) Императрица Екатерина, в уважение к заслугам казаков и Потемкина, назначила последнего гетманом Черноморских и Екатеринославских казачьих войск. Гетман, выказывая в свою очередь заботливость о нуждах казаков, назначил им под поселения земли между р.р. Бугом и Днестром, в пределах нынешнего Одесского уезда. Казаки, несмотря на военное время, стали деятельно устраиваться на указанных землях. Однако главные казачьи силы все-таки были отвлечены от мирных занятий военной службой. С осени 1790 года Потемкин снова решил повести деятельно войну с турками. Чтобы нанести существенное поражение туркам, решено было взять первоклассную турецкую крепость Измаил. По совету Суворова, первоначально следовало для лучшего обеспечения главной цели овладеть устьями Дуная и взять крепость Килию, охранявшую проход в Дунай. Привести в исполнение этот предварительный план поручено было русской гребной флотилии под начальством генерала де-Рибаса и казачьему отряду на судах под командой Антона Головатого. Поручение было исполнено, Килия и два сильно укрепленных замка Тульча и Исакчи были взяты русскими войсками и казаками. Тогда Потемкин приказал де-Рибасу истребить турецкий флот, стоявший на Дунае под стенами Измаила. После предварительных подготовлений с устроенных батарей и с обеих флотилий — рус

ской и казачьей, 20 ноября была открыта усиленная канонада по Измаилу. С одной стороны подвели свои баркасы к турецкому флоту русские моряки, а с другой повел атаку на казачьих судах Антон Головатый, нанеший туркам сильнейшее поражение, потопивши и сжегши до 90 судов. Истребление турецкого флота было произведено 20 ноября, а 11 декабря Суворов взял приступом Измаил, причем казаки были в числе самых деятельных виновников этой победы и потеряли 160 человек убитыми и 345 человек ранеными, количество по тогдашнему времени и по малому составу казачьих войск очень значительное. Наконец, в 1791 году черноморские казаки под начальством своего кошевого атамана Харька Чепеги, нанесли два сильных поражения отдельным частям турецкой армии под Бабадагом, именно: турецкой коннице и войскам татарского хана. Разбитием турок под Мачином русскими войсками черноморцы закончили свое боевое участие в этой войне. В то же время Россия заключила мир с Турцией.

Таким образом, во все время своего четырехлетнего существования, с 1787 по 1791 год, Черноморское казачество провело исключительно в военных действиях. Казалось, и обстоятельства как будто нарочито благоприятствовали и казаки с особенным усердием старались выказать те военные качества и заслуги, опираясь на которые вновь собранные запорожцы могли рассчитывать на право самостоятельного существования и на возвращение хотя бы части прежних казачьих вольностей. И, действительно, счастье, купленное, однако, ценой казачьей крови, обильно пролитой в войне с турками, начало, по-видимому, улыбаться черноморцам. Прежний враг запорожцев — Потемкин Таврический, превратился в «милостивого батька». Войску, с самого его возникновения, была возвращена, хотя и не в полном объеме, но старинная казачья организация с кошевым атаманом и войсковыми старшинами во главе; императрица Екатерина II,

как говорится в ордере Потемкина от 31 января 1788 года, «изволила снизойти на пожалование казакам земли для поселения в Керченском куте или на Тамани»; войску было возвращено белое войсковое большое знамя, малые куренные знамена, булава кошевого атамана и перначи, т.е. все те регалии, которыми всегда так дорожили запорожские казаки; наконец, сам Потемкин принял на себя звание гетмана казачьих войск, что уже прямо налагало на него обязанность особых попечений о казаках. И на самом деле, во все время военных действий, давая самые трудные поручения войску, Потемкин не переставал в то же время заботиться о казаках: черноморцы награждались чинами и орденами, подвиги их доводились до сведения Государыни, в военных приказах выражалась благодарность казакам. Но главная забота Потемкина состояла в представлении черноморцам земли, без которой немислимо было самостоятельное существование вновь возникшего казачьего войска. Вследствие своего ходатайства пред Императрицей Потемкин получил в 1790 году разрешение отвести черноморским казакам «привольные места на берегу Черного моря, между Днепром и Бугом», с правом пользования «рыбными ловлями и всеми выгодами земли»; лично от себя Потемкин подарил войску «Округу Еникольскую с Таманом, на котором, — говорит он в своем письме казакам, — отданные мне места с рыбными ловлями, самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарую». Казаки почувствовали твердую почву под ногами и начали производить хозяйственные обзаведения на указанных им землях. Но, к общему их горю, год спустя, 5 октября 1791 года, неожиданно для всех скончался Потемкин Таврический. Войско «осиротело»; без покровительства умершего гетмана ему предстояла трудная задача отстоять свое самостоятельное существование.

В течение двух лет, со времени разрешения черноморцам селиться на землях между Днестром и Бугом, казаки успели

основать по р. р. Днестру, Бугу, Телигулу, Березани, при Очаковском лимане и в других местах 25 селений, с главной резиденцией войска в Слободзее. Кроме того, возникло много хуторов, зимовников и рыболовных заводов. Черноморцы деятельно заботились об устройстве своего края. Но в то же время многое и многое наводило их на мысль о непрочной будущности казачества. Не только смерть гетмана, защитника интересов войска, но еще более окружающие казачью жизнь условия пугали черноморца. Несмотря на военные заслуги казаков и разрешение правительства селиться и обзаводиться хозяйством бывшим запорожцам, ближайшей администрацией и в особенности помещиками ставились всевозможные препятствия для казачьей колонизации. Запорожцев не пускали в войско, пытались прикрепить к поместьям, обратить в холопов, удерживали их жен и детей. И это еще не особенно страшило и беспокоило черноморцев. На прибугских и приднестровских землях во всяком случае поселилось в течение двух лет 1759 казачьих семейств в числе 5068 муж. и 4414 жен. пола; это население во всяком случае было вне посягательств на него со стороны помещиков и администрации. Но за черноморцами, во-первых, не были прикреплены никакими документами назначенные им земельные владения, а во-вторых, рядом с этими, указанными в весьма неопределенных границах, владениями шли деятельные раздачи на поместном праве пустующих земель. Между тем казаки были уже раз свидетелями того, как их старинные запорожские земли обратились на их глазах в частную собственность лиц, не имевших никогда и никакого отношения к сечевым владениям, как священные для них места, где когда-то находилась их резиденция — Запорожский Кош, были переделаны и приспособлены для помещичьих поселений, как их права на владение, омытые казачьей кровью и укрепленные историей, тем не менее были попорчены и уничтожены. Это был горький и жестокий урок. Не могло ли того же случиться и с вновь обе-

шанными землями? Вот вопрос, который более всего беспокоил казаков и наводил их на мысль о сомнительной будущности войска и его прав. Россия в это время придвинула границы к самым водам Черного моря, казачеству некуда было двигаться дальше, недавние военные заслуги войска могли быть скоро забыты, надобность в боевой казачьей силе могла не потребоваться в ближайшем будущем; один неосторожный шаг со стороны казаков мог похоронить войско со всеми его проблематическими правами. К тому же обещание Екатерины Великой дать черноморцам земли на Тамани, сделанное еще в 1787 году при возникновении войска, было в силе; при первом удобном случае администрация, желавшая выжить казаков, могла опереться на это обещание, да и на самом деле вскоре после смерти Потемкина черноморцам было предъявлено требование переселиться на Тамань. Не лучше ли, поэтому, было сразу уйти в этот неизведанный еще край, где царили ширь и простор и где интересы казаков не могли столкнуться с выгодами и расчетами сильных тогдашнего мира? Черноморцы решили этот вопрос утвердительно.

То, что сделали в этом отношении черноморские казаки, представляет в истории редкий пример разумно и практически проведенного плана, придуманного массой, народом. Выработан и выполнен этот план был именно всей многолюдной казачьей общиной и ее выборными представителями. В этом сказались обычаи и традиции Запорожья. Еще в 1789 году, когда казачество ощутило надобность в собственной своей земле и когда как по этому вопросу, так и относительно приравнения черноморской казачьей службы к донской в военном отношении, между пешими и конными казаками произошли несогласия, кошевой атаман Чепега просил войскового судью Антона Головатого «приложить старание привести и пехотную команду о земле в единомыслие, а также и о донской службе» и «учинить настоящую выправку: какого пехотная команда мнения, дабы и конная с пехотной могла быть

в едином согласии», — Чепега просил вместе с тем судью при-слать ему письменное уведомление «за подписанием общих рук». Вследствие этого Головатый собрал на острове Береза-ни казачью раду из пехотных казаков, которые и выразили свое согласие относительно ходатайства о земле в особом при-говоре. Препровождая этот приговор к войсковому атаману, Головатый прибавлял в особом письме: «Касательно до пехо-ты, то она в своем существе, так как и была на военной ноге, всегда готова проливать кровь за веру, отечество и вольность, которую заслужить положили с помощью Бога». Казачество, следовательно, не только коллективно заявило свои желания, но и порешило так или иначе добиться осуществления их. Таким образом, случай этот показывает, что общинная само-деятельность была видной характерной чертой в жизни чер-номорского казачества на первых порах его существования.

Особенно ярко эта черта выразилась в постановке вопроса о переселении черноморцев из-за Буга на Кубань. Получив приказание о переселении, казаки на общей войсковой раде порешили послать прежде всего опытных людей для осмотра Тамани и прилегавших к ней земель. Таким лицом был избран войсковой есаул Мокий Гулик с командой казаков, которым поручено было тщательно обследовать характер местности и оценить достоинства угодий. Затем, по приговору также войс-ковой рады, судья Антон Головатый с несколькими войско-выми товарищами были избраны в депутаты к Императрице для исходатайствования прав «на вечно спокойное потомствен-ное владение» той землей, которую наметило для себя казаче-ство. Депутации было вручено прошение на имя Императрицы от имени всего войска и особая инструкция относительно тех пунктов, о которых депутация должна была хлопотать. Не смея даже намекнуть на права бывшей Запорожской Сечи, войско-принуждено было пустить в ход хитрость. Так, оно скромно просило об отдаче ему во владение земель «на Тамани, с окрес-тностями оной», а окрестности эти, по занимаемому ими про-

странству, в 30 раз превышали весь Таманский полуостров. Войско не обмолвилось также словом об организации самоуправления, а впоследствии выработало свой собственный законодательный акт, служивший, в сущности, снимком с организации самоуправления в Запорожской Сечи. Результатом хлопот депутации в Петербурге были две жалованные грамоты от 30 июня и от 1 июля 1792 года. В этих грамотах были выражены те начала, которые легли потом в основу общинного самоуправления черноморских казаков. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, с которой действовала казачья депутация и в особенности ее глава — судья Антон Головатый. Пустив в ход все: и знакомство с людьми сильными, и малорусскую песню, и чудачество казака-малоросса, этот замечательно умный и по своему времени довольно образованный казак настолько успешно довел до конца порученное ему дело, что главнейшие желания войска были занесены в жалованные грамоты в подлинных почти выражениях казачьей инструкции и прошения.

Когда казачья депутация прибыла из Петербурга обратно в войско, с жалованными грамотами на земли, с новыми регалиями и подарками Императрицы Екатерины, и когда с достаточной торжественностью было отпраздновано это возвращение депутации и полученные войском монаршие милости, — Черноморское казачество начало окончательно собираться на свою новую родину.

V

Переселение черноморцев на Кубань и колонизация края

Переселение черноморцев было произведено двумя путями — водою на судах и сухим путем. Еще до возвращения депутации из Петербурга войском были изготовлены 51 лодка

и одна яхта для передвижения казаков первым путем. Не дождавшись депутации, 3847 пеших казаков, под командой войскового полковника Саввы Белого и в сопровождении бригадира Пустошкина, двинулись на казачьей флотилии по Черному морю к Таманским берегам. 25 августа 1792 года эта часть казаков пристала к Таманскому полуострову. Пушки и артиллерийские припасы были выгружены на время в Фанагорийскую крепость; тут же, в Тамани, расположились главные силы казаков; часть лодок и казаков под командой войскового полковника Чернышева была отправлена в лиманы к устью Кубани в качестве сторожевого отряда от черкес; на суше, при Старом Темрюке, с той же целью был выставлен другой отряд, под начальством также войскового полковника Кордовского. Так казаки начали свои первые действия в крае, который должен был стать их кормильцем и в котором им предстояло насадить гражданственность, завести хозяйство, упрочить экономический быт и вообще зажить трудовой жизнью. Между тем оставшиеся за Бугом казаки и их семейное население в свою очередь были подразделены на две части. Главная часть казаков с войсковым обозом выступила в путь в начале сентября под командой самого кошевого атамана Чепеги; судья Головатый с одним конным и одним пешим полками остался на месте, чтобы с началом весны следующего года препроводить казачьи семейства с имуществом на новое местожительство. Чрез два месяца, в конце октября, Чепега с войском прибыл к пограничной реке будущего своего отечества — Ее. Ненастная погода и усталость заставила казаков зимовать здесь в так называемом Ханском городке при Ейской косе. Наконец, в следующем 1793 году, когда все три части казаков прибыли на место, окончательно был занят Таманский край «с его окрестностями» или Черноморья, как назван был этот край по имени черноморских казаков, получивших в свою очередь это название за военные подвиги на Черном море в последнюю Турецкую войну.

В то время северо-западная часть нынешней Кубанской области, т.е. прежнее Черноморья, представляла никем не заселенную, пустынную местность. В течение веков здесь перебивали все те народности, которые временно обитали в Южной России и от которых к концу XVIII века плохо сохранились даже воспоминания. Скифы, русские, греки, генуэзцы, козары, половцы, печенег, черкесы, позже турки, татары, казаки-некрасовцы и наконец ногайцы так или иначе были причастны в разное время к местности, пожалованной черноморцам. Но в момент переселения край был совершенно свободен от какой бы то ни было народности, с которой пришлось бы вступить в борьбу или делить землю казакам. Незадолго перед тем, в 1784 году, знаменитый Суворов как бы нарочито подготовил край к принятию черноморцев, выслевши последних его обитателей — ногайцев в пределы нынешней Таврической губернии.

Как и в настоящую пору, Черноморья представляла в то время обширную равнину, упиравшуюся южной своей границей в бассейн Кубани, с единственной кряжистой (гористой. — *Прим. ред.*) местностью — Таманским полуостровом. Тогдашняя природа и естественные условия края, однако, далеко не походили на то, что замечается в этом отношении теперь. Местами, как на Таманском полуострове и вдоль Кубани, были остатки лесов; терен, шиповник и вообще мелкие кустарниковые поросли в обилии встречались всюду на этой равнине; травы и вообще роскошная естественная растительность придавала совершенно дикий характер степям; степные речки, лиманы, озера, болота изобиловали водой; воды в свою очередь были богаты разными видами рыбы, а местность — дикими зверями и птицами; под боком было, наконец, Азовское море с богатейшими рыболовными угодьями. Казаку, как зверолову и рыболову, предстояло широкое поле для промысловой деятельности: степные угодья и богатство пастбищ сулили прекрасные условия для скотоводческого

хозяйства; относительно теплый климат и местами тучная, а вообще непочатая девственная почва благоприятствовала также земледельческим занятиям. Одним словом, казаки могли совершенно верно характеризовать свою будущность вообще и экономическую в частности словами песни Антона Головатого:

В Тамани жить, вирно служить,
Грядицю держати,
Рыбу ловить горилку пить,
Ще й будем богати.
Да вже треба женитися,
И хлиба робити,
А хто итиме из невири (нехристиан. — *Прим.
ред.*)
Непощадно бити.

И однако Черномория все-таки была пустынным, диким, не приспособленным для гражданского строя краем. Ее нужно было еще культивировать: предстояло еще заселить, требовалось устроить жилища, провести дороги, установить сообщения, покорить природу, приспособиться к климату и т.д., и т.д. Этого мало. Хотя край был и пустынным, но рядом с ним, по другую сторону Кубани, жили черкесские племена, потомки древних косоогов, племена воинственные и разбойничьи, которые к тому же не могли хладнокровно отнестись к заселению соседней местности казаками, очень опасными соперниками. Все это осложняло колонизационные задачи казачества, но все это тем не менее не помешало черноморцам создать совершенно новые формы казачьей жизни, формы, в основе которых хотя лежали и старинные казачьи идеалы, но на иной уже совершенно подкладке.

Обняв пространство около 30 000 кв. верст, Черномория была населена первоначально 25 тысячами душ обоего пола.

Стало быть, на каждого переселенца приходилось более чем по квадратной версте пространства. То обстоятельство, что первоначальное население Черномории состояло частью из чистых запорожцев, а частью из малорусской вольницы и вообще людей, искавших свободной жизни и самостоятельного хозяйства, само по себе указывает на характер тогдашних поселений. Это были поселения чисто казачьи, до известной степени военные, но приспособленные к гражданским и экономическим целям в духе малорусских порядков и обычаев.

В самом деле, черноморцы при устройстве своих первых поселений придерживались того, что выработала в этом отношении раньше Запорожская Сечь, но так как в жизнь их вошел новый элемент, долженствовавший произвести существенную перемену в ней, то, сообразно с этим, и поселения приняли особый, отличный от прежних характер. Запорожская Сечь, как мы видели, состояла из бессемейного товарищества, а принадлежащие ей земли были разделены на «паланки», населенные преимущественно семейным казачеством или «подданством». В Черномории, с самого начала ее существования, не было ни господствовавшего товарищества, ни зависимого подданства, а было лишь однообразное, если не считать, конечно, чиновной старшины, семейное казачество, в состав которого входили и бессемейные казаки, «сиромы». Поэтому и самое заселение края было произведено уже иначе: под оболочкой старых форм возникли совершенно другие порядки и приемы для заселения края, какие уж были применены отчасти черноморцами за Бугом. Екатеринодар, основанный в 1794 году, был сделан крупным центральным пунктом в ряду других казачьих поселений и получил название города. Здесь сосредоточилось главное войсковое начальство. Здесь же, в крепости, как и в Запорожском Коше, были выстроены «курени», казармы, где жила бездомная холостая сиромы и служилые казаки. Затем остальное казачество было расселено по всей остальной территории Черноморского вой-

ска. С этой целью весной 1794 года кошевой атаман Чепега и выбранные от войска депутаты определили предварительно места для крупных поселений. Брошенный затем, по обычаю старого сечевого казачества, жребий указал, где и какому куреню предстояло поселиться.

Так было первоначально основано 40 отдельных «куренных селений», получивших те же самые названия, под которыми были известны 38 куреней в Запорожской Сечи. Два поселения, кроме того, были основаны и названы: одно Екатериновским, в честь Екатерины II, а другое Березанским, по имени крепости и острова Березани, взятых казаками у турок в последнюю войну. Самое название «куренное селение», очевидно, указывало как на преемственность новых поселочных форм Черномории от форм старых — «куреней», так и на отличительную особенность этих новых форм — «селений», приноровленных к семейному общежитию. Но в разговорном языке долго потом употреблялось слово «курень» без всяких эпитетов. В настоящее время черноморцы (т.е. кубанские казаки — потомки черноморцев; потомки донцов, переселенных на Линию, назывались «линейцами» — это вторая половина кубанского казачества. — *Прим. ред.*) называют свои крупные поселения станицами и изредка слободами, название же курень совсем вышло из употребления.

Одновременно с заселением Черномории куренными селениями возникли в ней и другого рода поселочные формы, формы мелкие, ячеичные. Это были хутора, зимовники и коши, из которых некоторые появились даже раньше основания куреней. Будучи в колонизационном отношении формами второстепенными, зависимыми и тяготевшими к куреням, как части к целому, — хуторские обзаведения были, так сказать, занесены поселенцами вместе с их хозяйством. Главную статью этого последнего у поселенцев составлял скот, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано с хутором и его первообразом — зимовником или кошом.

Так как во время заселения Черномория представляла собой край дикий и не заселенный даже инородцами, а рядом с ней лежали земли черкесов, народа хищного и воинственного, то казачеству предстояло разом и организовать экономическую жизнь, и защищать новую свою родину от настроенных враждебно к ним, как пришельцам, иноплеменных соседей. Таким образом, на первых же порах колонизации за экономическими нуждами черноморцев очень настоятельно должны были выступать требования военные. Само правительство, населяя Черноморию, искало в ее поселенцах того живого оплота против внешних врагов государства, каким издавна считалось казачество. Этою-то двойственной ролью казачества, как военного сословия, поставленного в военную обстановку, и как населения пограничного, обуславливалась необходимость еще третьего рода поселочных форм, начало которым уже было здесь положено русским правительством в виде военных укреплений. Такими исключительно военными поселочными формами были у черноморцев «кордоны» или «посты», т.е. небольшие казачьи крепости, и пикеты («бикеты»), т.е. еще менее значительные сторожевые пункты; к кордонным же укреплениям можно причислить и батареи, но обо всех этих укреплениях будет еще речь ниже, при характеристике военной жизни казаков.

С первых же шагов заселения Черномории начался и постоянный приток сюда беглых элементов, приток, долго не прекращавшийся впоследствии. В грамотах Екатерины II и Александра I, в переписке войсковой администрации с Екатеринославским наместничеством, а потом губернией, в постановлениях и распоряжениях войсковых находится немало указаний на этот счет. С одной стороны, войску предъявлялись требования разного рода начальств о выдаче беглых и об установлении мер для «пресечения зла», а с другой, казачество, заинтересованное в увеличении своего народонаселения, видимо, отделялось одними формальными распоря-

жениями и отписками. И это вполне понятно. Черномория нуждалась в пришлых рабочих руках, кому бы там не принадлежали эти руки. Так как ее коренное население было постоянно отвлекаемо от хозяйства военной службой, то понятно, что всякий пришелец был здесь желанным гостем, а беспаспортный, беглец, бродяга, с которым можно было при случае не церемониться, — тем более. Таким образом, увеличивая этим путем народонаселение, Черноморское войско, естественно, должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новые поселочные формы и развивая старые.

Но главную массу переселенческого люда дало Черномории все-таки само правительство. Удовлетворяя естественные требования войска в этом отношении, оно в три приема — в 1808, 1820 и 1848 годах, распорядилось о переселении в Черноморию более 100 000 душ обоего пола из малороссийских губерний. Вследствие этих распоряжений в 1809—1811 годах перешло на поселение из Полтавской и Черниговской губерний 22 206 душ мужского и 19 328 женского пола, в 1820—1825 годы вновь прибыло из тех же губерний 25 627 душ мужского и 22 755 душ женского пола, наконец, в пятилетие в 1845—1850 годы все из тех же губерний, а также из других мест Малороссии и губернии Харьковской в последний раз было переселено до 8500 душ мужского и до 7000 душ женского пола. Кроме того, в 1808 году правительство разрешило поселиться в Черномории 500 душ запорожцев, вышедших из Турции. Стало быть, в течение пятидесяти лет первоначальное население Черномории, состоявшее из 25 000 душ обоего пола, благодаря правительственным мероприятиям было увеличено в пять раз.

Само собой разумеется, что такой сильный приток переселенцев в Черноморию извне должен был отразиться весьма заметным образом и на ее поселочных формах. Одни из этих форм должны были выделить из себя выселки, вследствие внутреннего своего роста и переполнения пришлым людом,

другие — возникнуть вновь, вместе с водворением новых переселенцев, под давлением внешней необходимости. Таким образом, в 1811 году, т.е. чрез 19 лет после занятия казаками края, вместо 40 куреней их было 43, в 1821 году считалось уже 47 крупных поселений, в 1825 году — два города, 59 станиц, 5 поселков и в 1850 году — 3 города, 61 станица и 2 поселка. Вместе с тем постоянно росло и количество хуторов. Так, до 1809 года их было 66, в 1821 году — 1766, в 1825 году — 2262 и в 1850 году — 2548. А в общей сложности, к концу шестидесятих годов, по словам известного казака-генерала И.Д. Попко, в Черномории было «3 города, одна немецкая колония, 63 куреня или станицы (в том числе 2 при городах Екатеринодаре и Тамани), 5 поселков и до 3000 хуторов», с населением в 185 220 душ обоего пола.

Так росло, ширилось и развивалось Черноморское казачье войско. Составившись первоначально из старых, испытанных в бою и поседевших на военной службе запорожцев, оно впоследствии пополнялось на счет того малорусского населения, которым искони поддерживалось Запорожье. Но каким образом при этом быстром росте слагалась внутренняя жизнь черноморцев?

VI

Самоуправление Черноморского войска

Основные начала устройства войска и отличительные черты его самоуправления были заранее предрешены казаками, внесены в инструкцию и прошение казачьих депутатов, ездивших в Петербург, и затем почти дословно переписаны в две грамоты, Высочайше пожалованные войску — от 30 июня и от 1 июля 1792 года.

На основании первой из этих грамот, войско представляло собой коллективное юридическое лицо; земля была отдана

ему также в коллективную собственность; войску положено было определенное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковых землях, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребление других регалий бывшей Запорожской Сечи; в административном отношении войско подчинено было таврическому губернатору, но имело свое собственное начальство, так называемое «войсковое правительство», состоявшее из войскового атамана, судьи и писаря; хотя затем в грамоте и выражено было, «чтобы земское управление сего войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными учреждениями о управлении губерний», но войсковому правительству предоставлена была «расправа и наказание впадающих в погрешности в войске», и только «важных преступников» повелевалось отсылать к таврическому губернатору для «осуждения по законам»; наконец, на Черноморское войско возложены были «бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

Вторая грамота, от 1 июля, обнимала собственно вопрос о переселении казаков из-за Буга на Кубань и о пожаловании старшинам патентов на офицерские чины.

Таким образом, в грамотах не было точной и определенной регламентации устройства и самоуправления войска, но заключались очень прочные основания для того, чтобы придать тому и другому важнейшие черты из бывлой казачьей практики. К тому же войско придерживалось уже в этом отношении порядков Запорожской Сечи. Еще за Бугом оно имело свой кош, в селении Слободзее своих кошевого атамана, судью, писаря, есаула и полковников; там же были учреждены три полковые паланки: Березанская, Подднестрянская и Кинбурнская и вообще широко применялось обычное казачье право в области внутренней казачьей жизни и взаимоотношений. Черноморцы на новом своем местожительстве воспользовались, поэтому, как неопределенностью официаль-

ных документов, так и прецедентом сложившейся уже практики, и выработали в форме писанных правил 1794 года, известных под именем «Порядка общественной пользы», свою особую организацию казачьего самоуправления. «Вспоминная, — как говорится в этом замечательном документе, — первобытное войско под названием Запорожцев состояние», войсковое правительство установило следующие важнейшие правила:

В войске должно было существовать «войсковое правительство, навсегда управляющее войском», и состоявшее из кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря.

«Ради войсковой резиденции» основан город Екатеринодар.

В Екатеринодаре, «ради собрания войска и прибежища бездомных казаков», устроено было 40 куреней, из которых 38 носили те же названия, что и в Запорожской Сечи; а все войско положено было «поселить куренными селениями в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет».

В каждом курене ежегодно, 29 июня, положено было избирать куренного атамана.

Куренные атаманы должны были безотлучно находиться при куренях, делать наряды по службе, примирять тяжущихся и «разбирать голословно маловажные ссоры и драки», а «за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству».

Старшины без должности должны были повиноваться в куренях «атаману и товариществу», а этим последним, в свою очередь, предписывалось уважать старших.

Для заведывания и утверждения по всей войсковой земле к «долгоденственному спокойствию благоустроенного порядка» войсковая территория была разделена на пять округов.

Для управления округами в каждом из них полагалось «окружное правление», состоявшее из полковника, писаря, есаула и хорунжего и имевшее свою окружную печать с гербом.

Окружные правления и лица, составлявшие их, обязаны были «чинить непрременное и немедленное исполнение» письменных распоряжений войскового правительства. На правление, кроме того, возложено было иметь попечение об экономических нуждах населения, «а также между людьми встречающиеся ссоры и драки голословно разобрать»; заботиться об исправном и своевременном вооружении казаков, о дорогах и мостах, о благоустройстве и чистоте в куренных селениях, о пожарной части, о преследовании воров и грабителей и о мерах против повальных болезней на людях и на скоте.

В частности, казакам, как чиновным, так и рядовым, дозволено было заводить на войсковой земле и угодьях дворы, хутора, мельницы, леса, сады, виноградники и рыбные заводы, а «в отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям общих сего войска благ», позволялось кроме того селить при хуторах родственников и «вольнотпущенных людей».

Собственно для окружных правлений была выработана также особая инструкция, в которой подробно были изложены права и обязанности окружной администрации, как земской полиции и исполнительного органа.

Таковы в существенных чертах были порядки того самоуправления, которым должны были начать свою новую жизнь на Черномории наследники Запорожья. Сравнивая эти порядки с тем, чем пользовалось в этом отношении Запорожье, нельзя, конечно, не заметить, что права казачества были значительно сужены. Для Запорожской Сечи почти не существовало никаких законов, изданных центральным правительством; она сама составляла свои законы, на основании обычая, и даже карала своих преступных сынов смертной казнью. Управление же Черноморским войском предписывалось в жалованной грамоте сообразовать с узаконениями по управлению губерниями. В Запорожье широко практиковалось выборное начало. На Черномории, раз казак занял в войсковой

иерархии чиновное место, за ним закреплялось звание пана правительственными дипломами навсегда.

С другой стороны, за казачеством были оставлены, во-первых, право войсковой земельной собственности и, во-вторых, куренное самоуправление, т.е. такого рода устои, на которых крепко могла еще стоять общинная жизнь казачества. Казаки вообще старались удержать даже внешние черты сечевого устройства. Так, были оставлены курени в Екатеринодаре наподобие сечевых; под именем округов были учреждены те же запорожские паланки, в которых, как и в Запорожье, администрацию составили полковник, писарь, есаул и хорунжий; администрация эта ежегодно выбиралась войсковым правительством, т.е., если не самим товариществом, то все-таки его представителями, составлявшими коллегияльное учреждение; в сфере обыденных отношений предписывалось даже почитать, как и в Запорожье, старшин, не проходивших общественной службы (т.е. смененных в своей старшинской должности преемником. — *Прим. ред.*) и пр. Но суть, конечно, заключалась в перенесении самоуправления в курень.

Таким образом, в Черномории в первый раз ясно обозначалась та дифференцировка автономных функций казачества, благодаря которой одна часть этих функций перешла к центральному правительству, а другая осталась за войском в форме специальных его прав. Высшая администрация казачества, представляя собою одну лишь внешнюю форму сечевой администрации, без внутреннего правового содержания, была собственно органом правительственным, так как и назначалась, и сменялась, и руководилась, и была ответственной исключительно пред центральным правительством. Самоуправление затем замкнулось в тесные рамки куренной, сельской общины.

Не само казачество, конечно, додумалось до подобной реорганизации вековых своих порядков, но его привели к тому

исторический ход событий, обстоятельства внешние, которые должны были сузить приволье казачьей жизни. Под влиянием этих обстоятельств казачество работало несомненно в духе своих старинных идеалов и сумело разбить бессемейную Запорожскую Сечь на сорок мелких черноморских сечей, в основу которых, по словам грамоты Екатерины Великой, должно было лечь «распространение семейственного жития»; но если при этом оно изменило и ограничило свою внутреннюю организацию, то это зависело не от превращения бессемейного казачества в семейное, а обуславливалось обстоятельствами чисто внешними — требованиями и интересами центрального правительства.

Но упомянутое сечевое устройство Черноморского казачества существовало без изменений только до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императором Павлом, значительно изменившая прежнее казачье устройство и изгнавшая из употребления даже некоторые названия лиц и учреждений, заимствованных черноморцами из Запорожской Сечи. Напрасно раньше, в 1797 году, кошевой атаман Т.Т. Котляревский хлопотал о том, чтобы дозволено было войсковое правительство «именовать по-прежнему Кошем войска верных черноморских казаков» и заботился о пожаловании войску «бунчука и трости войсковой, поелику сии привилегии были в войске Запорожском жалованными». Атаман, видимо, желал удержать хотя бы одни внешние черты старого сечевого устройства, чтобы по крайней мере они напоминали молодому казачеству о былой автономии его дедов и отцов. Но центральное правительство в свою очередь неизменно шло по раз намеченному пути. В силу упомянутой грамоты, вместо «войскового правительства» была учреждена «войсковая канцелярия», в которой должны были присутствовать от войска атаман и два члена, а от правительства «особа», по назначению от него; при канцелярии же должен был состоять правительственный прокурор. В деловом отношении, согласно с

образцами тогдашнего бюрократизма, канцелярия была разделена на шесть «экспедиций» — криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. В следующем за тем году указом императора Павла от 13 ноября, войско было разделено в военном отношении на 20 полков.

В царствование Александра I указом от 25 февраля 1802 года вновь положено было учредить «войсковое правительство с таким же числом присутствующих, как и в Донском войске», а в войсковой канцелярии Донского войска, в силу того же указа, повелено было присутствовать войсковому атаману, двум неперменным членам и четырем ассессорам, причем учрежденные при Павле экспедиции, за исключением полицейской, положено было совсем уничтожить. По воинским делам Черноморию приказано было подчинить инспектору крымской инспекции, а по части гражданской — таврическому губернскому начальству и «особенно управляющему губернией». Затем участие в войсковом правительстве «особого генерала» также решено было отменить, оставив лишь прокурора. Таким образом, благодаря этому узаконению, был сделан как бы шаг назад к прежнему казачьему устройству. Но вместе с тем деление войска на 20 полков в военном отношении осталось в своей силе.

По словам И.Д. Попко, старые казаки резко отличали то устройство казачества, какое последним было получено в силу узаконений Павла и Александра I, от прежнего, выраженного письменно в «Порядке общественной пользы», обозначая его в своих воспоминаниях лаконически: «до полков». И на самом деле в этом отношении замечалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше деления войска на полки. Так, первые три кошевые атамана — Белый, Чепега и Головатый, были еще избраны казачеством по старинному обычаю на войсковой раде и только утверждены правительством; четвертый затем атаман Котляревский был уже прямо назначен правительством, без всякого выбора, и с этих пор войско-

вые атаманы назначились правительством из среды казаков до 1855 года, с которого назначение войсковых атаманов стало производиться исключительно из лиц не казачьего происхождения. Грамотой императора Павла были совсем уничтожены звания войскового судьи и войскового писаря. Деление на полки, ослабив отчасти у казаков право собственных военных распоряжков, наложило на войско узы внешней, сторонней регламентации. Назначение в войсковую канцелярию доверенных от центрального правительства лиц, помимо выраженного самим фактом войску недоверия, связывало казачью администрацию в области самостоятельных ее действий и начинаний. Одним словом, последними правительственными распоряжениями окончательно были стерты следы собственно войскового казачьего самоуправления. От Запорожской Сечи осталось одно куренное, общинное, в тесном смысле, самоуправление.

Итак, начало общинного самоуправления черноморцев надо искать в том отдаленном времени, когда на Черномории существовала куренная община, позаимствованная в свою очередь из Запорожской Сечи.

Насколько можно судить об этом отдаленном времени, куренное самоуправление целиком держалось на народных обычаях и традициях. Писанных законов не существовало для этой мелкой казачьей общины. Куренный атаман был лицом выборным и ежегодно сменяемым, по желанию избравшей его общины, раз он был ей не угоден. Куренное общество или круг было традиционно казачьей «громадою», вершившей свои общественные дела на общих радах. Тут, на этих радах, товарищество и атаманы обсуждали свои нужды, распределяли выполнение общественных повинностей, устанавливали известного рода хозяйственные порядки и чинили суд и расправу в тех границах, какие позволялись им войсковой администрацией, но какие, впрочем, были не определены ясно, а потому, и еще более по старой привычке, часто преступались казачеством.

Впрочем, собственно в исполнительных органах куренного управления в разное время были вводимы некоторые изменения. Обычным представителем общины был в этом отношении атаман, при котором состоял писарь. Но затем в одно время, кроме куренных атаманов, были так называемые сельские атаманы, в другое время именно во время водворения переселенцев в начале тридцатых годов, назначались «смотрителя» во вновь устраивавшиеся селения. В конце концов куренное правительство составляли куренной атаман и два куренные судьи с неизбежным писарем, на котором лежало ведение канцелярской части. Все эти лица были выборными и первые три лица, кроме исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанции, роль которой, впрочем, как-то терялась в куренном казачьем «круге» или «раде», представлявшем собой высшую инстанцию казачьего куренного самоуправления.

В таком виде куренное самоуправление существовало до 1842 года, когда то, что держалось в куренных общинах на обычае и традициях, в первый раз было сформулировано и занесено в правительственные законоположения. В этом году вышло первое казачье положение.

Положением 1842 года управление Черноморским казачьим войском было подразделено на военное и гражданское. Для военного управления были учреждены войсковое и окружные дежурства. В гражданском же отношении органы управления распались на войсковые, окружные и станичные.

К войсковым учреждениям относились: 1) войсковое правление, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный суд и 5) полиция города Екатеринодара. Существенный орган в казачьем управлении представляло собственно войсковое правление, которое состояло из четырех экспедиций: исполнительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управление, в свою очередь, распалось: 1) на окружной суд, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой суд (рассматривал только мелкие уголовные и гражданские дела. — *Прим. ред.*) и 4) окружную прокуратуру в лице окружного стряпчего (адвоката и нотариуса. — *Прим. ред.*). Существенное значение в деле казачьего управления имели собственно окружные суды и в особенности сыскные начальства. В состав первых входили судья и два заседателя — один от чиновников и один от казаков. Так как в заседатели выбирались обыкновенно лица станичными сходами, то в этом отношении, следовательно, в положении 1842 года было допущено нечто вроде участия куренной или станичной общины в войсковом управлении. Но это было именно только нечто. В силу положения, попавшие в заседатели от казаков лица могли участвовать в решениях тех только дел, которые касались станицы и казаков. Заседатели, следовательно, являлись в таких случаях лишь защитниками интересов рядового казачества; но такая защита могла быть игрушкой в руках всеильного пана, который заседал во всех казачьих учреждениях и ворочал всем, конечно, не в обиду и не в убыток себе.

Наконец, станичные учреждения составляли собственно органы казачьего самоуправления. Это были станичный сход или «сбор» и станичное правление, в которых выражалась юридически автономная деятельность станицы или, вернее, станичного общества.

Нужно заметить, что некоторые статьи положения 1842 года о Черноморском войске были приравнены к однохарактерным статьям положения от 26 мая 1835 года о Донском войске, и так как последнее было издано раньше первого, то в известных случаях черноморские казаки должны были руководиться им. Так, в области собственно станичного управления Черноморское войско должно было придерживаться главы XVI «Наказа гражданскому управлению войска

Донского» и «Отдельных правил к наказу гражданского управления», а также главы положения о порядке станичных выборов. Это, конечно, не означало, что станичное самоуправление черноморцев было переименовано на иной лад. Нет, на указанных пунктах и у черноморцев, и у донцов было много общего, к которому они пришли путем самостоятельной жизни и развития.

Согласно обоим казачьим положениям — и черноморскому, и донскому, каждая станица, в лице полноправных общинников, представляла собой отдельное станичное общество, на котором лежали хозяйственные распорядки, касавшиеся всей станицы. Вместе с тем станичному обществу была оставлена часть прав старинного казачьего круга или рады. Так, общество на полном сборе могло судить и наказывать своих членов «за маловажные проступки», «за бродяжество» и пр. В частности, автономные функции станичной общины были разделены между двумя органами — станичным сбором и станичным правлением.

Как гласит параграф 115 упомянутых «Отдельных правил к наказу гражданского управления», станичный сбор должен был руководиться «в суждении и решении общественных дел» тем общим основанием, «чтобы общественная собственность со стороны всякого незаконного притязания оставалась совершенно неприкосновенною; чтобы польза общая всегда была предпочитаема частной; чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто из них не присвоивал непринадлежащего ему; чтобы не был упущен ни один источник, могущий приносить станице доход, и по расходам была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы меры взыскательности служили к неослабному сохранению и утверждению древних обычаев, доброй нравственности по общежитию и в семействах, благочестия чинопочитания и уважения к старшим, и всегдашней готовности к исполнению обязанностей службы; чтобы телесно

наказание определялось по одним ясным и никакому сомнению не подверженным доводам; чтобы престарелые, дряхлые и больные, не имеющие покрова, обретали пристанище и успокоение, а сироты обеспечивались в своем достоянии; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительных людей (т.е. предоставление крова в станице подозрительным личностям. — *Прим. ред.*), бродяжество нищих и прочее». Самые же подлежавшие обсуждению станичного сбора предметы подразделялись на две категории: по одним из них, каковы распоряжения по земельному довольствию, назначение опекунов, определения меры телесного наказания и т.п., постановления могли производиться не менее как $\frac{2}{3}$ голосов всех домохозяев; по другим, какими были разбор ссор и драк, дела о буйстве и непослушании в нетрезвом виде и пр., постановления могли производиться и неполным сбором.

Собственно станичное правление представляло собой «местную исполнительную власть, действовавшую на пространстве юрта каждой станицы». В состав станичного правления входили станичный атаман и двое судей, которые выбирались обществом на полном сборе и утверждались в своей должности войсковым атаманом на три года. Кроме того, при каждом станичном правлении полагалось по два писаря, но, по своему положению, они не принадлежали к составу станичной администрации, хотя в действительности и играли именно такую роль. Как исполнительному органу, станичному правлению должно было подчиняться «все народонаселение станицы».

С другой стороны, станичному правлению была присвоена в известных пределах и судебная власть. Ему предоставлено было право «неукоснительно производить словесные изыскания, рассматривать оные и полагать мнение свое об исправительных средствах: за неповиновение детей родителям и оскорбление их, за сварливость в семействе и с соседями, за леность, пьянство, буйство, распутство, обман всякого рода

и кражу ниже (менее. — *Прим. ред.*) двадцати рублей, потраву чужого хлеба или сена, повреждение сада и прочие подобные проступки, не заключающиеся в себе важного преступления». Но в таких случаях, разобрав известное дело и записав кратко сущность его в журнале, станичное правление передавало его на суд станичного общества. В свою очередь станичное «общество, проверив обстоятельства дела, или соглашалось с мнением атамана и судей, или полагало свое решение». Таким образом, функции станичного суда распределялись между станичным сбором и станичным правлением, причем последнее играло роль предварительной следственной власти, а первый имел значение высшей судебной инстанции.

К тому времени, когда было издано положение 1842 года о Черноморском войске, войско это уже окончательно сложилось в сословном отношении. То, что было только в зародыше при заселении края, в это время стало вполне законченным фактом. Прежняя старшина превратилась в панов, в дворянское сословие. Рядом с этим сословием вышло из той же среды рядового казачества и казачье духовенство. Заняв определенное место в войске, оба сословия стали, разумеется, в известные отношения к серой массе. Принадлежность их к войску давала им права рядового казачества, а чиновное положение представляло преимущества привилегированных. В положение 1842 года в первый раз занесено одно из таких преимуществ дворянства. Помимо обычных казачьих прав на землю в количестве 30 дес., дворянскому сословию было предоставлено в пожизненное пользование 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабс-офицера и по 200 дес. на обер-офицера. Это, понятно, должно было еще резче выделить офицеров и чиновников из массы рядового казачества.

Таким образом, куренная или станичная община была в сущности общиной всесословной. В состав ее входили вместе с рядовыми казаками и казачьи офицеры или чиновники, а местами даже духовенство. Лица из дворянского сословия

нередко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причине, станичники и предпочитали им своего брата-казака. На сходах, в делах всей общины одинаково участвовали и казаки, и офицеры, и духовные лица казачьего происхождения. Последние играли нередко в станичном самоуправлении довольно почтенную роль. Казак-священник всегда был уважаемым лицом в станице. За немногими исключениями, масса сохранила об этих священниках добрые воспоминания, выделяя их из рядов остального, пришлого духовенства. Это было свое, «козаче», по выражению черноморцев, духовенство, ставшее таковым большею частью «по собственному призванию», по желанию общин и по ходатайствам их пред епархиальным начальством путем представления так называемых «одобрительных приговоров». Неудивительно, что такого рода духовные лица имели авторитетный голос по многим вопросам на станичных сходах, которые этими лицами обыкновенно обязательно посещались.

VII

Землевладение черноморских казаков

Рука об руку с развитием общинного самоуправления шла выработка тех хозяйственных порядков, которыми обуславливалось экономическое благосостояние казака, влиявшее в свою очередь на исправное отправление казаками военных обязанностей. Так как военную службу несет обыкновенно все поголовно казачье население, за исключением физически неспособных к тому лиц, и так как при этом казаку приходится делать известные расходы по «снаряжению на службу», то обеспечение казачьего населения достаточным количеством земли всегда было первым и необходимым условием существования казачьего войска. Вот почему черноморские казаки с такой энергией и стараниями заботились о том, чтобы

пожалованные им в Черномории земли были утверждены за ними Высочайше грамотой, таким документом, при наличии которого казаки всегда могли выдержать борьбу при всяких посягательствах на их земли. По той же причине черноморец всегда крайне ревниво охранял свои права на землю и обычные порядки пользования ею от нарушений своими же собратами-казаками. История Черноморского войска представляет в этом отношении много поучительного и оригинального.

С самого возникновения войска основные понятия о земельной собственности определялись и регулировались у черноморских казаков частью писанными законами, а частью обычаями, и последние на практике всегда имели преимущество пред первыми. Простой, рядовой казак никогда не знал юридических тонкостей писанного закона, но хорошо понимал, что такое казачья земля, которой он пользовался, и свои понятия об этом предмете основывал на праве коллективного владения и пользования землей. Основное понятие о коллективной общеказачьей собственности поэтому вьелось в плоть и кровь казака и проходит красной нитью чрез всю историю его земельных порядков. Каждый раз, когда чиновный казак, льнувший больше к писанным, чем к обычным, правилам и законам, старался придать характер сословного, исключительного пользования земельной собственностью, рядовой казак опирался на обычай и противопоставлял понятию о частной земельной собственности понятие о земле общеказачьей или войсковой. Так дело шло до тех пор, пока положительным законом не была окончательно разрешена в известном смысле эта борьба двух противоположных по существу течений и пока из общего понятия о войсковой земельной собственности не выделилось более частное понятие о собственности юртовой или общинно-земельной (т.е. земельной собственности станичных обществ в пределах территории Войска. — *Прим. ред.*).

Право на землю черноморских казаков основывается на грамотах Императрицы Екатерины II и Императоров Павла и Александра I. Первой грамотой земля отдана в дар, как вечная потомственная собственность, черноморским казакам; двумя последними только подтверждается акт такой отдачи земли в собственность. В сущности законодательная власть в этом случае только официально констатировала то, что существовало на самом деле, в действительности. Установленная ею для казачества коллективная земельная собственность была лишь юридическим оформлением факта войсковой земельной собственности, без чего немислимо было и существование войска. Земельные порядки, которыми начало свою экономическую жизнь на Кубани Черноморское войско, первоначально сложились за Бугом и, следовательно, под живым и непосредственным влиянием порядков Запорожской Сечи. На пожалованной в 1790 году за Бугом земле черноморцы до своего переселения на Кубань основали поселения и устроили хутора, пасеки, рыболовные заводы и пр. Земля по обычаю считалась общеказачьей собственностью, а право пользования ею, вытекающая из этого основного понятия, обуславливалось обычаем свободной заимки. Как видно из замечательнейшего официального документа, принадлежавшего перу и уму наказного атамана Котляревского, забугские черноморцы, «не видя точного положения» о принадлежности пожалованной им земли между Бугом и Днестром на праве войсковой собственности, «колебались переходить на нее» для поселения. Поэтому черноморские казаки в своем прошении на имя Императрицы Екатерины II уже прямо просят принять их «для поселения на Тамани с окрестностями оной» и отдать им эту землю «на вечно спокойное потомственное владение». Прощение это было подано 29 февраля 1792 года, а грамота Екатерины II появилась чрез четыре месяца — 30 июня того же года. Правительство, поурезав желания войска на границах пожалованной земли, дало ее наполовину

против просимого количества, но затем право на владение ею оно утвердило, согласно с желанием войска, как выражено было это желание в прошении на имя Императрицы и в инструкции Головатому с старшинами.

Скоро, однако, со стороны казачьей же старшины была сделана первая попытка нарушить обычное казачье пользование землей, как войсковой собственностью. Попытка эта была выражена в упомянутом выше документе «Порядок общественной пользы». Несмотря на то что составители этого акта «вспоминают первобытное Черноморского войска под названием запорожцев состояние», как пример прошлого, имевший, очевидно, послужить образцом во многом для проектированных ими порядков, — на деле они допустили два таких существенных нововведения, которые шли вразрез и с упомянутым ими образцом, и с воззрениями рядового казачества. Так, пунктом 23 правил было постановлено выдавать «открытые листы» «на вечно спокойное владение» дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, «виноградями» и рыболовными заводами. Этим способом, вместе с вполне рациональным укреплением недвижимой собственности за владельцами, хотя *de jure* (юридически. — *Прим. ред.*) и не закреплялась окончательно за отдельными лицами, как собственниками, земля, но сразу же устанавливался такой порядок пользования ею и ее угодьями, который прямо вел к насаждению частной земельной собственности на войсковых землях и, притом, насаждению путем случая, захватов, преимуществ сильного пред слабым и т.п. Нельзя же, в самом деле, было вечно владеть обширной хуторской заимкой или лесом, не стесняя тем впоследствии других, имевших не меньше прав на эти места и угодья! А по пункту 20 тех же правил, «в отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям общих сего войска благ», дозволялось даже селить при хуторах «сродственников и вольножелающих людей», почему проектировалось определить для таких хуторов

земли «по штатной росписи». Короче, на первых же порах войсковая администрация пыталась, видимо, обратить часть общественных земель в частные и насадить своего рода помещичий элемент (помещиков. — *Прим. ред.*) в лице старшины.

Попытки эти, как и следовало ожидать, пришлось не по сердцу рядовому казачеству и, повторяемые руководящим классом в течение десятков лет, внесли впоследствии немало неурядиц и розни во внутреннюю жизнь казачества. Уже в 1797 году, т.е. три года спустя после издания «Порядка общественной пользы», тогдашний войсковой атаман Котляревский, подписавший раньше в числе трех лиц, в качестве войскового писаря, только что упомянутые правила, в своем ходатайстве о войсковых нуждах пред Императором Павлом жалуется, что «начальники, не сообразуясь с точным положением войска», вместо того, «чтобы все пожалованные войску земли и угодья, для избежания скудости, зависти и вражды, оставить общественными», разобрали для себя «выгоднейшие по частям лес и самую лучшую землю», «предоставив право себе и каждому на собственное и потомственное владение». «Таковым постановлением, — поясняет войсковой атаман, — войско чувствительно утеснено, посеяно между ними разномыслие и несогласие и отняты средства к обзаведению себя хозяйством». Ходатайство это кажется тем характернее, что Котляревский, видимо, добивался введения в войско некоторых запорожских порядков, просил возобновить «неизвестно почему» замененное «прежними начальниками» (вероятно, Чепегою и Головатым) название «войсковой кош» названием «войсковое правительство», пожаловать некоторые из регалий, принадлежавших запорожскому войску, и перевести в Черноморию тех из запорожцев, которые, после уничтожения Запорожской Сечи, населили «целые города, селения и помещичьи слободы», но которых не пускали в войско местное начальство и помещики. Как видно из того же документа, Котляревский собственной своей атаманской властью «раз-

деление земель и лесов уничтожил; рубить порядком лес каждому для своих надобностей позволил, казаков употреблять на партикулярные (частные. — *Прим. ред.*) работы запретил, винный откуп (монополию на продажу спиртного. — *Прим. ред.*) упразднил»... К сожалению, все эти отмены несогласовавшихся с институтом войсковой земельной собственности порядков, надо полагать, не имели существенного значения и, может быть, даже не были приведены в исполнение. По крайней мере впоследствии злоупотребления старшин, против которых они были направлены, продолжались по-прежнему.

Отличительные черты войскового землевладения в характеризуемый период были следующие: земля считалась коллективной собственностью всего казачества; отсюда право на владение и пользование ею имел каждый, кто принадлежал к казачьей корпорации. Таким образом, если я был казак, то имел право на войсковую землю только как казак, как единичный член всей корпорации. На этом основании никто другой в корпорации не имел права нарушать мои земельные интересы, как и я в свою очередь не мог делать того же по отношению к остальным членам той же корпорации. Чтобы сделать те или другие исключения в этом отношении, нужно было по меньшей мере согласие всего казачества. Таким образом и самое право пользования войсковой собственностью обуславливалось этой последней в такой лишь степени, чтобы, при существовании его, не было стеснений для отдельных лиц, чтобы удовлетворение экономических потребностей населения не шло вразрез с общей гармонией интересов того же населения: нуждался известный член казачьего общества в расширении своего хозяйства, требовалось ли для него место заимки под хутор, нужно ли было устроить рыбный завод или пасеку, — во всех таких случаях он пользовался правом вольной заимки и вольного ведения своего хозяйства: где хотел, там и селился, лишь бы не нарушил при этом материальных выгод другого. Что в сущности означала эта форма пользова-

ния войсковой земельной собственностью? — Экономическую свободу, при отрицании взаимных стеснений. Давался полнейший простор приложению к делу труда и накоплению трудовым, естественным путем капитала. Каждый должен был тут пользоваться тем же, чем и все, а все — тем же, чем каждый. Другими словами, этот способ пользования землей способствовал на первых порах развитию мелкого, однообразного производства, приуроченного к хозяйствам отдельных лиц, как полноправных в земельном отношении членов общества. Но так как уже в рассматриваемый нами период существования Черноморского казачества, при преобладании натуральных отношений в хозяйстве, в плате, напр., пастуху — скотом, земледельцу — зерном, и пр., производство можно было вести двояким образом: при помощи собственного труда и труда чужого; то нетрудно понять, какую роль в этом отношении должны были сыграть казацкие старшины. Имели они возможность пользоваться даровым, вынужденно обязательным трудом рядового казака — и они пользовались. Жаждал ли, «в отменное свое воздаяние, яко вождь, наставник и попечитель общих благ войска», старшина захватить лучший кусок степи для хутора или наиболее ценное место для рыболовства и захватить в размере львиной доли и в ущерб интересам других, — и он захватывал то или другое своей властной рукой. Просто-напросто старшины хозяйничали на войсковых землях, как хотели, и теснили рядовое казачество в земельном отношении, как могли. Панские хутора, хуторские, рыболовные и другие заимки стали синонимом панского насилия и нарушения прав казачества, как полноправной в земельном отношении общины.

Чрез всю историю Черноморского казачества тянется эта борьба индивидуалистических стремлений из-за панских хуторов и заимок, а потом, кроме того, из-за хуторов и заимок вообще богачей, с коллективным правом казачества на землю, борьба, указания на которую можно в избытке найти в

официальных и неофициальных документах, воспоминания о которой еще живы в среде казачества и явные следы которой даже теперь не перестают волновать казачьи общины. Это печальный, но во всяком случае самый крупный факт в истории казачьего землевладения. Выше мы только что привели уже относительно упомянутой борьбы слова Котляревского, бывшего сначала войсковым писарем, а потом войсковым атаманом, следовательно, свидетельство такого лица, которому не верить никак нельзя, которое скорее могло скрыть, чем ярко выставить существовавшие в его время неурядицы. Другой, не менее авторитетный свидетель прошлого казачества, генерал Дебу, служивший в продолжение 16 лет на Кавказской линии и издавший свое сочинение «О Кавказской линии и Черноморском войске» в 1823 году, упрекал черноморских панов в том, что «богатеишие из них, привыкшие помышлять только о приращении собственного имения, мало заботятся об общем благе». Еще важнее и авторитетнее в этом отношении свидетельство И.Д. Попко, старого казачьего генерала-черноморца, болевшего душою и сердцем о нуждах войска и казачества. Строго разграничивши понятия об общественном благе и личной пользе, этот свидетель в своей книге «Черноморские казаки», изданной в 1858 году, указывает на широкие захваты земельных угодий как всесильною старшиною, так и вообще богачами — хуторянами, в ущерб интересам серой массы казачества. «В то время, — говорит И.Д. Попко, — чтобы придать пользованию характер владения, чиновные члены войскового общества отособились от своих нечиновных сочленов и водворились хуторами в одиночку, по глухим степным займищам. Материальным удобствам существования пожертвованы были обязанности и нравственные выгоды общежития. Расположились жить на вольной земле так, как бы пред словом жить не стоял слог *слу*. Такой образ основного расселения войскового общества должен был иметь потом свое особое влияние и на воспитание

народа, и на дух войска, и на цивилизацию страны». Чиновные старшины жаловали друг другу земли, захватывали в исключительное пользование лучшие владения, не руководясь в этом отношении никакими законами, правилами и ограничениями. «Единственным ограничением служили им пределы влияния и авторитета того или другого высокочиновного старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавший границы своего земельного довольствия старшина сходил в могилу и сам превращался в глыбу войсковой земли, тогда широкие границы его довольствия, потесненные новым, поднявшимся на верх лестницы войсковой иерархии, чиновным старшиной, суживались с быстротой утренней тени, и оставленное первым движимое имение в рогах, гривах, рунах и скирдах превращалось в прах, как червонцы фортуны, проравшие ветхую суму нищего». Вслед за чиновною старшиною последовал и вообще богач хуторянин. «С течением времени сами куренные общества, другими словами, нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примером произвола войсковых патрициев, объявили за собою право жаловать хуторами своих собратьев, плебеев». Возникла земельная рознь в среде рядового казачества. «Различие между хуторами панскими и куренными исчезло. И те и другие, раздвигая свои земельные дачи произвольно, почти в самые улицы куреней, расширенных увеличившимся народонаселением, равно сделались несносны куренным обществам. Завязалась неугомонная, недостойная благоустроенного края борьба между куренями и хуторами. Чтобы остановить и сократить земельные захваты хуторов, курени выдвигают против них свои плуги, подходят под них траншеями, ископанными ралом; а хутора, в виде усиленных вылазок, напускают на куренные пашни свои стада и табуны. Борьба, как видите, земледельческого быта с пастушеским. Неурядам, жалобам и искам, самым нелепым, нет числа. Казаки «оборали» пана, а пан порубил казачьи плуги и вытоптал казачий посев. Урядник посеял жито, а сотник

по его житу взял да посеял пшеницу, и тому подобное. Бог знает, как бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспело войсковое положение 1842 г. Напомнив казакам общинное значение войсковой земли, оно взялось сделать то, чего дотоле не доставало и в чем была осязаема в среднем и низшем слое войскового населения настоятельная потребность — определить условия, размеры и порядок пользования землей, постановить строгую управу между пользующимися и предметом пользования». Такое же свидетельство о земельной неурядице дал в 1846 году в одном из официальных документов генерал-майор Рашпиль, очень видный казачий деятель.

Но и положение 1842 года мало помогло горю. Оно узаконило фактические нарушения принципа казачьей равноправности на землю, установивши различные земельные нормы для рядового казачества и для панов. Между тем как рядовому казаку было определено 30 дес. земли на душу, дворянам сверх этой нормы положено было 200 дес. для обер-офицера, 400 дес. для штаб-офицера и 1500 дес. для генерала. Правда, положением земля отдавалась в таком размере дворянству только в пожизненное пользование, т.е. до тех пор, пока не умирал последний из живых наследников лица, получившего в пользование участок; но от этого, во-первых, не легче было рядовому казаку, а во-вторых, во всяком случае, благодаря такому порядку дел, создавался довольно опасный для целостности войскового землевладения прецедент, который, как показали впоследствии обстоятельства, и послужил делу разрушения войсковой собственности. Словом сказать, шаг в этом отношении уже был сделан в 1842 году; оставалось пожизненное пользование обратить в вечное, потомственное, чего так добивалась казачья старшина еще на первых порах самостоятельного существования войска. Через 28 лет, новым положением 1870 года, пожизненное пользование офицерскими участками было заменено потомственным, из войсковой собственности была сделана собственность частная. А еще

чрез 18 лет, т.е. в настоящее время, часть этой собственности успела уже перейти в руки других владельцев неказаков (которым продавали свои участки казачьи офицеры и их потомки. — *Прим. ред.*), свивших на этих когда-то войсковых землях прочное гнездо кулачества и, устроив такую важную в экономическом отношении точку опоры, обирающих тех самых казаков, предкам которых земля была отдана жалованными грамотами на праве войсковой, общеказачьей собственности.

Таким образом, что касается истории развития казачьей земельной собственности, то на этот счет у черноморских казаков было «не все добро зело». Это, конечно, указывает на то, что и казаки были люди и что им, как людям, ничто человеческое не было чуждо. Были стеснения, был захват, была борьба, было пренебрежение общим благом и интересами ближнего, казак допускал ошибки, впадал в увлечения, — но то была сама жизнь, то было ее постепенное осложнение, без чего немислима была бы и история развития рассматриваемых явлений. За общим фактом земельных неурядиц во всяком случае стоял другой примировавший (главенствующий. — *Прим. ред.*) над этими неурядицами факт развития общинно-земельной казачьей собственности. Важно уже было и то, что за казачьими общинами и фактически, и законом были утверждены известные права на землю; а была у казака земля, значит, казак имел возможность быть казаком, содержать семью, подерживать хозяйство и снаряжаться на службу.

VIII

Экономический быт и духовные потребности черноморцев

С поселением на Черномории казаки повели свою хозяйственную деятельность в духе тех приемов, какими характеризовалась экономическая жизнь Запорожья. Земледелие

было слабо развито, главный промысел первоначально составляло скотоводство и отчасти рыболовство. Этому способствовали и естественные особенности края. Свободных пустующих пространств, с прекрасными пастбищами, было так много, что при теплом климате скот можно было разводить в значительном количестве, без особых затрат труда и хозяйственной заботливости: лошади круглый год паслись на подножном корму, рогатый скот приходилось кормить заготовленным сеном лишь в течение нескольких дней или недель в году, даже овцы большую часть зимы могли продовольствоваться подножным кормом. И скотоводство, действительно, процветало в Черномории в течение 70 или 80 лет; черноморские табунные лошади и серый круторогий скот имели в свое время широкую известность и высоко ценились хозяевами; многочисленные «отары» овец давали всегда достаточный запас пищи для внутреннего потребления России и шерсти для русских и зарубежных рынков. Однако, раз утвердившись в крае, скотоводство очень скоро стало составлять специальный промысел собственно хуторского хозяйства. Курени (т.е. станичные общества. — *Прим. ред.*) были бедны скотом; куренному населению принадлежали лишь тощие «череды» (общественные стада) рогатого скота, маленькие «кущанки» овец и еще меньше лошадей, так что, напр., при снаряжении на службу, казак-станичник всегда покупал лошадь в табунах хуторян (т.е. богатых казаков, живших отдельными хуторами на станичных землях. — *Прим. ред.*). Куренной казак, поэтому, далеко раньше казака-хуторянина стал земледельцем. Хлебопашество, при отвлечении рабочих рук пограничной, «кордонною» службою, хотя и не могло давать особенно больших материальных средств, но во всяком случае служило главным средством прокормления казачьей семьи. Кроме скотоводства, весьма важным подспорьем служили для казака рыбные промыслы. Прибрежья Азовского моря, Кубани, некоторые степные речки, лиманы и плавни были превосход-

ными рассадниками рыбы, плодившейся здесь миллиардами. Старожилы рассказывают просто чудеса об этом. Весной, когда белая рыба — «сула» (судак), «тарань» (вобла), «чабак» (лещ), карп и пр. шла из моря метать икру в плавни, лиманы и реки, то собиралась в столь огромные стада, что ночью у берегов слышался бесконечный шум и гул, производившийся рыбой в воде; на обратном пути по таким речкам, как напр., Черный Ерок, вблизи Петровской станицы, вода выходила из берегов от столпившейся рыбы и местами, как в устье Бейсуга, у Бриньковской станицы, буквально-таки запружала речное русло, так что по рыбе, как по плотине, можно было переходить с берега на берег; в так называемых Сладких лиманах белая рыба метала в таком количестве икру, что нельзя было зачерпнуть в ковш воды без того, чтобы не захватить в него мелкой рыбешки; в некоторых речках после того, как спадала вешняя вода, в заводях оставалась «заблудившаяся рыба» и ее здесь просто руками брали, не исключая даже красных пород — осетра и севрюги; одним словом, рыболовных угодий и рыбы было так много в Черномории, что местное население не только в избытке довольствовалось рыбой, но и сбывало ее в большом количестве во внутренние части России, преимущественно в Новороссию и Малороссию, куда вяленую и соленую рыбу отвозили чумаки тысячами возов. Прибрежные озера — Ясенские, Ахтарские и Бугазские доставляли также казаку соль; обилие диких зверей делало возможным звероловный промысел, в особенности в первое время существования войска. Все это служило хорошей материальной поддержкой для казачьего населения, лишённого самого главного условия для сколько-нибудь сносной постановки хозяйства — рабочих рук, постоянно отвлекавшихся военной службой. Не будь у войска естественных богатств, беспомощному казачьему населению пришлось бы голодать и вымирать; и если, несмотря на эти богатства, бедность все-таки часто свивала гнездо в жилище казака, то это

исключительно зависело от того, что казак был редким гостем дома, что постоянная военная служба лишала его возможности заниматься хозяйством.

Однако ни шаткие экономические условия, бывшие следствием тяжелой военной службы, ни эта последняя не мешали заботиться черноморцам о своих духовных потребностях. Удовлетворение религиозных потребностей было поставлено черноморцами на первом плане; попытки дать детям образование также были проявлены казаками еще на первых порах существования войска. В этом сказались прежде всего традиции Запорожья и национальные особенности населения.

Черноморцы представляли сплошную массу малорусского племени. Старые запорожцы, составившие за Бугом ядро будущего войска, были исключительно малороссы. Последующие затем переселения в войско также производились из малорусских местностей — преимущественно из Полтавской и Черниговской губерний. Примесь посторонних национальностей в войске была поэтому крайне незначительна. Сохранились прямые документальные указания на то, что были единичные случаи поступления в казаки поляков, татар, греков, молдаван и даже евреев; впоследствии при переселениях вместе с малороссами зашло в Черноморию небольшое количество белоруссов. Но — и только. Главную подавляющую массу казачества составили малороссы, придавшие всему складу жизни чисто малорусский характер. Язык, нравы, обычаи, песни и устная народная поэзия, костюм — в особенности женский, способы ведения хозяйства и т.п. — все это было малорусским. По той же причине казаки, как малороссы, были ревностные последователи православия. До начала восьмидесятых годов между черноморцами не было ни одного сектанта. Одной из первых забот по занятии черноморцами края было желание образовать свое духовное сословие, устроить храмы и монастыри. С этой целью, по словам г. Короленко, еще Антон Головатый послал семь избранных казаков к Фе-

одосийскому епископу Иову, прося его посвятить шестерых во священники и одного во дьякона; Иов, не имея на это разрешения от синода, посвятил только двух казаков во священники. Скоро затем было выхлопотано войском разрешение строить церкви и назначать духовенство. Благодаря этому казаки из своей же среды образовали собственное духовное сословие, известное и до настоящего времени под именем «своего черноморьского» в отличие от пришлого — «московского». По примеру Запорожской Сечи, содержавшей на свой счет Киевский Межигорский монастырь, черноморцы устроили Екатерино-Лебяженскую Николаевскую пустынь, а еще позже был основан Мариинский женский монастырь.

В обыденной своей жизни черноморцы отличались крайней простотой и патриархальностью отношений. Ни старшина, ни духовенство на первых порах существования войска не выделялись резко по образу жизни, языку и обстановке из рядового казачества. Простота отношений между старшиной и рядовыми казаками послужила даже предметом укора черноморцев со стороны известного кавказского генерала Ермолова, смешавшего эту простоту с отсутствием дисциплины и уважения к начальству. Ермолов забыл, что черноморцы были частью запорожцы и частью их наследники, а в Запорожье, при большей еще простоте отношений, военная дисциплина и качества легко уживались с незатейливым бытом казака. Отсутствие резких различий в образе жизни и обстановке черноморского казачества было так велико, что казачество не только долго не могло выделить из среды себя торгового сословия, но даже дать единичных его представителей. Тем не менее все это не мешало казакам видеть в образовании детей одну из насущных жизненных задач. Так, несмотря на крайне неблагоприятные экономические и военные обстоятельства, первая школа была основана в 1803 году и через три года затем была преобразована в уездное училище; чрез шесть лет потом было открыто еще четыре школы, а в 1819 году вновь шесть училищ. Правда,

были случаи и закрытия школ, но, во-первых, помимо училищ казаки учили детей у частных лиц, а во-вторых, даже такое количество школ по тому времени было довольно значительным. Так, между тем как в Черномории в 1820 году было 10 приходских школ с 300 учащихся, — в то же время в Донском войске, более старом, многочисленном и богатом, сравнительно с только что сложившимся Черноморским войском, было всего три приходские школы. К тому же учреждение школ пользовалось полным сочувствием со стороны черноморских казаков. Когда в 1806 году войсковое начальство, преобразовывая обыкновенную школу в приходскую, ассигновало для этой цели 1500 рублей из войсковых сумм, сами черноморцы пожертвовали на тот же предмет 4000 рублей из своих частных средств. Учителями первой в войске школы были приглашены казаками из Москвы студент университета и воспитанник гимназии. В 1820 году в Екатеринодаре была уже основана войсковая гимназия, первым директором которой был назначен войсковой протоиерей Кирилл Россинский; энергии и неустанным заботам этого, по своему времени весьма просвещенного лица, черноморцы были во многом обязаны в деле постановки народного образования. Таким образом, народное образование очень рано пустило первые ростки в Черноморском войске, несмотря на крайне неблагоприятные условия существования казаков, несших тяжелую военную службу. Хотя и впоследствии, благодаря все тем же неблагоприятным условиям, народное образование шло не особенно торным путем, было подвержено колебаниям и сокращениям; но с введением положения 1842 года, положения, обусловившего существование нескольких училищ и назначение войсковых стипендий по разным учебным заведениям вне войска, и в особенности после просвещенной деятельности исправлявшего должность наказного атамана генерал-майора Рашпиля, казачье образование вошло в более широкую колею и стало затем постепенно крепнуть и развиваться.

IX

Линейная служба и черноморские пластуны

Черноморцы были призваны сторожить часть той линии, которая тянулась по Кубани и Тереку от Черного до Каспийского моря, о сплошной защите которой казаками хлопотал Потемкин Таврический и предварительное укрепление которой было произведено еще Суворовым. Из этой линии на долю черноморцев приходилось около 260 верст вдоль р. Кубани, с ее бесчисленными излучинами и поворотами, от Изрядного источника, близ нынешней Васюринской станицы, и до берегов Черного моря. Так как весь северный склон Кавказского хребта и закубанской равнины были заселены вдоль пограничной линии горскими племенами, всегда враждебными казаку и всегда готовыми сделать набег на его жилища, то на плечах черноморцев лежала тяжелая ноша охраны пограничной линии на каждом ее пункте, повороте, извилине, всюду, одним словом, где была хоть малейшая возможность перебраться горцу на казачьи владения. Будь горцы в несколько раз сильнее и многочисленнее, чем они были в действительности, имей они хорошо вооруженные войска и прекрасные укрепления на своих землях, действуй они в то же время сплошными, дающими открыто знать о своих враждебных действиях, массами, как подобает это при правильно ведущейся войне, — и при всех этих условиях, пограничная служба носила бы для казака иной характер, была бы, может быть, тяжелой, но очень определенной, заключенной в заранее намеченные рамки: казаки сидели бы в известных местах и ждали бы открытия военных действий, подвергаясь случайностям войны только во время ведения ее. Но черкесы были не столько искусно дисциплинированные воины, сколько отчаянные головорезы и наездники; они не знали и не признавали никаких правил ведения войны; любя и защищая свою свободу, они в то же время ни во что ставили свободу и жизнь

врагов; самая война нередко отодвигалась для горца на задний план пред более прозаической задачей грабежа; набег как месть, разорение, как удаль, и грабеж как трофей этой удали безразлично смешивались в одном в том же понятии борьбы с неприятелем; часто черкес сам шел на смерть и другим нес ее, как разбойник, поэтизируя в то же время этот разбой; без всякого внешнего повода, без малейшего проявления враждебности со стороны казачьего населения, черкес в темную ночь или в туманный день пробирался, как волк, на русскую границу, и здесь, под покровом ночи или туманной пелены, резал, уничтожал и жег всех и все, что только подвертывалось ему под руку, что было ему по силам и чего или кого нельзя было утащить с собой — и это считалось молодечеством, подвигом, геройством, это воспевалось в песнях, служило предметом славы и человеческого величия. Ни серьезный мир, ни договорные мирные условия, которыми можно было бы обеспечить спокойное течение жизни, поэтому, немислимы были с черкесами. Ни на какие клятвы и обещания черкесов казаки не могли положиться. Если вынужденные к миру черкесы не нападали массами, отрядами на казачьи жилища, то действовавшие на свой страх удальцы пробирались в одиночку, тайком за Кубань и все-таки продолжали грабить, резать, уводить в плен и беспокоить казачье население. Так называемые «хаджиреты», бездомовая фанатизированная голь, «психадзе», та же голь, лишенная к тому же лошадей, и вообще необузданная молодежь и много изведавшие беспокойные головы всегда давали достаточный запас таких хищников-удальцов. Все это осложняло и запутывало трудные задачи казачьей пограничной службы. Чтобы удержать горцев от набегов, казакам нужно было возвести одну сплошную крепость на всем двухсотшестидесятиверстном протяжении сторожевой линии, но ведь это была невозможная задача. В таком случае казакам оставалось создать ту «живую изгородь», с незатейливыми пристанищами в виде постов и пикетов,

которая в сущности представляла собой нечто вроде длиннейшей цепи из человеческих существ. Посты служили для казаков главными укреплениями, пикеты играли роль мелких связующих звеньев, а всюду, на пространстве от поста к посту и от пикета к пикету, казак сторожил горца уже прямо грудью, защищал родину кровью, высылая под черкесские пули, шашки и кинжалы так называемые «залогии» и «разъезды». Таким образом, на характере пограничных казачьих укреплений или, вернее, пограничной казачьей службы всецело отразились те донельзя утомительные и неблагоприятные условия непрерывной военной борьбы, которую суждено было вести черноморцам с черкесами в течении семидесяти лет.

По словам И.Д. Попко, на протяжении 260 верст пограничной линии было устроено около 60 постов и батарей и более ста пикетов, хотя в разное время и менялось как общее количество этих укреплений, так и расположение их. Такое по-видимому обильное количество укреплений может дать несколько преувеличенное представление о действительном их значении. Дело в том, что черноморские посты и пикеты были укрепления крайне примитивные и незатейливые. Для многих из этих укреплений не только не употреблялись камень и железо, но даже не было вбито ни одного гвоздя. Таковы именно были пикеты. Пикеты или, как называли их черноморцы, «бикеты» представляли собою небольшие плетенные из ивы шалаши с двойными стенками, промежутки между которыми наполовину наполнялись землей. Каждый пикет был окопан небольшим рвом и снабжен сторожевою «вышкою», т.е. обыкновенною на столбах каланчою, и так называемую сигнальную «фигурою» для оповещения тревоги. В пикете не было ни печи, никаких жилых приспособлений; при холоде, непогоде казаки просто разводили огонь среди шалаша; одним словом, пикет был временным сторожевым пристанищем для казака, устраивался скоро, без удобств, на живую руку и не требовал особых расходов на это: на месте од-

ного сожженного черкесами пикета казаки могли возвести десятки новых во всякое время и без всяких затруднений. Пост или, как называли его черноморцы, «кордон» был тот же пикет, но только в больших размерах и поэтому более фундаментально устроенный и хозяйственно благоустроенный. В кордоне возводились постоянные жилища для казаков — хаты или казармы; кордоны были обнесены более глубоким, чем пикеты, рвом и земляным валом; кордоны, наконец, были вооружены пушками. В дополнение к этому, кордон был снабжен той же, но в больших, разумеется, размерах сторожевой «вышкою», со шпилем и утвержденной на нем поперечную перекладиной, на которую вздергивались (сигнальные, условных цветов. — *Прим. ред.*) шары днем, в случае тревоги, а вблизи укрепления врывалась в землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сеном или соломой, а иногда, кроме того, снабженная кадкой со смолой. Это и была сигнальная «фигура» или «веха», зажегши которую казаки давали знать в темную ночь о набеге черкесов (такие «фигуры» использовались еще в Запорожской Сечи. — *Прим. ред.*). Наконец, батарея представляла нечто среднее между постом и пикетом и также укреплялась пушками. Между тем как на пикет высылалась обыкновенная команда от 3 до 10 казаков, — посты в обычное время охранялись, смотря по своей стратегической важности, от 50 до 200 казаков, а батареи от 8 до 25 человек каждая.

И вот, при помощи этих укреплений «на курьих ножках», черноморцы, выражаясь словами песни, должны были «вирно служить, границу держати». Правда, и неприятелями были черкесы, племена хотя храбрые и воинственные, но никогда почти не прибегавшие к помощи артиллерийского оружия. Однако при этом было другое указанное выше неудобство — черкесы, без объявления войны, могли украдкой прорываться в Черноморию на любом пункте границы во всякое время дня и ночи. Это делало пограничную службу донельзя напря-

женной, заставляло казака быть готовым встретить неприятеля во всякую минуту, требовало беспрестанной подвижности со стороны защитников линии. И действительно, черноморцы охраняли край не столько с помощью укреплений, мимо которых всегда мог проскользнуть горец, сколько непосредственными наблюдениями за неприятелями вне этих укреплений и в промежутках между ними. С этой целью казаками широко практиковалась высылка «залогии» и «разъездов». Вот как охарактеризовал казак-современник эти способы казачьей охраны границы:

«Когда голодный волк и хищный горец выползают из своих нор на ночной промысел, в то время значительная часть спешенных казаков выходят из поста на обе его стороны и украдкою, вместе с тенями в ночи, залегают берег в опасных местах по два, по три человека вместе. В то же время расставленные по пикетам казаки покидают свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами (сетями. — *Прим. ред.*) для ночного хищника. Это “залогии” ... залог спокойствия и безопасности страны. Казаки, остающиеся на посту, держат коней в седле и находятся в готовности, по первому известию, или по первому выстрелу залогии, далеко слышному в ночной тиши, скакать к обеспокоенному месту кратчайшим путем, не разбирая, где куст, где рытвина, чтобы поспеть на зов тревоги прежде, чем “бояре мед попьют” ... Между тем отряжаются с постов, с вечера, в полночь и на рассвете, разъезды, составом в два, в три человека каждый. При ожидаемом по слухам или по приметам нападении разъезды повторяются до шести раз в продолжении ночи, но никогда не бывают они сильного состава. Разъезды проходят прибрежными тропинками — “стежками”, или проложенными и им только известными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность и перекликаясь с залогою загодя условленным, отрывистым свистом, либо глухим, счетным стуком шашки о стремя. Проезжая по Кубани поздно вечером (конечно, по ка-

зенной надобности) и тревожно присматриваясь к мелькающим мимо вас в темноте кустам, — не выскочил бы из них головорез шапсуг, — вы не видите разьезда, а он вас видит... Заметив, как беспокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону, разьездной моргнул усом и думает про себя: не беспокойтесь, ваше благородие, езжайте себе, глаза зажмура: ведь мы не спим. Да, еще вы были версты за две, как он остановил коня, насторожил ухо и настроил глаз. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались в темную даль, он все еще прислушивается к печальному звяканью колокольчика, не прервется ли оно вдруг... и добродушно провожает вас пожеланием, чтоб ваш поздний ужин не остался кому другому на завтрак»⁴.

Особенно учащенными разьезды становились в зимнее время, когда мороз сковывал воды. В эту пору, когда Черноморья была открыта для набегов горцев более, чем когда-либо, черкесы могли свободно переходить не только Кубань, но и болота, плавни, лиманы, при других условиях совершенно непроходимые. По мере того как увеличивалась опасность, усиливался и состав пограничной линейной стражи. К очередным присоединялись льготные казаки. Патрули разьезжали днем и ночью, везде усиливались «залогии», всюду возрастала бдительность. Часто в случае ожидаемых набегов черкесов под ружье становились все казаки, не исключая и так называемых «внутренно-служащих». Тогда линия принимала вполне боевой характер. Казаки еле помещались в своих убогих укреплениях. Помимо постов, военные отряды и команды располагались биваком просто под открытым небом. Охрана линии становилась особенно тяжелой и утомительной. Напряжение росло под непрерывными тревогами, производившимися горцами, и часто разрешалось не единичными, а десятками хотя мелких, но кровавых катастроф.

Среди такой обстановки и казаки, и черкесы употребляли всевозможные уловки и ухищрения, чтобы подсадить друг

друга, и давали в то же время бесчисленные примеры такой привычки к опасностям, которая со стороны кажется просто невероятной. Казачьей залоге черкес противопоставлял свой надзор. В темную ночь, прокрадываясь к сторожевой линии, он чутко прислушивался ко всему, стараясь открыть или угадать место залогии. Чуть казак оплошал — кашлянул, заговорил, засмеялся или зажег трубку, — черкес по звуку, по мелькнувшему огоньку пускал пулю и часто наказывал виновных в неосторожности и беспечности. Отыскавши ту тропинку, по которой ночью должны были проезжать казацкие разъезды, черкесы устраивали засаду, заседая обыкновенно в трех различных местах по обе стороны тропинки. «Средняя засада, перекинув чрез стежку аркан либо лозу дикого виноградника, устраивала таким образом барьер в грудь коню от поверхности земли. С какой стороны разъезд ни следовал бы, крайняя засада пропускала его и вслед затем, гикнув ему в тыл, нагоняла его на барьер, где конь и всадник падали и делались добычей средней засады». Но и казаки в свою очередь знали, как избежать опасности или быть при подобных обстоятельствах. Разъездные обыкновенно всегда тянулись гуськом и на значительном расстоянии, лишь бы не потерять из виду друг друга. Пробираясь тихо поодиночке, казаки таким образом в случае беды не давались сразу все в обман и могли выручить того из товарищей, которому суждено было послужить жертвой черкесских козней. Кроме того, «бывалый казак, как только услышит подирающий по коже гик позади себя, вмиг смекнет, что неприятель хитрит, козни строит, — и потому устремит он своего коня не прямо, вперед себя, а вбок. Пробился конь чрез “хмеречу” (чашу) и чрез болото, исполать ему: он добрый конь, настоящий казацкий конь — ни продать, ни подарить его; а застрял, так долой с него — там он и оставайся, хоть бы пешему как-нибудь добраться до поста». Часто, однако, черкесы предпочитали проказам с «залогами» и «разъездами» ловкий проход между теми

и другими чрез границу с целью поживы казачьим добром. А казак с своей стороны нередко забывал, что находился в залоге или разъезде, и дозволял себе вольности, обескураживавшие черкеса. Вместо того чтобы прятаться от черкеса, он лез ему на вид, заставляя тем видеть козни, которых следовало черкесу избежать. «Вы не поверите, — рассказывал нам старый боевой черноморский офицер, — до чего свыкались с опасностями на кордонной службе наши черноморцы. Бывало, отправятся на залог и вместо того, чтобы сидеть смирно, закуряют трубки и заведут разговоры между собою, сначала шепотом, а потом вслух, а там разойдутся — и хохотать начнут. Не раз случалось накрывать виновных на месте преступления. Едешь с разъездом — глядь — впереди тебя искры блещут. “Кто тут, спрашиваешь конвойных казаков, — должен быть в залоге?” — “Та, ма-бусть, ото, скаженный (сумасшедший) Хаблак люльки захотив покурить”, — получаешь в ответ. Зло возьмет. Подъедешь к виновному, чешешь его, чешешь нагайкою по спине... и вот вам Бог свидетель: казак, бывало, боится нагайки командира больше, чем винтовки черкеса».

Свою военную строевую организацию черноморцы принесли с собою из-за Буга, где у них боевую часть войска составляли кавалерия, пехота и артиллерия. Но своеобразная борьба с горцами и в этом отношении наложила на казачество резкий отпечаток. Запорожская кавалерия так и осталась на Черноморье кавалерией, хотя и преобразованной при императоре Павле в полки; артиллерия заняла свое место на постах и батареях, но пехота существенно изменила прежнее свое назначение. Как мы знаем уже из предыдущего, черноморская пехота представляла собой не столько сухопутные силы, сколько морские. Взятие казаками Березани, участие казачьей флотилии в истреблении турецкого флота под Измаилом, сражение при Кинбурге и пр. составили черноморцам широкую репутацию опытных и храбрых моряков. Пере-

селяясь на Кубань, черноморцы захватили с собой и свою морскую флотилию, но на новом местожительстве казачьи суда оказались совершенно ненужными: на море было стесно, а Кубань, с ее быстрым течением и изменчивым руслом, делала невозможным сколько-нибудь удовлетворительное пользование на ней казачьими военными судами. Сделанные в этом отношении попытки окончились полнейшей неудачей. Так, когда в марте 1802 года казачья команда из 28 человек и двух офицеров, при одной пушке, препровождала из Бугазского лимана в Екатеринодар по Каракубани, протекавшей по владениям враждебных горцев, «байдак», нагруженный порохом и свинцом, то черкесы, сделавши в наиболее удобном для себя месте засаду, бросились на эту команду, овладели байдаком, часть команды и в том числе обоих офицеров перебили, часть изранили и часть забрали в плен. Это был урок, показавший всю непригодность на Кубани байдаков. «Байдаки, — говорит И.Д. Попко, — гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но, что еще невыгоднее, они оставались в бездействии большую половину года чрез обмелевание и замерзание Кубани. А потому существование этих кордонных амфибий кончилось превращением их в простые паромные переправы через Кубань и Протоку». Но взамен утраты морской военной сноровки, приобретенной казаками при иных условиях, черноморцы выработали своеобразный пехотный строй. Казак-пехотинец был очень зорким, неутомимым, искусным и опасным для горца охранителем границы, залегши ночью в залогах и следя часто по пятам черкеса до самых и от самых аульных его жилищ. Особенно громкую известность приобрели в этом отношении черноморские пластуны.

Пластуны не составляли самостоятельной части войска, но встречались всюду по линии особыми мелкими дружинами или, вернее, товариществами. Стоя всегда на самом опасном месте, они несли передовую службу, были застрельщи-

ками, лазутчиками и разведчиками, и, усваивая приемы и сноровку неприятеля, платили черкесам вдвойне и втройне за причиняемые ими беспокойства. Вот как характеризует пластуна казак-современник, на которого мы не раз ссылались выше и который воочию рядом с собой наблюдал в боевой и обыденной жизни пластуна. Пластун — «это обыкновенно дюжий, валкий на ходу казак первообразного малороссийского складу и закалу: тяжелый на подъем и неутомимый, не знающий удержу после подъема; при хотеньи — бегущий на гору, при нехотеньи — еле плетущийся под гору; ничего не обещающий вне дела и удивляющий неистошимым запасом и разнообразием, бесконечной тягучестью (т.е. широтой. — *Прим. ред.*) способностей в деле... Это тяжеловатый и угловатый камень, которым неопытный и нетерпеливый зодчий может пренебречь, но который, если его поворочать на все стороны, может угодить в главу угла. Из служилых людей различных народностей, входящих в могучий состав русского воинства, быть может, черноморец наиболее имеет нужды в указании, ободрении и добром примере, и потом этот же черноморец наиболее бывает благодарен и отдатлив за всякую заботу о нем, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое к нему чувство. В старых песнях о добрых вождах казачества слышен просто плач... Сквозь сильный загар описываемой личности пробивается добродушие, которое легко провести, и вместе суровая сила воли и убеждения, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взгляд и навощенный, кверху вздернутый ус придают лицу пластуна выражение стойкости и неустрашимости. В самом деле, это лицо, окуренное порохом, превращенное в бронзу непогодами, как бы говорит вам: не бойсь, перед опасностью — ни назад, ни в сторону! Когда вы с ним идете в опасном месте или в опасное дело, — от его шага, от его взгляда и простого слова веет на вас каким-то спокойствием, каким-то забвением опасности. И, может быть, отсюда родилось то поверье, что один человек

может заговорить сто других против неприятельского оружия... Пластуны одеваются, как черкесы, и притом, как самые бедные черкесы. Это оттого, что каждый поиск по теснинам и трущобам причиняет сильную аварию их наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцветными, нередко даже, — вследствие потерянного терпения во время починки, — кожаными заплатами, папаха вытертая, порыжелая, но, в удостоверение беззаботной отваги, заломленная на затылок; чевяки из кожи дикого кабана, шетиною наружу: вот будничное убранство пластуна. Прибавьте к этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак (складной штык. — *Прим. ред.*) с деревянным набойником, спереди, около пояса и висящие с боков пояса, так называемые причандалья: пороховницу, кулечницу (от: «куля» — пуля. — *Прим. ред.*), отвертку, жирник (коробочка с оружейной смазкой. — *Прим. ред.*), шило из рога дикого козла, иногда котелок, иногда балалайку или даже скрипку — и вы составите себе полное понятие о походной наружности пластуна, как она есть»⁵...

Живя товариществами и производя поиски за черкесами также партиями, пластуны имели свои обыкновения, право выбора молодых казаков и действовали на разведках на собственный риск и страх. Нескольким человекам, зашедшим на земли неприятеля, да еще такого, как черкесы, не от кого было ждать помощи в случае беды. Тут требовались собственные силы и изворотливость, иначе на каждом шагу пластуны грозили или смерть, или плен. И в среде пластунов действительно вырабатывались замечательные воины и личности. Терпение и отвага при поисках, стойкость и неустрашимость в случае встречи с врагом, изворотливость и хитрость при необходимости обмануть противника, прекрасное знание местности и умение при этом пользоваться ее выгодами, меткий и рассчитанный выстрел, привычка шадить врага при случае и держать в то же время его в почтительном отдалении от себя —

все это налагало особый, весьма своеобразный отпечаток на деятельность и поступки пластуна, делало его в глазах черкеса особенно назойливым и опасным противником. Нередко бывали случаи, когда пластуны пробирались ночью в черкесские аулы, подмечали здесь приготовления к набегу, вводили скот или лошадей, подслушивали разговоры при знакомстве с языком и, выведавши все, что требовалось, пробирались снова тайком на линию. Сколько-нибудь заметные движения и сборища черкесов в одном каком-либо месте, поэтому, редко когда ускользали от наблюдательности пластунов. Застигнутые на месте поисков неприятелем, пластуны почти никогда не давались в руки противников, как бы многочисленны ни были эти последние. Выбравши позицию, что не составляло для них труда, так как пластун каждый шаг делал, соображаясь с характером местности и под прикрытием ее, — пластуны или отстреливались, или просто, молча, заседали. В обоих случаях горцы опасались бросаться немедленно в атаку на защищавшихся, не освоившись с их положением, ибо хорошо знали цену пластунского выстрела и засады. Парализовав таким образом первый натиск со стороны черкесов, пластуны заботились о дальнейшем отступлении. Попадалась вблизи «хмереча», т.е. такая чаша, чрез которую, по выражению черноморцев, «гусь даже не может продраться», — пластуны прятались в нее, и тогда черкес-всадник по необходимости должен был прекратить свое преследование; находились ли невдалеке плавни и болота — и там были у пластуна свои «задние ходы», а для всадника опять-таки становилось немислимым дальнейшее наступление; прикрывал ли засевших пластунов кустарник, камыш или просто бурьян — и тут отступающие находились: выставив шапки, башлыки, а то и часть другой одежды напоказ, пластуны в то же время «ползком» проходили, что называется, под самым носом неприятеля, занимали другую, более выгодную позицию или же и совсем скрывались из вида преследующих, пока эти

последние не догадывались об обмане. Во всех таких случаях пластуны выказывали замечательный ум и находчивость, и часто одни и те же проделки безнаказанно повторялись на глазах горцев по несколько раз, потому что каждый раз держала горца в почтительном отдалении от места засады пуля пластуна. А пластуны были замечательные стрелки, не уступавшие в меткости выстрела американским героям Купера и Майн Рида. Хорошим стрелком, впрочем, пластун делался не только от борьбы с горцами, но и благодаря охоте за дикими зверями. Все свободное от поисков за черкесами время пластуны употребляли на охоту за кабанями, козами, оленями, волками и пр., и здесь, добывая для себя вкусную пищу, они преимущественно и приучались к меткой стрельбе, так как и здесь плохой выстрел, напр., на кабана, грозил смертью или увечьем. Пластуны, поэтому, требовали умения хорошо стрелять и от поступавших к ним новичков, при двух необходимых при этом качествах — хладнокровии и терпеливости. Вообще на своеобразном типе пластуна отразилась ярче, чем на других казаках, вся сумма тех условий, под влиянием которых сложилась военная жизнь черноморца на Кубани, и само собою разумеется, что борьба с черкесами тут стояла на первом плане.

Х

Борьба с горцами и характерные ее эпизоды

Враждебные отношения черноморцев с черкесами обнаружались не сразу по заселении казаками Черноморья, а постепенно, и затем год с годом обострялись все более и более. Первоначально со стороны некоторых черкесских племен были даже попытки перехода в русское подданство. Так, два князя — Батыр-Гирей (Бжедухского племени) и Магмет-Калабат (Хатукайского), вместе с некоторыми другими хлопо-

тали о переходе в русское подданство в 1794 и 1795 годах пред русским правительством и о предоставлении им земель под поселение на Черномории. С этой целью был даже в Петербурге князь Батыр-Гирей в качестве депутата от горцев. Екатерина II нашла, однако, невозможным удовлетворить просьбу черкесов, так как пришлось бы нарушить добрые отношения России с Турцией, подданными которой, хотя и номинально, считались черкесы. Ввиду этого горцам была обещана лишь помощь русского оружия в случае нападения на них враждебных племен и дано позволение перегонять табуны черкесских лошадей для пастьбы на черноморские земли. Бжедухи и хатукайцы были довольны даже таким исходом их ходатайства и с своей стороны обещали сохранять мир по отношению к казакам и вообще быть их союзниками. Были затем и другие попытки со стороны черкесов в подобном же роде, из которых одна увенчалась даже полным успехом. Так, была поселена часть горцев особым аулом — Гривенно-Черкесским, существующим на землях бывшей Черномории и доныне. Но эти именно попытки ценивших мирную гражданскую жизнь черкесов послужили одною из первых и существенных причин, породивших враждебные отношения между остальными черкесами и казаками. Враждебные русским черкесы, и без того нападавшие на аулы племен, искавших дружбы у русских, стали еще более преследовать этих, по их мнению, трусов и осквернителей черкесской свободы. Защита казаками своих союзников только усиливала вражду к последним остальных горских племен. В первый раз казаки облили черкесской кровью свое оружие в серьезной битве, именно, при защите своих союзников — бжедухов. В 1796 году князь Батыр-Гирей дал знать кошевому атаману Чепеге, что около 12 тысяч горцев, преимущественно из абадзехского племени, решили разорить аулы бжедухов и напасть на поселения казаков. Чепега послал 100 казаков с десятью старшинами и одним орудием в помощь Батыр-Гирею, собрав-

шему все свои наличные силы. Главное начальство над бжедухами и казаками было поручено войсковому полковнику Еремееву, и 29 июня произошло первое крупное сражение между абадзехами, с одной стороны, казаками и бжедухами, с другой. Стычка вышла очень кровопролитной и окончилась не в пользу абадзехов, которые были разбиты союзниками наголову и потеряли до 1000 человек убитыми, около 2000 ранеными, 300 пленных и 800 лошадей. Сражение это, в котором участвовали казаки только в качестве союзников и притом в незначительном числе, послужило как бы сигналом для длинного ряда военных стычек и побоищ между горцами и казаками, прекратившихся только с окончательным покоем Западного Кавказа в 1864 году.

Семидесятилетняя борьба черноморцев с черкесами богата не столько крупными и грандиозными событиями, сколько поразительным упорством, стойкостью и взаимным ожесточением, принесшим много зла, разорения и горя обеим сторонам. Это была чисто народная, партизанская война с обеих сторон, война, почти не прерывавшаяся и ни разу не доходившая до столкновения в одной общей битве не только всех наличных, но даже большей части сил у противников. А между тем не было казака или горца, которые не участвовали бы в этой борьбе, потому что каждый, способный владеть оружием, одинаково и у казаков, и у горцев обязан был воевать. Военные силы у противных сторон дробились на части, чаще мелкие, чем сколько-нибудь значительные, и, наряду с маломальски выдающимися стычками этих частей, война то и дело переходила в поединки. Кровь лилась каплями, жертвы приносились втихомолку, противники часто выступали друг против друга в одиночку, не обнаруживалось сразу слишком много огня и дыма, не доходило дело до грандиозных и потрясающих сражений, когда война в один раз поглощала тысячи жертв; но и мелочей было так много, что капли пролитой крови могли бы обратиться в ручьи, из одиночных жертв образо-

вались бы громаднейшие братские могилы и мелкий ружейный огонь превратился бы в величественное молниеносное зарево, если бы история свела все эти ужасные мелочи к одному, двум или нескольким даже эпизодам. И сколько героизма, мужества и самоотвержения было выказано при этом с обеих сторон! Мы привыкли черпать примеры высоких военно-гражданских качеств из древней истории, у римлян и греков, и с непростительным невниманием относимся к героям нашей родины, жертвовавшим собою ради этой последней втихомолку, без расчета на эффект и, быть может, без всякого помысла о военной славе. Была ночь. Три казака сидели «в залоге» за Кубанью, на неприятельской стороне. Вдруг они заметили, что по направлению к Кубани движется целое полчище горцев. Казалось, ничего не стоило бы казакам забраться куда-нибудь в укромное местечко и обождать, пока горцы переберутся чрез Кубань, а затем, давай Бог ноги, убежать за крепкие стены кордона. Но тогда черкесы пробрались бы беспрепятственно чрез границу и принесли бы много зла и горя казачьему населению — могли бы сжечь застигнутую врасплох станицу, увести в плен женщин, переколоть безжалостно детей и стариков, угнать казачий скот... И вот трое односумов, не задумываясь, вступают в борьбу с целым отрядом. Раздаются три казачьи выстрела, вырвавшие трех неприятелей из толпы... Момент молчания — и за ним гик и крики этой мгновенно ожесточившейся толпы. Пока толпа нагрелась «на залог», казаки успели нанести ей еще один такой урон, но не прошло и минуты, как сами они в свою очередь «были посечены, выражаясь излюбленным казачьим выражением, на капусту». Тревога была услышана; казаки с разных сторон двинулись к месту выстрелов; завязалась борьба — досталось казакам и еще более досталось черкесам; жертв оказалось достаточно с обеих сторон, но набег горцев был отражен, станичане и хуторяне с их семьями и имуществом были спасены; многие участвовавшие «в деле» казаки отличились,

получили чины и ордена... а что же три первых виновника всего «этого дела»? Они только увеличили общую груду казачьих жертв за родину, их приняла мать сыра земля, может быть, даже не родная, но об них забыли упомянуть даже в приказе... И тем не менее, чем подвиг этих неизвестных, безыменных героев уступал подвигам Горация Коклеса или Муция Сцевола (легендарные римские герои. — *Прим. ред.*)? Такие «случаи» беззаветного служения родине были нередки между казаками, хотя, быть может, попадут только очень немногие из них на страницы казачьей, мало исследованной и мало затронутой пока, истории. В декабре 1832 года черкесская партия в несколько сот человек перебралась чрез Кубань и намеревалась сделать нападение на Полтавский курень. Казаки, однако, зорко сторожили границу. Сжегши несколько пикетов, шапсуги бросились на пикет, названный впоследствии Суровским. Но находившиеся здесь 13 казаков под командой урядника Сура порешили постоять за себя и родину. На предложение сдаться они отвечали ружейными выстрелами. Шапсуги в свою очередь двух казаков убили и трех ранили. Это, однако, не изменило дела — казаки посылали пулю за пулей в трехсотную толпу, а когда черкесы, бросившись в атаку, пытались шашками рубить плетеные стенки пикета, чтобы проникнуть внутрь, казаки в упор поражали из ружей неприятеля. Казаки выдержали несколько таких натисков в продолжение двух часов, пока другая казачья команда при двух пушках не подоспела к ним на помощь и не разогнала шапсугов. «И этот Сур, — говорит И.Д. Попко, — мало того, что сам отбил, он спас еще курень, дав ему время приготовиться к обороне». А вот другой, еще более поразительный пример казачьего самоотвержения и храбрости. В 1810 году более 4000 горцев, подстрекаемых турецким пашей, жившим в Анапе, предприняли набег на Черноморию в районе Ольгинского поста и вблизи Ивановского и Стеблиевского куреней. Начальник Ольгинского кордона войско-

вой полковник Тиховский разослал гонцов с вестью о вторжении черкесов в разные стороны по линии; но горцы, занявши все сообщения между ближайшими кордонами и пикетами, не допустили казаков, за исключением одного, посланного к войсковому атаману исполнять это приказание. Часть неприятеля бросилась уже на Ивановский курень. Тиховскому, отрезанному неприятелем со всех сторон, предстояло одно — лечь вместе с казаками «костями на поле битвы», чтобы защитить край. «Оставшемуся на (реке. — *Прим. ред.*) Кубани Тиховскому, — говорит г. Короленко, занимавшийся разборкой военных дел Черноморского войска, — ждать помощи было некогда и неоткуда; он это знал, но видел, что толпы черкесов, как волны моря, двигаются для разорения земли черноморцев, защищать которую он ставил себе священным долгом. Сначала Тиховский выслал с кордона сотню казаков при офицере, а потом решился действовать всеми бывшими у него силами. Присоединив к казакам успешную пробиться из Ново-Екатериновского поста конную команду при полковом есауле Гаджанове и забрав из Ольгинска пеших казаков, он, с одной трехфунтовой пушкой, имел в своем распоряжении 200 человек. С этою-то горстью Тиховский двинулся на скопище в двадцать раз сильнеее. Черкесы тотчас же атаковали Тиховского, который, отослав всех лошадей в кордон, выстроился в порядок пешим строем. Азиаты подались назад; тогда Тиховский пустил в них три пушечных выстрела картечью, положивши целые ряды в густой толпе. Оторопевшие хищники стали подбирать своих убитых и раненых и поспешили выйти из-под картечных выстрелов, но в это самое время подоспели к ним на помощь бывшие на левой стороне (Кубани) пешие черкесы и вся масса вновь хлынула на Тиховского. Закипел ожесточенный бой между тысячами неприятелей и горстью казаков. Четыре часа бился Тиховский, поражал врага меткими ружейными и пушечными выстрелами, и брал уже верх над нестройными толпами, как

вдруг грабившие Ивановское селение конные черкесы, услышав пушечные выстрелы, прискакали на место сражения. Дружно ударили все горцы на Тиховского, и притом в тот самый критический момент, когда были израсходованы артиллерийские снаряды; ружейных патронов оставалось тоже мало и в людях была уже убыль убитыми и ранеными. Сам Тиховский, истекая кровью, употреблял, при содействии сподвижника своего Гаджанова, последние усилия: он ударил на неприятеля в ратища (копья — *Прим. ред.*), но черкесы выдержали отчаянный напор казаков и приняли их в шашки. Тогда Тиховский, окруженный со всех сторон, весь израненный, собрав остатки своей команды, с отчаянием бросился напролом, но, разрубленный горцами на части, пал со славой на поле чести. С ним погибли и остатки храброй дружины его. Наступившая ночь осенила мрачным своим покровом разбросанные по полю тела черноморских казаков»⁶... Немногие из двухсот казаков, участвовавших в этом побоище, спаслись, да и из них часть сильно израненных тогда же умерла; но зато было спасено ценой этой кроваво-обильной казачьей жертвы население двух куреней! «С тех пор, — говорит Короленко, — прошло более полувека (а теперь более $\frac{3}{4}$ века); затихла гроза войны на берегах Кубани; заросло травой поле, облитое казацкой кровью, усеянное костями казаков, и только скромный памятник, поставленный усердием признательных черноморцев, указывает могилу павшего с товарищами за царя и родину героя Тиховского!» Да, черноморцы не привыкли к пышным памятникам, но умели умирать героями за родину...

Подобными случайностями была полна военная жизнь черноморских казаков. Несмотря на свои военные преимущества, казаку приходилось чаще защищать свой край, чем нападать и опустошать неприятельский. Русское правительство очень долго предпочитало такое положение войска наступательной борьбе с горцами частью из желания подкупить,

так сказать, этих последних, а частью в видах сохранения добрых отношений с Турцией, которая могла считать репрессивные меры казачества нарушением существовавших трактатов. С своей стороны Турция также обязана была сдерживать воинственные порывы черкесских племен, не допускать их до открытой вражды и нападений на казачьи поселения. С этой целью в турецкой крепости Анапе имел постоянное местопребывание нарочито назначенный паша. Действительность, однако, свидетельствовала о полном бессилии турецкой власти в деле обуздания воинственных горцев. Набеги черкесов мелкими партиями на Черноморию продолжались почти непрерывно. Черкесы уводили казачий скот и брали население в плен. А турецкий паша в это время или бездействовал по беспечности, или же, несмотря на все свое желание, не мог ничего сделать. Черкесы не хотели его слушаться, отказывались возвращать по его приказанию казакам захваченный скот и пленников; когда же паша грозил им военными мерами, то они смело отвечали, что черкесы — вольный народ, не признающий никакой власти — ни русской, ни турецкой, и будут с оружием в руках защищать свою свободу от всякого посягательства на нее со стороны турецкого чиновника. Дело доходило даже до того, что казаки должны были защищать турецких чиновников от подчиненных турецкому же правительству подданных. При таких обстоятельствах турецкий паша сводил свою верховную над горцами власть к тому, что в одних случаях предупреждал казаков о готовившихся на них набегах горцев, а в других просил казачье начальство разделаться с черкесами по своему усмотрению с помощью военной силы. Но чуть менялись обстоятельства — становились натянутыми отношения между Россией и Турцией, занимал место анапского паши недоброжелатель русских и т.п.; как тот же паша, обязанный удерживать черкесов от набегов, подстрекал втайне черкесские племена к враждебным действиям против казаков. Как ни долготерпеливо,

поэтому, было в этом отношении русское правительство и казаки, а в конце концов приходилось держаться с горцами их же политики — за набег платить набегом и за разорение разорением. Наряжались военные экспедиции, казаки переходили на земли горцев, разоряли аулы, жгли хлеб и сено, уводили скот, брали в плен население, одним словом, в свою очередь повторяли то же самое, что делали черкесы на казачьих землях. Возгорались военные действия в духе того времени. Казаки, превосходившие черкес если не численностью, то военной организацией, и располагавшие страшным врагом горца — орудиями, почти всегда выходили полными победителями. Особенно часты и опустошительны были походы казаков в горы под командой войсковых атаманов Бурсака, Бескровного, Заводовского и генералов Донского войска Власова и Черноморского Бабича. Каждый такой поход на время отнимал у горцев охоту к набегам, но, само собой разумеется, не умерял вражды черкесов против казаков, а лишь усиливал. К чести казаков и их начальства нужно прибавить, что, действуя самостоятельно, они всегда относились к своим врагам снисходительнее, чем выполняя в этом отношении волю стороннего для них начальства вместе с регулярными войсками. В свое время командующий кавказскими войсками Ермолов, основываясь на донесении генерала Власова о положении Черноморского войска и не принявши во внимание ни условий существования войска, ни особенностей во внутреннем строе и отношениях черноморцев, ни характера их военной защиты границ, ни приемов казачьей борьбы, громил в приказе на имя войскового атамана Матвеева черноморцев как «сброд людей, похищавших именованное военных», и требовал большего проявления воинственности по отношению к горцам. По воле Ермолова войско было подчинено в военном отношении генералу Власову. Начались жестокие расправы с горцами по распоряжению этого последнего, наказавшего первоначально черкесов на казачьих землях в так называем-

мой «калауской битве», погубившей цвет черкесской молодежи и героев. Но что же в конце концов оказалось? Расправа эта далеко перешла границы обычной казачьей сдержанности и потребовала вмешательства в дело императора Николая Павловича. Уволив генерала Власова от начальствования над военными силами черноморцев, император Николай дал в рескрипте на имя Ермолова следующую характеристику заключительных военных действий Власова против горцев: «ясно видно, — говорится в этом рескрипте, — что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием». Теперь, когда старые участники в войне черноморцев с горцами давно уже сошли со сцены в могилу и история вступила в свои права, можно положительно констатировать тот прискорбный факт, что жестокие расправы с горцами не раз были лишь предлогом для многих из этих чиновных участников к получению военных знаков отличия и чинов. Крайностями порождались крайности. Наказания провинившихся против войска горцев часто касались не только действительных виновников, но и мнимых или просто неповинных. То, что не входило в расчеты казаков, частью приходилось им выполнять по приказанию, а частью поддерживалось постыдным позволением брать с горцев военную добычу, добывать «баранту» (угонять скот. — *Прим. ред.*)...

Таким образом, военная служба черноморских казаков в пределах родины слагалась из двоякого рода действий: защиты границы или отражения врагов, с одной стороны, и военных реквизиций или «походов», с другой. Правдивая история выгодно в этом отношении оттеняет поступки казаков: казак всегда предпочитал деятельную охрану военным кровавым столкновениям, чаще не допускал до этого горцев, чем переходил сам в наступление, и вообще ценил худой мир выше

доброй войны. Даже в своих укреплениях по линии, под напором постоянных тревог, возбуждавшихся горцами, черноморец умел обставить себя мирными занятиями: здесь он плел свои классические «сапеты» (кошели) для хлеба, приготовлял вилы, грабли, оси, «возы» и «повозки», запасался лесными материалами для домашнего обихода, и каждый раз, когда казачка приезжала к мужу «на кордон», все это добро направлялось с нею домой. Отвлечение рабочих рук от казачьего хозяйства таким образом отчасти ослаблялось этими занятиями казака на линии. Правда, все это часто ставилось в вину казакам слишком рьяными поклонниками войны ради войны, против казаков раздавались грозные обвинения вроде ермоловского, — но, при всей несправедливости этих обвинений, военные качества казака сами собою, без приказаний, ярко обнаруживались, раз являлась в том нужда: казак был неутомим в походе, стоек и храбр в сражениях, находчив и остроумен в средствах борьбы. Короче сказать, беда заключалась в том, что наряду с выдающимися качествами казака как образцового воина, всегда проглядывали не менее высокие качества казака как человека, и эти именно общечеловеческие достоинства ставились ему в вину. Но история, несомненно, даст свой справедливый приговор на этот счет, поставивши казаку в заслугу то, что раньше ставилось ему в вину.

XI

Военные действия черноморцев вне войска и подвиги черноморских пластунов в Севастополе

Черноморские казаки вынесли, однако, на своих многострадальных плечах не одну только борьбу с черкесами. Каждый раз, когда возникали крупные отечественные войны, черноморцы были непререкаемыми участниками в них. Так, уже в

1794 году, в самый разгар устроения казаков на новом местожительстве, два казачьих полка под командою кошевого атамана Чепеги участвовали в войне России с Польшей. Чрез два года, в начале 1796 года, также два полка черноморцев под начальством войскового судьи Головатого отправлены были против персиян, причем граф Зубов требовал, «чтобы казаки были снаряжены в поход самые отличные в пехотном строе, и с таким выбором, чтобы они могли служить с пользою на лодках и при надобности на лошадях», т. е. от одних и тех же казаков заранее требовалось три специальные вида службы — пехотная, морская и кавалерийская. Еще 10 лет спустя, во время войны России с Турцией, одна часть черноморцев была размещена в Крыму, а другая принимала участие в военных действиях под Измаилом, Рушуком, Селистрией, Браиловым и пр. В 1812 году черноморские казаки несли все тягости отечественной войны с французами и неоднократно выходили победителями из отдельных стычек с неприятелями. Во время войны с Персией в 1826 и 1827 годах на место военных действий было командировано из Черноморского войска два конных полка, один пеший и особая пятисотенная команда. В возникшую затем войну с Турцией черноморцы действовали на восточном берегу Черного моря и участвовали во взятии турецкой крепости Анапы русскими войсками в 1828 году. Наконец, в 1855 году Черноморское войско должно было выдержать особенно сильное напряжение своих военных сил: охраняя край от черкесских набегов, казаки в то же время были защитниками Азовского побережья от союзного флота и выставили часть войск в число защитников Севастополя. И во всех этих действиях, начиная с 1794 года и оканчивая 1855, черноморские казаки выказали себя стойкими, храбрыми и умелыми воинами. В войсковом арсенале в г. Екатеринодаре и донине хранится целая серия военных регалий, пожалованных различным казачьим полкам Черноморского и Кавказского линейного войск Екатериной Вто-

рой, Павлом, Александром I, Николаем и Александром II за отличия во время всех вышеупомянутых войн. Регалии эти — красноречивые свидетели образцовой военной службы тех самых казаков, которые в то же время усердно стремились насадить гражданственность и культуру на родине...

Как доставались казакам эти знаки военных отличий — прекрасной иллюстрацией к этому могут служить подвиги пластунов в Севастополе во время войны 1855 года.

При защите Севастополя участвовали собственно два пластунских батальона — второй под командой полковника Головинского и восьмой под командой полковника Беднягина; здесь на долю пластунов выпала самая трудная аванпостная служба (на сторожевых постах. — *Прим. ред.*), которую казаки выполняли с редким самоотвержением и искусством, очень характерным именно для пластунского строя и приемов. 10 сентября 1854 года пластуны прибыли в Севастополь, 11 уже действовали при фланговом движении наших войск к Бахчисараю для занятия позиций по р. Каче, а 13 октября часть их участвовала в сражении при взятии четырех неприятельских редутов близ Балаклавы. Это было первое крупное сражение, в котором пластуны резко выделились из рядов русских войск по своим боевым приемам и обратили на себя всеобщее внимание. Меткие и рассчитанные выстрелы их, лучших по тому времени, нарезных штуцеров (русская пехота того времени была вооружена в основном гладкоствольными ружьями. — *Прим. ред.*) расстраивали и осаживали неприятельских стрелков. Пластуны, как стрелки и застрельщики, не нашли равных себе противников. Тут же они выказали и свою кавказскую сноровку при столкновении с кавалерией. В то время как 120 пластунов, двигаясь против одной из батарей в качестве застрельщиков впереди цепи Владимирского пехотного полка, рассыпались в ложине, покрытой мелким кустарником, — на них был двинут полуэскадрон лучшей французской кавалерии. Французы с обнажен-

ными саблями поскакали против пластунов в карьер, ожидая, вероятно, встретить обычный прием в виде каре; но пластуны, согласно своим кавказским приемам, не стали строиться в кучки и приняли неприятеля врассыпную; присевши на одно колено, каждый из пластунов выстрелом с колена положил на скакавшего на него всадника; оставшиеся в живых французы, не сдержавши лошадей, пронеслись в промежутках между пластунами, окончательно расстроились и растерялись; немногим из них удалось ускакать назад. Тогда бросился на пластунов другой полуэскадрон, но и его постигла та же участь; французы были частью истреблены, а частью взяты в плен. И при этом оказалось, что в оба раза пластуны не потеряли ни одного убитого; немногие из них были только слегка ранены. Так помогла им их кавказская военная сноровка, выработанная в борьбе с черкесами.

Но настоящее поле деятельности черноморских пластунов было под стенами Севастополя. Так как при осаде Севастополя боролись две многочисленные армии на очень близком расстоянии одна от другой, то передовая аванпостная служба здесь была самой тяжелой и опасной. С каждым днем неприятельские траншеи подвигались все ближе и ближе к городу, возводились новые батареи, велись мины (т.е. закладывались пороховые заряды под укрепления. — *Прим. ред.*), — и за всем этим приходилось следить пластунам там, где это входило в линию их расположения. Чтобы воспрепятствовать неприятелю в работах, из Севастополя на спорные пункты высылались русские войска, выходившие вперед нашей артиллерийской линии, а впереди этих войск, в свою очередь, действовали пластуны. Таким образом, пластунская служба была здесь, так сказать, передовой даже в передовых отрядах. Этого мало. Высылавшиеся на передовые позиции войска переменялись и обновлялись, а пластуны бессменно находились на позициях и служили постоянным авангардом для сменявшихся войск. «По мере того, — говорит генерал Попко, — как осаждающие под-

вигались ближе и ближе к Севастополю, как боевое поле между воюющими сокращалось, передовая служба пластунов становилась все труднее. Они устраивали свои ложементы (стрелковые окопы. — *Прим. ред.*) менее, чем на половину ружейного выстрела от неприятельских стрелковых закрытий и батарей, так что смена, засевшая в ложементы ночью, не могла выйти из них до следующей ночи, а иначе была бы мгновенно перебита. Даже и под покровом ночи смены достигали ложементов не иначе, как ползком. Зато и пластуны держали в том же безвыходном положении неприятельских стрелков. Особенно же навыкли они метить в амбразуры, лучше сказать, во всякие отверстия неприятельских батарей, и убивать артиллеристов, чем значительно облегчали трудное положение наших батарей, засыпаемым сильнейшим, подавляющим огнем неприятельской артиллерии огромных калибров. В это тяжкое время бившимся на позиции казакам приходилось по целым суткам довольствоваться каким-нибудь сухарем и нередко терпеть жажду; приходилось с вечера обмокнуть, к утру обмерзнуть и не скоро дожидаться очереди обогреться и осушиться. Боевые потери в людях происходили ежедневно; стихийные влияния и лишения бивака (лагеря. — *Прим. ред.*) брали свои жертвы. К концу зимы 1855 года число людей в обеих батальонах сократилось настолько, что они не могли уже составить и одного полного батальона. Но нравственное настроение было сильное, боевой дух рос, что доказывалось такими испытаниями, как, например, следующее. В ночь на 5 апреля 1855 г. впереди четвертого бастиона пластуны по обыкновению занимали передовые ложементы, а за ними, во второй линии резервных ложементов, была расположена рота Екатеринбургского пехотного полка. Неприятель вел под четвертый бастион мину, но, дойдя с ней только до первой линии наших ложементов, решился взорвать ее, потому что заметил с нашей стороны контрмину. Взрыв последовал в сказанную выше ночь и был так силен, что все пространство впереди четвертого бастиона и самый этот бас-

тион содрогнулись несколько раз, как бы от ударов самого жестокого землетрясения. Взлетевшими на воздух глыбами земли и камнями обдало все ложементы, а особенно досталось ближайшему к взрыву, крайнему ложементу пластунской линии. В то же мгновение осаждающие распорядились по всем ближайшим своим линиям открыть сильнейший ружейный и артиллерийский огонь, причем пушены были в ход и боевые ракеты. Казалось, неприятель хотел соединить все ужасы пиротехники в одну внезапную картину, чтобы окончательно ошеломить четвертый бастион. Роте, бывшей в резервных ложементах, представились все признаки наступающего штурма, и она отступила на бастион, где, вследствие этого, забили тревогу и стали готовиться к отбитию приступа. Не видя, однако, пластунов, и не получая от них известия, обеспокоились насчет их участи. Хорунжий Макар Шульга (произведенный из пластунов) решился добраться до их ложементов, несмотря на метель штуцерных пуль. Возвратясь, он донес, что в пяти ложементах пластуны на своих местах и шибко ведут перестрелку, а крайнего, шестого ложемента, возле которого последовал взрыв, он не мог приметить и полагает, что его совсем засыпало землей от взрыва. Вторично сделанное дознание показало, что и в крайнем ложементе люди целы; что после взрыва их действительно присыпало было землею и надало им работы расчищать свое закрытие пригоршнями и шапками, но как только они немного оправились и приметили, что неприятельские стрелки бросились занимать воронку, то начали выбивать их оттуда усиленным огнем и до сих пор еще не допустили ни одного смельчака прочно там усесться; но что у них патроны уже на исходе. Тогда послали к трем молодцам, так хорошо распорядившимся в своем потрясенном и засыпанном закрытии, подкрепление из четырех пластунов и патроны; исход был тот, что неприятельские стрелки, несмотря на все их усилия, не были допущены занять воронку и оставили в ней кучу своих убитых»⁷.

Держась обыкновенно впереди батарей на самых крайних позициях и ложементах, участвуя в секретах, дозорах и разведках по осадным работам союзников, пластуны возвращались на бастионы лишь для кратковременных передышек; здесь же они находили иногда горячую пищу, которая готовилась в городе и приносилась отсюда на бастионы. Целые ночи дежурили затем казаки на самых опасных передовых пунктах, зорко следя за всем, что происходило на передовых позициях неприятеля. По слуху, припавши ухом к земле, они определяли вновь начинавшиеся работы и направление, в каком они велись; а если слуха оказывалось недостаточно, то ухитрялись под покровом ночи пробираться к самому месту работ, наблюдали, как неприятель землю копал, куда он выносил ее, как устанавливал пушки и пр. Таким образом, ни одна батарея не устраивалась у союзников, ни одна траншея не была у них выкопана, ни одно поступательное движение в этом отношении не укрывалось от бдительных пластунов. Ползая на разведки, пластуны, не стесняясь, захватывали с собой все, что плохо лежало у неприятеля. Однажды они взяли в плен передовой неприятельский пост как раз в то время, когда неприятели сидели за горячим супом; пластуны при этом захватили не только весь пост в полном составе, но и два котла супу и потом дома «чужими пирогами своих родителей поминали», т.е. угощали пленников их же собственным супом. Когда в первое время осады Севастополя передовые караулы и редуты союзников не позволяли видеть расположение неприятельских сил и судить о намерениях противников, то пластунам поручено было проникнуть в неприятельский стан. Мелкими партиями пробрались они незамеченными сквозь передовую цепь, затем так же удачно прошли вторую линию более усиленных уже караулов, наконец, обошли даже резервы с артиллерией, и, высмотревши хорошо расположение главных сил неприятеля, их складов, парков, барачков, пехоты, кавалерии и артиллерии, пробрались затем назад совершенно другими путями, потерявши только одного

человека, но зато доставивши массу полезных сведений. Когда около того же времени явилась нужда в уничтожении сена, заготовленного севастопольцами, но попавшего в руки неприятеля, то пластуны, по предложению главнокомандующего, взялись сжечь эти запасы сена. В первую же благоприятную ночь, при благоприятном ветре, двадцать казаков под командой урядника Демьяненко переправились через речку Черную и устроили здесь засаду, пославши трех пластунов к сенному складу. Пробравшись ползком между неприятельскими караулами, посланные пластуны проникли внутрь склада и, зажегши таким образом изнутри сено, поползли обратно и затем бросились бежать на глазах французов мимо засады. Французы в свою очередь пустились преследовать беглецов, но едва убежавшие минули засаду, как раздался отсюда дружный залп, ошеломивший французов. Пользуясь этим временным замешательством многочисленного неприятеля, пластуны вовремя успели без всяких потерь отступить, надевши на кусты свои шапки. Между тем, пока горело сено, в французском войске поднялась тревога, выдвинуты были вперед даже резервы и долго затем раздавались ружейные выстрелы по висевшим на кустах шапкам, пока неприятели не разобрали, в чем было дело.

Чтобы судить вообще о характере и особенностях аванпостной пластунской службы при обороне Севастополя, нелишне будет привести следующую сухую выдержку из послужного списка есаула Даниленко, приобретшего во время севастопольской войны громкую известность своими пластунскими действиями.

«Есаул Даниленко был командирован с 3 октября 1854 года к восьмому пешему батальону, находившемуся в городе Севастополе в действующей армии, где с 5 ноября поступил с командой пластунов в распоряжение начальника четвертого отделения оборонительной линии контр-адмирала Истомина; 24 ноября сделал вылазку с десятью пластунами на Сапун-гору, где захватил в плен вооруженных англичан шесть

человек; 14 декабря, за усилием команды пластунов 55 штуцерниками, поручен ему передовой пост против хутора Флотского № 42 экипажа и Георгиевского порохового погреба, для воспрепятствования неприятельским работам, которые действиями его команды остановлены, причем в разное время захвачено пластунами в плен англичан и французов четырнадцать человек; 17 декабря там же, при обходе с семнадцатью пластунами, встречена была ими неприятельская партия до ста человек зуавов (колониальные части французской армии, набравшиеся в основном из туземцев. — *Прим. ред.*), намеревавшаяся захватить наш секрет, которая была им отбита; за отличную храбрость назначен ему 17 февраля 1855 года главнокомандующим южной армией орден св. Владимира 4 ст. с бантом, каковое назначение Высочайше утверждено; в ночь с 11 на 12 февраля 1855 г., при нападении французских войск на устраиваемый Волынский редут, он с командой пластунов открыл первое движение неприятеля, участвовал в отражении его и ранен в обе руки штыками; за отличие в сем деле Высочайшим приказом 28 мая 1855 года произведен в войсковые старшины, а от их Императорских Высочеств великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича пожаловано ему сто рублей сереб.; с 7 марта 1855 года, поступив под начальство генерал-лейтенанта Хрулева, он находился с командою пластунов 10 марта в деле с неприятелем при отбитии неприятельских траншей против Камчатского укрепления, и за отличие в сем деле назначена ему главнокомандующим армией золотая шашка с надписью “за храбрость”, каковое назначение Высочайше утверждено; с 10 же марта находился он с командою пластунов и охотников на аванпостах впереди укреплений Малахова Кургана и Камчатского; за труды и отличия назначено ему главнокомандующим армией 150 руб. сер. из экстраординарной суммы, каковое назначение Высочайше утверждено и с тем вместе Всемилостивейше ему пожаловано еще 150 руб. из Го-

сударственного Казначейства; с 1 июля приказом генерал-лейтенанта Хрущева по левой половине оборонительной линии он назначен траншей-майором, где с командою пластунов и охотников делал вылазки 6-го июля на Зеленую гору для срытия двух неприятельских ложементов; 21 июля против штурмовой батареи, для уничтожения ближайших неприятельских траншей, причем захватил тридцать железных рогаток (заграждений. — *Прим. ред.*); 26 июля в стычке с неприятельским секретом взял в плен английского штаб-офицера и одного рядового; 17 августа в вылазке против батареи Прокофьева разорил неприятельскую траншею и забрал шанцовый инструмент; 19 августа сделал вылазку против батареи Жерве; 22 августа имел аванпостную стычку пред третьим отделением оборонительной линии; за отличие назначен ему главнокомандующим орден св. Анны 2-й ст. с мечами, какое назначение Высочайше утверждено. Во время усиленной бомбардировки, начавшейся с 4-го августа, он постоянно был с командой в назначенном месте и 27-го того же месяца участвовал в отражении штурма от третьего бастиона, а при отступлении от оною войск контужен от разрыва бомбы осколком в правое плечо и камнем в живот; по особому засвидетельствованию начальника 3-го, 4-го и 5-го отделений оборонительной линии города Севастополя генерал-лейтенанта Хрулева, во всех случаях он отличался мужеством, распорядительностью и самоотвержением».

Нужно заметить, что в этот краткий перечень одиннадцатимесячной службы пластунского офицера вошли далеко не все деяния и случаи, выпадавшие на долю пластунов под Севастополем.

Здесь каждый шаг пластуна сопровождался такого рода мелочами, не укладывавшимися обыкновенно в рамки послужных списков, и заурядностями, от которых так и веют присутствие духа, находчивость и самоотвержение. Однажды, в последних числах ноября 1854 года, командир 2-го пла-

стунского батальона Головинский шел в сопровождении казака станицы Екатеринодарской Степана Назаренко по бастионной траншее в город. Заметивши полет бомбы, Головинский мгновенно остановился и нагнулся, прислонившись к траншейной стенке; то же, по приказанию командира, сделал и шедший сзади его Назаренко. Бомба упала на откос траншеи, рядом с Назаренко, и скатилась ему на спину, не разорвавшись, так как фитиль ее еще не догорел. «Она уже на меня взлезла, ваше высокоблагородие», — раздался вдруг за спиной Головинского голос его ординарца с таким спокойным и невозмутимым тоном, которым он как бы спрашивал своего начальника, что же прикажет последний дальше делать с бомбой. Головинский, по его словам, почувствовал, что у него дыхание захватило, и он едва мог проговорить: «Не шевелись». Казак в точности исполнил это приказание командира, не изменил своего положения, не шевелился, не дрогнул пред лежавшей на спине смертью, — а бомба, как бы желая отличить пластунское мужество и присутствие духа, пошевелившись, свалилась со спины на землю и не разорвалась, так как попала фителем в лужу. Назаренко считался самым заурядным, ничем не выдававшимся из ряда других пластунов. Еще более поразительный случай был с другим пластуном — урядником 8-го батальона станицы Пашковской Самсоном Полянским. На одной из ночных вылазок против неприятеля Полянский был ранен штыком в живот и взят французами в плен. Рана в живот производит обыкновенно самые ужасные страдания; при ней не бывает кровотечения и снаружи рана так сильно засасывается, что ее трудно бывает заметить, но зато живот вздувается и при малейшем движении раненый испытывает сильнейшие боли. Несмотря, однако, на такой характер раны, Полянский не захотел идти в госпиталь, да еще «в неприятельский»; он даже не подал вида французам, что ранен и, скрывая это, переносил жестокие страдания без стоны и малейшего обнаружения боли, принуждал себя сто-

ять или ходить в такие минуты, когда даже лежать смирно было не по силам. По словам Полянского, он залепливал обыкновенно свою рану мякишем хлеба на счет своего дневного пропитания, стягивал живот башлыком и настолько вообще оправился при этом своеобразном лечении, что впоследствии отбыл шестимесячные крепостные работы в Тулоне. Это уж был героизм не минуты, хотя, разумеется, и не без ложного представления о человечности неприятеля (т.е. пластун мог опасаться, что французы добьют раненого. — *Прим. ред.*), а может быть, и в силу малорусского пластунского упорства: «не хочу вашей помощи».

Таким образом, и под Севастополем служебная деятельность пластунов отличалась тем же партизанским характером, какой она носила на родной Кубани, в борьбе с черкесскими племенами. Но здесь, в виду сильных и хорошо вооруженных союзников (воевавших против России. — *Прим. ред.*), пластунская служба была несравненно сложнее и многотруднее, чем на родине; здесь пластуну приходилось проделывать под выстрелами неприятеля и часто буквально — таки под самыми дулами неприятельских пушек и ружей все то, что привык он делать на разведках в черкесских землях при более благоприятных, хорошо знакомых и привычных условиях. И пластун стойко и исправно нес свою службу, выполняя наиболее рискованные планы и поручения начальства и с одинаковым мужеством и искусством сражаясь как в одиночку, так и в колоннах, сплошную массу. Вот еще два весьма характерные случая пластунской службы под Севастополем.

Четвертый бастион, на котором служили пластуны, дальше других укреплений выдавался в черту неприятельской осадной позиции и поэтому нес больше потерь, чем другие укрепления. Особенно сильно вредила ему неприятельская мортирная (мортиры — орудия, ведущие навесной огонь, предшественники минометов. — *Прим. ред.*) батарея, устроенная в земле на расстоянии всего на штуцерный выстрел от батальона. 28 но-

ября, когда было заключено на несколько часов перемирие между воюющими сторонами для уборки убитых тел, главнокомандующий князь Меншиков и начальник Севастопольского гарнизона граф Сакен прибыли на четвертый бастион. Возник вопрос о причинах больших потерь на четвертом бастионе. Вице-адмирал Новосельский указал на подземную неприятельскую батарею. Началось общее обсуждение способов, с помощью которых можно было бы уничтожить батарею, но ничего подходящего не было найдено. Тогда присутствовавший при этом совещании начальник пластунов Головинский заметил, что просто надо пойти и взять батарею. «А сумеете ли вы это сделать с вашими казаками?» — спросил его граф Сакен. Головинский ответил утвердительно. Вечером того же дня составилась отряд охотников из 390 казаков, 50 моряков и около 100 человек солдат. В полночь пластуны, по приказанию Головинского, поползли по направлению к неприятельским траншеям и высмотрели расположение караулов. При глубокой тишине и со всевозможными предосторожностями они повели отряд в обход неприятельских караулов. Когда охотники подошли к траншее, то, после дружного залпа по неприятельской цепи, бросились в траншею, а затем и в батарею. Пока поднялась тревога по ближайшим неприятельским линиям, были заклепаны три больших медных мортиры. Заметивши это, урядник-пластун Иван Герасименко, силач, имевший более аршина в плечах, сказал: «Жаль, братцы, так добро портить, возьмем лучше себе», и, поднявши одну из трех незаклепанных еще мортир, выбросил ее на верх траншеи. Его примеру последовали и другие. Таким образом, охотники, отступая на бастион, захватили с собою три мортиры; кроме того, были взяты 14 пленных и в числе их один полковник и один поручик, а также ружья, одежда, ранцы и пр. Отряд быстро отступил на бастион, выдержавши ужасный ружейный огонь уже у рта четвертого бастиона. Казаки потеряли 8 человек убитыми и 5 ранеными; из первых три пластуна были убиты в первой свалке в

траншее и там остались. На другой день казаки, однако, заметили из ближайшего к неприятелям ложеamenta проделку со стороны своих цивилизованных противников, глубоко возмущившую пластунов. К траншейной стенке был приставлен спиной убитый накануне в свалке пластун Ерофей Кобец с таким расчетом, что казаки, стреляя по траншее, по необходимости должны были расстреливать своего убитого товарища. Между тем и вызволить убитого не было никакой возможности, так как пули сыпались градом из неприятельской траншеи. Тогда пластуны дождались ночи и, привязавши молодому пластуно Порфирию Семаку к поясу длинную веревку, велели ему ползти к неприятельской траншее и привязать ее к ногам убитого товарища; вслед за Семаком был послан другой пластун, на обязанности которого лежало подтаскивать веревку и заменить Семака в случае, если бы этот последний был убит. К счастью, Семак благополучно избежал неприятельских выстрелов и буквально-таки под дулами неприятельских штуцеров привязал к ногам покойника веревку. Далеко за полночь возвратились обратно оба посланных пластуна; затем осторожно, хотя и не без запинок, был притянут убитый и выставленный на позор сотоварищ к казачьему ложементу.

ХII

Колонизация линий и самоуправление у линейных казаков

Почти одновременно с заселением Черномории шла колонизация той части нынешней Кубанской области, которая известна под именем Старой Линии. Но прежде чем говорить о колонизации этой местности, уместно будет сделать несколько кратких указаний о возникновении линейного казачества.

Первоначально это казачество было образовано в виде не отдельного, самостоятельного войска наподобие, напр., Черно-

морского, а просто в форме полков — сначала Кубанского и через 10 лет потом Кавказского. Впоследствии в юго-восточной части нынешней Кубанской области поселена была часть Хоперского полка из казаков Хоперского войска, возникшего при Петре I в 1717 году и переселенного в нынешнюю Ставропольскую губернию за 17 лет раньше кубанцев. Все три полка находились в распоряжении командующих Кавказской линией до 1832 года, когда было образовано одно Кавказское линейное войско из разрозненных отраслей казачества, занявших северные части Кавказа от Каспийского моря до Устьлабинской крепости. Первым атаманом вновь образованного войска был назначен генерал-майор Верзилин. Войско, существовавшее самостоятельно до 1860 года, имело затем еще четырех атаманов — генералов Николаева, Круковского, Эристова и, наконец, последнего Рудзевича, при котором Старая и Новая Линии вошли в состав нынешнего Кубанского казачьего войска.

Старая Линия, как показывает и самое ее название, служила первоначально чисто военной демаркационной линией между русскими владениями и землями кавказских горцев. Поэтому и первые поселения линейцев несколько отличались от поселений черноморцев. Между тем как в Черномории только весьма незначительная часть куреней примыкала к военной границе, именно, три куреня находились при Кубани и три в недалеком от нее расстоянии, а большинство их было размещено внутри края, — на Старой Линии все станицы возникли на месте бывших укреплений и редутов, вдоль Кубани и в ближайших к ней стратегических пунктах. Таким образом, линейные станицы были более военными и более приспособленными к постоянной защите от кавказских горцев, чем черноморские курени.

Заселение Старой Линии станицами началось с 1794 года. В этом году было основано, по мысли графа Гудовича, под руководством генерала Фере, шесть станиц, населенных возмужавшими донскими казаками, под общим названием

Кубанского казачьего полка. Две из этих станиц были поселены при Кавказской и Устьлабинской крепостях, две при Григориполиском и Прочноокопском укреплениях, одна при Темнолеском ретраншементе и одна при Воровсколеском редуте, причем каждая из станиц получила имя того укрепления, при котором она была поселена. Девять лет спустя, в 1803 году, по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами из слободской Украины четыре станицы — Темишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутах того же имени; затем в следующем 1804 году населена теми же выходцами еще одна станица — Воронежская. Все эти станицы в свою очередь получили одно общее название Кавказского полка. Впоследствии, преимущественно в 1825 году, было основано еще 8 станиц в районе между Баталпашинском и Прочноокопской станицей. Наконец, для усиления Линейного казачества, по распоряжению правительства, в два приема было обращено 17 крестьянских селений в казачьи станицы, именно: 13 в 1833 году и 4 в 1848 году, и присоединены к бывшему Кавказскому Линейному войску, в состав которого входила тогда и Старая Линия.

Итак, следовательно, к концу сороковых годов в составе нынешней Старой Линии числилось всего 36 станиц.

Что касается затем других поселочных форм — хуторов, то возникновение и распространение их шло, надо полагать, как и в Черномории, рука об руку с колонизацией края. Так, по словам генерала Дебу, станица Темишбекская завела свои хутора на север от Кубани по р. Разшеватке; казаки Кавказского полка имели также на север от Кубани, на расстоянии 20 и 40 верст, хутора при болотных речках. Но то обстоятельство, что, с одной стороны, лежавшие ближе к Кубани станицы находились в крайне невыгодных, благодаря войне с горцами, условиях, а с другой, станицы более удаленные от этой реки, бывшие раньше крестьянскими поселениями, занимались издавна больше земледелием, чем скотоводством, позволяет зак-

лючить, что на Старой Линии хутора не были такими многочисленными и повсеместно разбросанными формами, как в Черномории. Это же отчасти подтверждается по аналогии и современным состоянием поселочных форм на Черномории и Старой Линии, из которых в первой хутора и теперь составляют подавляющее количество сравнительно со второй.

Наконец, со стороны этнического состава Старая Линия также представляет некоторые особенности. Как и в Черномории, основным элементом в ней явилось казачество; как и в Черномории, приток беглецов в ней был довольно обычным, хотя и не в такой мере интенсивным явлением. В 1829 году состоялось даже особое Высочайшее повеление об определении бродяг, зашедших в Кавказскую область, в работники поселенным на Кавказской линии казакам. Мера общая по тому времени для всей Кавказской области и имевшая в частности ближайшее отношение к населению Старой Линии. Но между тем как в Черномории колонизирующим элементом всегда были малороссы, на Старой Линии перевес был за великороссами. В Черномории население представляло в этом отношении однообразную компактную группу, на Старой Линии в состав войска вошли довольно разнообразные элементы, связующим звеном для которых послужил великоросс. Тут были и донцы, и хоперцы, и казаки бывшего Екатеринославского войска, и отставные солдаты, и великорусские, и малорусские крестьяне. Тем не менее, экономическая жизнь, вылившись в казачьи формы, получила яркую великорусскую окраску, с сильным общинным духом, большими семьями и преобладающим значением земледелия.

Заселение затем Новой Линии, т.е. равнины между Кубанью и Лабой, началось с 1841 года. Проект об этом, возникнувший по мысли генерала Засса и разработанный потом генералом Вельяминовым и бароном Розеном, был утвержден правительством еще в 1839 году. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станиц; но обстоятельства

заставили потом раздвинуть значительно шире предположенного колонизацию Новой Линии. Заселение края шло постепенно в течение двадцати лет, пополняясь чрез известные промежутки времени все новыми и новыми станицами. Таким образом, в 1841 году было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившие как бы главными операционными точками, от которых пошло дальнейшее заселение края по разным направлениям. В течение следующих затем восьми лет, с 1841 по 1849 год, было основано еще 7 станиц, с 1852 по 1860 год — 13 станиц и, наконец, в этом последнем году две станицы.

Итого, следовательно, в течении двадцати лет было основано на Новой Линии 32 станицы.

Главным колонизирующим элементом в этом случае послужили казаки старых станиц бывшего Кавказского Линейного войска, т.е. нынешней Старой Линии, а также некоторых станиц теперешнего Терского войска и сел Ставропольской губернии. Только в 1849 году было поселено здесь 250 семейств из числа малороссийских переселенцев, назначенных на поселение во Владикавказском полку нынешнего Терского войска, да в разное потом время было водворено несколько десятков семейств с Дона и из других внутренних губерний. Наконец, сюда же нужно отнести некоторое количество беглых и беспаспортных, которыми тогда был богат весь Северный Кавказ. Таким образом, в общем результате колонизация Новой Линии была почти исключительным делом старолинейных казаков. Приглашенные военным начальством сначала в качестве охотников заселить Лабинский край, они отнеслись довольно индифферентно к этому приглашению. Тогда начальство принудило их выслатъ переселенцев по жребию, и станичные общества в этом затруднительном случае придумали нанимать из среды себя охотников, с платою от 200 до 400 руб. на семью. Мера эта, по замечанию И.В. Бентковского, и дала главный контингент переселенцев для заселения беспокойного Лабинского края.

Отличительная черта колонизации Новой Линии заключалась в полнейшем приспособлении поселочных форм исключительно к военным целям. Вновь поселенные станицы были выдвинуты в самую территорию горских племен. В деле военной колонизации Новая Линия пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тут не только назначило места для поселений, но, благодаря беспрерывным столкновениям с горскими племенами, принуждено было до мельчайших подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказания, как ставить плетни и приспособлять терновник, «чтобы неприятель не мог ни повалить плетня, ни перелезть через верх». Оно же советовало, как обращаться с огнем, спрашивало о количестве необходимого сена и давало наставление, как косить его, складывать в стога и т.п., «чтобы оградить от нападения хищников», «от их зажигательства».

Понятно, что при таких исключительных условиях, когда казак и пахал, и косил, и убирал хлеб, и возил дрова или лес, по команде и под прикрытием военной силы, станица на Новой Линии являлась единственной поселочной формой. Хутор не мог тут существовать или, в крайнем случае, мог быть лишь исключением. Только с 1864 года, т.е. со времени покорения Западного Кавказа, на Новой Линии начинают быстро и широко распространяться хуторские формы.

Таким образом, несмотря на разновременность колонизации, обе части бывшего Кавказского Линейного войска, вошедшие в состав нынешней Кубанской области, были заселены по одному и тому же плану и в зависимости от одних и тех же требований военного характера. Такое же сходство выразилось и в развитии внутренних распорядков в казачьих общинах обеих Линий. С самого возникновения этих общин в жизни их играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тут не было такой широкой органической связи с прошлым казачества, какая чувствовалась на каждом шагу в Черно-

морском войске. Управление здесь отличалось своего рода простотой, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тлела под покровом военного приказа и всецело подчинялась ему. Поэтому и история здешнего самоуправления не отличается ни характерными эпизодами самостоятельного развития, ни сложностью последнего.

Ядро казачьих общин на Линии составили донцы. Они попали сюда в 1794 году, как ослушники начальству и, следовательно, по отношению к организации самоуправления на новой родине оказались еще в худших условиях, чем черноморцы. Правда, линейцы могли перенести с собой на Кубань из старого местожительства вполне выработанные и сложившиеся уже порядки самоуправления донских казаков. Но, во-первых, на Кубани были условия не те, что на Дону, а во-вторых, переселенцы были водворены на Линии, как мятежники. Размещенные в шести станицах, основанных на месте бывших до того военных укреплений, они составили Кубанский полк и, как пограничный полк, получили строго военную организацию. Во главе всех станиц стоял полковой командир, от которого зависела казачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вместе с командиром станицами. Собственно же станичное самоуправление связано было с мелочами обыденной жизни и держалось на обычае, при посредстве станичных кругов или сходов.

Через 10 лет, в 1803 и 1804 годах, на Кубани было основано еще пять станиц. Казаками тут были уже не донцы, а переселенцы из Слободской Украины, входившие раньше в состав Екатеринославского войска. Получив такую же военную организацию, какая дана была их предшественникам донцам, эти новые переселенцы образовали особый Кавказский полк. Согласно указу военной коллегии от 11 июля 1803 года, в военном отношении полк этот должен был состоять из полкового командира, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, одного квартирмейстера, одного полкового писаря и 500 казаков. Но так как в наличнос-

ти не оказалось полного количества казачьей старшины, то инспектору кавказской инспекции генералу Кноррингу было предписано, «чтобы он отрядил в станицы надежнейшего штаб-офицера и приказал бы в присутствии его учинить выбор: во-первых, в войсковые старшины двух или трех кандидатов, достойных и заслуженных чиновников, а потом в есаулы, сотники и хорунжие». Таким образом, в этом случае казачеству было предоставлено одно из тех прав, которое составляло существенную черту старинного казачьего самоуправления. Это, впрочем, была лишь временная мера. Казаки, получив полковую организацию, в отношении самоуправления были поставлены в общие с донскими выходцами условия.

Полковое устройство надолго потом осталось у линейцев господствующей формой управления. За ним как-то ступавалось самоуправление станиц, тем более что эти последние всецело были подчинены станичным начальникам (атаманам), которые назначались военной администрацией из чиновных казаков, а не выбирались станичными обществами, как это велось на Черномории. В 1832 году из упомянутых линейных полков и из казаков, живших в области р. Терека, образовано одно Кавказское Линейное казачье войско, получившее, как и другие казачьи войска, своего особого атамана. Преобразование это не имело, собственно говоря, никакого влияния на самоуправление линейных казаков. Их станичные общины остались в этом отношении теми же малозначащими единицами, какими были и прежде. Но в высшем казачьем управлении произошла значительная перемена: разрозненные до того казачьи полки получили объединение под властью одного общего начальника. Точно так же и дальнейшее расширение войска не имело никакого влияния на самый характер самоуправления линейцев. Дело сводилось только к увеличению казачьих полков, организованных по раз принятому шаблону. Так, одновременно с образованием Кавказского Линейного войска, в казачество был зачис-

лен целый ряд крестьянских, смежных с казачьими поселениями, и в этих крестьянских поселениях опять-таки было установлено тоже военное управление. Таким же путем, в форме полков, занята была впоследствии Новая или Лабинская Линия, в которой военное управление, как мы видели выше, выразилось еще в более резких формах.

Надобно вообще заметить, что по отношению к организации Линейного казачества центральным правительством на первых порах не было издано ни жалованных грамот, ни соответствующих им общих регламентирующих законов. История самоуправления линейных казаков в этом отношении значительно разнится от истории самоуправления черноморцев. Линейный казак всегда жил более военной, дисциплинированной жизнью, чем черноморец. Приказы начальства заменяли ему закон центрального правительства, и это, разумеется, находилось в ближайшей связи с той ролью, которая лежала на линейце, как пограничном воине. Однако, несмотря на то, что военный режим сдерживал казака в границах возложенных на него обязанностей и что у домашнего очага казак находил свои обычные порядки, свой суд и расправу, необходимость в общем, объединяющем все казачье управление, законе должна была чувствоваться по мере расширения войска с каждым годом все сильнее и сильнее. Такой закон действительно был выработан впоследствии в форме «Положения о Кавказском казачьем Линейном войске» от 16 февраля 1845 года (позднее, в 1860 г., оно было поделено надвое и вошло в состав Терского и Кубанского войск. — *Прим. ред.*).

В силу Положения 1845 года, войско было разделено на 17 полковых округов, а управление его разграничено на военное и гражданское. Вообще же местное управление составляли: 1) войсковой наказный атаман, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правление, 4) бригадные управления, 5) временные военно-судные комиссии, 6) полковые и станичные управления и 7) торговый словесный суд. В хозяйственном отно-

шении для войска имело большое значение войсковое правление; по отношению же собственно к гражданскому управлению существенную роль играли, с одной стороны, бригадные и полковые управления, а с другой, станичные. Все эти учреждения были связаны между собой в порядке восходящих инстанций; низшую инстанцию составляли станичные управления, а высшую — бригадные. Бригадные управления состояли из командира и его канцелярии, которой заправлял бригадный адъютант. В состав же полковых управлений входили председатель, которым был полковой командир, и четыре или три заседателя, назначавшиеся исключительно из отставных чиновников. Наконец, станичные управления представляли собой собственно уже органы казачьего самоуправления.

Таким образом, старинный казачий строй линейцев, державшийся на делении войска на полки, остался неизменным и по Положению 1845 г. Были лишь расширены рамки высшего казачьего управления, причем военное начало, как регулирующей фактор, по-прежнему легло в основу всех казачьих распорядков. Это ярко отразилось на станичной общине.

Станичное самоуправление линейцев значительно отличалось от такого же самоуправления у донских и черноморских казаков. Существенное отличие линейных общин в этом отношении составляла организация станичных управлений. В состав этих учреждений входили станичный начальник и двое судей, но выборными лицами были лишь последние. В силу параграфа 289 Положения, станичные начальники назначались войсковой администрацией и притом исключительно из войсковых офицеров или чиновников. Исключение составлял один Владикавказский полк (станицы, из которых набирался этот полк, позднее вошли в Терское казачье войско. — *Прим. ред.*), да и то не в пользу казачьего самоуправления. Во Владикавказском полку, за отсутствием казачьих офицеров, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеров регулярных войск. Наконец, самое определение ста-

ничных начальников производилось войсковым наказным атаманом по представлению бригадных командиров.

Такое положение станичного начальника, как независимо-го во всех отношениях от общины лица, обуславливалось чисто военными обстоятельствами. Ведая гражданское управление станицы, станичный начальник был по преимуществу военным командиром. Так, на нем лежали обязанности принимать в чрезвычайных случаях «все меры к предупреждению и отражению внезапных нападений на станицу горцев»; он должен был следить за караулами станицы; станичный начальник «наблюдал, чтобы жители станицы там, где это по местности необходимо, выходя на полевые работы или сенокосы, имели при себе оружие на случай внезапного нападения хищников»; на станичном же начальнике лежали заботы по обучению строевой службе малолетков. Таким образом, один уже этот перечень обязанностей станичного начальника указывает на ту роль, какую играло это лицо в станичном самоуправлении: последнее всецело было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субординации лежала на отношениях общины даже к своим выборным лицам. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положению, они отличались от станичных судей Черноморского войска. В последнем судьей был рядовой казак и самое его положение, помимо лежавших на нем обязанностей, не давало ему никаких исключительных прав на место в войсковой чиновной иерархии. На Линии же судья, если он даже не был офицером, пользовался правами последнего по Положению 1845 года.

Вообще период заправления станицами со стороны станичных начальников по назначению памятен для линейца как период его бесправия и своеволия чиновного люда. Производили давление на общину и казака в это время не одни станичные начальники, а и вся вообще чиновная старшина. Конечно, и тогда, как теперь, было не без добрых и честных лю-

дей. Но, при узких рамках станичного самоуправления, с одной стороны, и при давлении чиновного казака, с другой, станичное население терпело больше обид и несправедливостей, чем в настоящее время.

Нет сомнения, что на отмеченную роль чиновного казачества в станичных общинах в сильнейшей степени влияло то обстоятельство, что общины эти носили всесословный характер. Как и черноморцы, линейные офицеры вышли главным образом из среды рядового казачества. Как и в Черномории, в старолинейных общинах офицер имел права рядового казака плюс преимущества привилегированного члена общины. Неудивительно поэтому, что в делах общины он мог творить, что хотел, следуя правилу: большому кораблю — большое и плавание. Это было для него тем удобнее, что сам он являлся в таких случаях и судьей, и подсудимым. Бригадный, полковой, члены военно-судных комиссий, заседатели, адъютанты, станичные начальники и пр., пр. — все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, как все люди, не забывать себя и своих интересов. Тем не менее даже при таких неблагоприятных условиях самоуправление не было мертвой буквой для станичных обществ. Да иначе и не могло быть, пока земля была общественной, пока живы были казачьи круги, обычаи, традиции...

XIII

Землевладение, экономический быт, национальные черты и первые зачатки школьного дела у линейцев

Хотя история землевладения у линейных казаков также сложилась несколько иначе, чем у черноморцев, но основные понятия о земельной собственности у этих казаков ничем существенно не различались и не разнятся от таких же понятий у

черноморцев. Те же в теории воззрения на землю, как общеказачью собственность, та же на практике борьба права индивидуального с правом общинным, что и у черноморцев. Да иначе не могло и быть, потому что у обоих видов казачества были одинаковые в этом отношении тенденции. Но были иные, чисто детальные различия, придавшие с самого начала заселению края особый характер землевладению линейных казаков. Дело в том, что линейцы не представляли собой такого однородного и компактного целого, каким было Черноморское войско. Они делились на полки, и каждый полк был до известной степени обособлен в земельном отношении от другого.

Пионерами при заселении Старой Линии, как вы знаете уже, были донцы, люди, принадлежавшие и раньше к казачеству, и притом донцы, выселенные на Кубань в наказание за слишком рьяное отстаивание именно своих казачьих вольностей. Вполне естественно, поэтому, что эти пионеры занесли с собой на новое местожительство и свои обычные традиционные отношения к земельной собственности. Старинные порядки донского казачества тут имели такое же значение, какое имели у черноморцев порядки запорожские. Тип казачьего «земельного уряда» у линейцев надо искать на Дону, и это будет тем резоннее, что между социальным положением линейных казаков и донцев не существовало даже такого различия, какое было между запорожцами и черноморцами благодаря семейному началу. А на Донщине между тем, во время заселения Кубанской линии возмущившимися донцами, всецело царили понятия о войсковой земле как о коллективной казачьей собственности. Впоследствии к донцам были присоединены выходцы из Слободской Украины, также бывшие казаки и вообще люди, которым были дороги формы казачьей жизни, как на это указывает тот факт, что, будучи обращены из казаков бывшего Екатеринославского войска в однодворцев (категория государственных крестьян. — *Прим. ред.*), они предпочли добровольно переселиться на беспокойный в

то время Кавказ, чтобы остаться казаками. Понятно, что и этим выходцам также были близки казачьи воззрения на земельную собственность. Еще позже были передвинуты в часть вновь возникших (около 1825 года) станиц хоперцы, а это были также выходцы из Донщины, считавшие свое старшинство с 1717 года. Наконец, присоединенные к войску крестьянские поселения образовались из однодворцев и отставных солдат. Пользуясь до того землею на общинном праве, имея близкое соприкосновение с казачеством и сделавшись в конце концов сами казаками, и эти поселенцы также легко могли усвоить казачьи воззрения на землю, как на достояние войска, общую собственность всего казачества.

Итак, следовательно, Линейное войско организовано было из таких элементов, которые легко могли воспринять общеказачье понятие о войсковой земле и большинству которых это понятие было не новостью. Тому же способствовала и значительная неопределенность казачьих земельных владений, бывшая в действительности. Не будь этой неопределенности, получили каждая часть войска особо свои земли, с резко очерченными границами, между линейными казаками, быть может, и не было бы в земельном отношении той связи, какая на самом деле чувствовалась между ними. Каждая казачья община, каждый казачий полк знали, что им должны были принадлежать известные земли, но в каких именно пределах — это терялось в общих границах всей казачьей, войсковой земли. Так, относительно выходцев из Слободской Украины, составивших Кавказский полк, Дебу говорит: «Казаки Кавказского поселенного полка, во избежание разных неудобностей и для лучшего хозяйственного распоряжения, пользуются, по повелению начальства, с самого их водворения, отведенным для них немалым пространством земли, занимающей от 20 до 40 верст от р. Кубани». Фразу «немалым пространством земли» можно было приложить и к другим полкам Линейного войска. Такая неопределенность территориальных границ проникла потом

даже в самое Положение о Кавказском Линейном войске 1845 года. В параграфе 1 этого Положения говорится: «Кавказское Линейное казачье войско занимает земли, всемирлстивейше ему пожалованные в Кавказской области, от границ Черноморского войска до Каспийского моря», и в параграфе 4 затем: «Границы Кавказского Линейного войска вообще и каждого полкового округа в особеннлстии, на основании Высочайших указаний, утвердятся особлстю, учрежденною в войске межевою комиссией». Таким образом, тут *de jure* формулировано то, что существовало на самом деле, *de facto*. При неопределенности территориальных очертаний земля тем не менее считалась общей казачьей или войсковой собственностью, границы которой на этом основании можно было передвигать между отдельными частями войска. Такое передвижение границ между отдельными станичными общинами сделано на Старой Линии уже в наше время, и сделано именно в силу существования института войсковой земельной собственности: вся территория Старой Линии признана коллективной собственностью всего бывшего Старолинейного войска — отсюда уже вытекали и земельные уравнения между отдельными станичными общинами.

Итак, законодательная власть придерживалась в этом отношении обычных воззрений на землю, как сложились они вообще у казачества. Войсковая земельная собственность и юридически, и фактически является у линейных казаков тем основным элементом, который силою внешних обстоятельств раздробился потом на другие — на частные, владельческие земли и юрты.

Самый процесс выделения этих видов земельной собственности совершался на Старой Линии точно таким же образом, как и на Черномории. Правда, он не отличался здесь такой шириной и интенсивностью, как на Черномории, потому что не имел столь благоприятной почвы и условий, как на этой последней. У линейцев не было такого многочисленного и мо-

гущественного офицерского сословия, как у черноморцев; военно-стратегическое положение очень многих станиц, мешавшее свободному течению экономической жизни и широкому развитию хуторского хозяйства, сложившиеся уже земельные порядки в бывших крестьянских поселениях и пр., также должны были ослаблять силу и размеры названного процесса. Но процесс этот был во всяком случае хотя и слабым, но несомненным выражением борьбы права индивидуального с правом общинным, которая так ярко выразилась в Черноморском войске. С одной стороны, хутор, стремления отдельных хозяев захватить в исключительное пользование побольше земли и угодий, а с другой — община, попытки регулировать интересы единичных предпринимателей благом общественным, — таковы те противоположные течения, из которых слагались за это время земельные отношения в среде казачества. Личные воспоминания теперешнего населения, следы упомянутой борьбы в архивных документах станичных правлений — все это свидетельствует затем о том, что в основе индивидуалистических стремлений лежали тенденции к образованию частных владений и что представители таких тенденций были чиновные лица и богачи. Писанные законы, дав формулировку этим фактам, выразили их потом окончательно в той форме, какую они приняли в Черноморском войске. В Положении 1845 года земля была назначена офицерам в пожизненное пользование, а Положением 1870 года эти пожизненные офицерские владения обращены в потомственные. Впоследствии, когда только намечены еще были временными признаками офицерские участки, т.е. могли быть переданы владельцам в таком виде, но могли быть отведены в действительности в другом виде и на других даже местах, некоторые из этих участков уже были куплены у казаков-владельцев лицами неказачьего сословия. Здесь произошло, следовательно, то же самое, что и на Черномории.

Что касается характера землевладения на Новой Линии, то так как заселение этого края производилось выходцами из

Старой Линии, то само собою разумеется, что землевладение должно было носить здесь тот же самый характер, каким оно отличалось на прежнем местожительстве поселенцев. Возникшие здесь формы земельной собственности были лишь воспроизведением таких же форм, существовавших на Старой Линии, и это сходство было тем естественнее, что Новая и Старая Линии составляли одно целое в административном, военном и гражданском отношениях.

Так как по своим естественным особенностям Старая Линия во многом не походила на Черноморию, то у линейных казаков, отличавшихся к тому же от черноморцев и в национальном отношении, экономическая жизнь приняла свой особый склад. Здесь не было ни приморских рыболовных, ни солепромышленных угодий; меньше было воды, болот, камышей и пр.; при степном и вместе с тем более лесистом характере местности, последняя была годнее для земледелия, чем скотоводства. Тому же способствовали и формы поселений у линейцев. В видах чисто военных целей линейцы, как мы видели уже, были поселены крупными станицами, хуторов почти не было, и земледелие естественно должно было занять первенствующее место в экономической жизни казака, тем более что и полевые работы приходилось вести под прикрытием военной силы. С другой стороны, станицы наиболее удаленные от Кубани, будучи прежде крестьянскими поселениями, успели развить земледельческое хозяйство раньше, чем были обращены крестьяне в казаков. И действительно, линейные станицы издавна славились хорошей постановкой земледельческого хозяйства. Генерал Дебу, характеризуя экономический быт линейцев в период с 1816 по 1826 год, говорит, что в станицах Кубанского полка «земледелие составляло главнейший доход жителей, снабжавших хлебом Черноморию». Еще резче Дебу подчеркивает удовлетворительное состояние казачьего хозяйства в станицах Кавказского полка. «Трудолюбие и радение к домоводству, по этому свидетельству, отличало кавказских казаков от прочих.

Скотоводство у них в изобилии, хлебопашество в цветущем состоянии; в лесах нет недостатка, и сверх выгод, коими они пользуются наравне с казаками Кубанского полка, имеют отличное рыболовство по реке Кубани, которое могло бы принести значащий доход, если бы находилось в лучшем устройстве, и в коем вероятно не успевают от беспрестанного их нахождения на службе»⁹. Преобладающее значение земледельческих занятий в экономической жизни казака составило затем характерную черту и станиц, водворенных на Новой Линии. Тут действовали те же причины, что и на Старой Линии, причем военные условия требовали еще большей скученности населения в крупных пунктах, а земли местами представляли такой глубокий и тучный чернозем, какого не было на Старой Линии. Последующая жизнь казачества, при других уже совершенно благоприятных внешних условиях, вполне оправдала важное хозяйственное значение земледелия для обеих Линий. Старая и Новая Линии продолжают оставаться наиболее земледельческими местностями в Кубанской области.

Составившись из двух национальностей — великорусской и малорусской, с господствующим преобладанием первой, линейное казачество получило, однако, одну общую и весьма определенную физиономию в сословном отношении. Здесь не было даже той сословной дифференцировки, какая проявилась в Черноморском войске с первых шагов его самостоятельного существования. Казачья старшина вышла хотя и из среды своих же казаков, но была значительно малочисленнее Черноморской. Линейные казаки не имели затем ни своего казачьего духовенства, ни торгового сословия. Тем не менее, несмотря на все это, между линейцами как прежде, так и теперь замечалась и замечается своего рода раздвоенность. Это видно прежде всего на религиозных верованиях казаков. Очень многие казаки-великороссы оказались последователями староверия, между тем как другая часть тех же казаков и в особенности казаки-малороссы явились пред-

ставителями православия. Этнографические особенности обеих национальностей в свою очередь наложили резкий отпечаток на разные части населения. В некоторых станицах, как, напр., в Воронежской, до сих еще, по-видимому, идет борьба двух этнографических начал — великорусского и малорусского, и само население под влиянием этой борьбы получило смешанную, двойную окраску; образовалось нечто среднее между великороссами и малороссами; язык, бытовая обстановка, некоторые обычаи и пр. носят такой именно двойственный характер. Наряду с этим, как на Старой, так и на Новой Линиях часто в одной и той же станице можно одинаково встретить и типичного великоросса, и «завзятого хохла». Племенная разношерстность казачьего населения называется таким образом очень резко еще и теперь. Будущему, следовательно, предстоит еще многое переработать, сгладить, унивелировать, объединить, так как смешанное и без того население с каждым годом мешается все больше и больше, благодаря бракам между малороссами и великороссами, одновременному изменению некоторых экономических условий и быта, общему росту культурных потребностей и т.п.

Что касается народного образования, то линейное казачество дало в этом отношении далеко меньше, чем черноморское. В первое время существования казачества школ совсем не было. Только с конца тридцатых годов появились первые попытки в этом роде. Так, в 1833 году были открыты две школы — Новомарьевская и Сенгилеевская. Дальнейшее открытие школ подвигалось очень туго. Впоследствии образовались так называемые бригадные и полковые училища; возникло также несколько школ на станичные средства. Но многие из этих попыток не шли дальше канцелярщины и формализма. Школьное дело, по-видимому, не имело надлежащей точки опоры и не шло путем прогрессивного развития; линейные казаки не сделали ни одного шага в этом направлении, не попытавшись завести среднеобразовательных учебных заведений.

Правда, несомненно, что в среде населения тлела, как искра, потребность в грамоте. Весьма возможно также, что, помимо общеизвестных официальных школ, у населения были свои частные школы, о существовании которых не знало начальство. По крайней мере старообрядцы были прямо заинтересованы в этом и, без всякого сомнения, могли иметь свои особые школы, как это всегда и всюду практиковалось у представителей «древнего благочестия». Но при всем том ни рядовое казачество, ни даже его чиновные представители не выказали того стремления к просвещению, каким заявили себя черноморцы. Между тем как у последних, кроме начальных школ, в 1826 году уже была основана гимназия, у первых в то время не существовало еще никаких школ. Да и вообще школьное дело утвердилось окончательно в линейных станицах лишь с присоединением Линейного войска к Черноморскому.

XIV

Особенности пограничной службы линейцев и линейные пластуны

Будучи поселены рядом с черноморцами, линейные казаки являлись пограничной стражей на Кавказской линии вдоль верхней части Кубани и по направлению к Тереку. Следовательно, старолинейные полки (Кубанский, Кавказский и Хоперский) занимали в этом отношении только промежуточное звено, начиная от Воронежской станицы и оканчивая верховьями Кумы до Бекешевской и Суворовской станиц. Позже была выдвинута по Лабе, почти в перпендикулярном направлении к Кубани, новая, Лабинская линия, занятая также линейными казаками. В общем линейным казакам приходилось сторожить границы от горцев на таком же приблизительно протяжении, как и черноморцам. Но характер пограничной местности у Линейного войска был уже не тот, что

в Черномории. Кубань здесь текла одиноким руслом, и чем ближе к Эльбрусу, тем более узким и удобопереходимым; обширных болот, лиманов и плавней, как в нижнем течении Кубани, здесь совсем не было; таким образом, местность тут носила совершенно открытый и удобный для нападения большими скопищами на линию характер. Это, естественно, должно было отразиться на самой организации военной защиты Линии. Казаки не только сконцентрированное селились, но и сконцентрированное должны были действовать против горцев; от линейцев требовались вообще быстрота и подвижность, чем отличались набеги горцев; линейец, при указанных обстоятельствах, должен был усвоить качества противника, чтобы быть умелым соперником горца. По той же причине Линейное войско состояло исключительно из одних конных казаков; пехоты, подобно тому, как это велось у черноморцев, здесь совсем не было; хороший конь и хороший наездник стояли на первом плане в силу необходимости, условий борьбы. Вот какое различие проводит в этом отношении между черноморцами и линейцами казак-писатель:

«Совокупность всех главных родов оружия, а особенно неутомимость, стойкость и отличная стрельба пехоты сообщают Черноморскому войску в войне с горами значительную самостоятельность: оно в состоянии содержать полевые укрепления в самом сердце непокоренного населения гор, и делать легкие экспедиции в горы без поддержки другими войсками. На всем протяжении линии от Анапы до Усть-Лабы по нескольку лет сряду не бывает регулярных войск. Отдавая должную справедливость пехоте этого боевого и трудового войска, следует заметить, что конный черноморский казак уступает пальму превосходства своему соседу и сподвижнику — кавказскому линейному казаку. Отчего? — Вот вопрос, на который нельзя отвечать в немногих словах. Ограничимся указанием на обстоятельства более очевидные. Отличительные черты местности, или первобытные распорядки и привычки

внесли разницу в образ содержания одной и той же линии кавказскими и черноморскими казаками. У первых сжатость, подвижность и налет, а оттуда сила удара, если противник под него подвернулся, если же увернулся — промах; у последних — растянутость, раздробленность и неподвижное выжидание неприятельского нападения на всех пунктах, где только оно признается возможным и вероятным. Там гонка за зверем, вышедшим на чистое место, а здесь облава, в закрытом месте, на зверя еще неподнятого. У кавказцев вход черкесу подчас широк да выход тесен, а у черноморцев наоборот. Лучший судья — опыт, обнаруживает недостатки и той и другой системы. Была темная ночь или был туманный день: *кавказцы* (линейцы) поздно заметили неприятеля и налетели, когда уж след его простыл, — а поспей они вовремя — несдобровать бы хищнику; черноморцы рано заметили, нащупали на самой переправе и следили неприятеля да ничего ему не доказали. Вообще же, если Кавказская линия часто пропускает хищников в широкие ворота между своими сильными “лезертами”, то еще чаще накрывает и поражает или, по принятому в кордонных донесениях выражению, “наказывает” их: а Черноморская линия, с густой, но тонкой цепью своих бикетов и залог, только замечает, останавливает и заставляет воротиться без успеха, но не наказывает хищников. Из двух горцев, возвратившихся в одно время с кавказской и черноморской линии, один говорит: “благодарение Аллаху, едва-едва убрался”, а другой: “не удалось — надо еще отправиться”»¹⁰.

Итак, говоря короче, война черноморцев с горцами была человечнее войны линейцев с теми же горцами. Первые больше сторожили, чем дрались, а вторые, наоборот, больше дрались, чем сторожили, — и это различие в образе действий зависело от различных систем обороны пограничной линии.

Тем не менее линейцы, как и черноморцы, придерживались одного и того же характера укреплений линии. Кордон и пикет играли здесь свою обычную роль. Служба на этих ук-

реплениях дополнялась службой в разъездах и на залогах. Наряду с этим, в военных действиях Линейного войска всегда принимали видное участие регулярные войска. И при защите станиц или укреплений и при наступательных действиях против горцев вместе с линейцами несли ту же службу и солдаты; начальниками линии были большей частью не казачьи офицеры, а представители регулярной армии; пехота всегда состояла исключительно из одних солдат; артиллерия и кавалерия регулярной армии также входила в состав отрядов, охранявших Кавказскую пограничную линию. Все это только еще резче выделяло специальную службу Линейного казачества, как легкой и вместе сильной, стремительной кавалерии, которая не только могла поспорить в наездничестве с горцами, но и всегда имела над ними на деле преимущество. Линейцы были в этом отношении учениками горцев, но, благодаря русской армии, оружию и средствам за своей спиной, пошли значительно дальше своих учителей... Основные приемы партизанской войны, одежду, кавалерийскую выправку, даже характер вооружения — все это линеец перенял у горца. Одним словом, линеец был тот же черкес, но только русской национальности.

Как и у черноморцев, у линейных казаков были свои пластуны, но, подобно остальным казакам, они служили также на лошадях и представляли собой едва ли не самых выдающихся наездников, хорошо знакомых к тому же со всеми тонкостями разъездной и разведочной службы. Их розыски за Кубанью и способы ведения разведок заметно опять-таки различались от розысков и разведок черноморских пластунов. Пластун-линеец практиковал все те приемы, что и черноморец, но при этом имел много и своего собственного. Так, пластун-линеец ухитрялся пробираться за Кубань на лошади, заводил здесь знакомства и «кунаков» (приятелей) между горцами и не брезгал подкупом там, где представлялась к тому возможность. Чтобы охарактеризовать деятельность линейного пластуна с этой сто-

роны, нелишне будет привести здесь два-три примера из военной жизни этого рода казаков, переданных в печати казачьим офицером Аполлоном Шпаковским.

Однажды, рассказывает в своих «Записках старого казака» этот офицер, три пластуна — Зимовин, Коротков и Мамоков пробрались для разведок в верховья Лабы, в тамовские и баговские аулы. В Баговском ауле у Короткова был «кунак», к которому Коротков отправился один, без товарищей. Но кунак на этот раз изменил и выдал аулу пластуна. Короткова горцы захватили спящим в сакле приятеля и посадили в черкесскую тюрьму, т. е. в глубокую яму, на цепь, намереваясь впоследствии отдать его на суд Магомет-Амина. Но здесь нелишне будет сделать небольшое отступление. Упомянувши раз имя Магомет-Амина, нельзя не остановиться на этой личности, игравшей в течение 10 лет весьма важную роль в борьбе казаков с горцами. Магомет-Амин родился в Дагестане около 1818 года; 11 лет он лишился отца, а 17 поступил в число мюридов известного Шамиля. Шамиль сначала не придавал значения молодому мюриду. Когда горцы Западного Кавказа просили имама дать им особого наиба и когда наиболее видные из сподвижников имама отказались от такой чести, Шамиль назначил наибом Западного Кавказа Магомет-Амина, предложившего имаму свои услуги. События, однако, показали, что Магомет-Амин был далеко не заурядной личностью. Уступая по таланту Шамилю и не отличаясь военными способностями, Магомет-Амин представлял собой, тем не менее, видного политического деятеля. Два раза он сумел объединить под своей властью всех горцев Западного Кавказа, неоднократно привлекал на свою сторону мирных горцев и, уклоняясь вообще от столкновений с русскими войсками, сильно тормозил покорение Западного Кавказа... Продолжим теперь далее рассказ Шпаковского о похождениях пластунов. Товарищи, что называется, «потеряли следы» Короткова и не знали, что с ним случилось. Случайно им удалось подслу-

шать разговор двух горцев об участии Короткова. Пластуны порешили во что бы то ни стало выручить товарища из неволи. Ночью они «прокрались» к аулу, в котором находился Коротков, и начали «подавать голос» узнику условленным заранее «пугу-пугу», подражая крику филина. Коротков в свою очередь ответил, но так громко закричал и загремел цепями на радости, что разбудил спавшего горца-сторожа. Раздраженный горец, не разобравши, в чем дело, с сердцем ударил Короткова прикладом ружья в отместку за нарушенный сон... Между тем крики филина звучали все ближе и ближе к яме. Коротков притаился и боялся малейшим движением выдать себя, так как сторож-горец мог догадаться о причине крика и поднять тревогу, а тогда плохо пришлось бы не только ему, но и товарищам. К счастью для пластунов, горец вылез из ямы и отправился в саклю за сменой. В это время пластуны подобрались к самой яме и, в ответ на «пугу-пугу», услышали, что товарищ их в яме и что лестница в яму расположена с левой ее стороны. Пластуны забрались немедленно к товарищу и начали освобождать его от цепей. Скоро, однако, послышались шаги, а затем и голоса двух горцев. Пока горцы раздраженно бранились, пластуны приготовились к встрече и стали у лестницы. Но вот один из горцев начал спускаться в яму на обычное место сторожа. Пластуны, выждавши момент, поразили его сразу двумя кинжалами; горец не смог даже крикнуть и со стоном свалился на дно ямы. Оставшийся наверху сторож, услышавши шум и предположивши, что товарищ его оступился и упал, осведомился, что случилось с ним. Пластун Мамоков, отлично говоривший на местном горском наречии, с бранью звал его к себе на помощь, объясняя, что оборвавшись с бревна, он ушиб себе ногу и не может подняться. Обманутый, благодаря царившему в глубокой четырехсаженной яме шуму, горец полез к товарищу и также поплатился жизнью. Тогда пластуны освободили товарища от цепей и, захвативши оружие убитых горцев, по-

спешили выбраться из ямы. Но освобожденный Коротков не захотел ограничиться смертью двух горцев; он уговорил товарищей отомстить изменнику-кунаку. Пластуны подожгли саклю кунака. Пожар, однако, стал распространяться и на другие сакли и строения. «Поднялась тревога в загоревшемся ауле... Никто из горцев не обращал внимания на казаков, считая их по костюму за своих; каждый хозяин старался отстоять и спасти свое имущество. Из подожженной сакли, пылавшей в развал, вдруг выскочил полузадохшийся горец — и, вместо огня и дыма, нашел смерть за измену от кинжала кунака... Все это так быстро совершилось, что пластуны, не замеченные никем, поживясь в суматохе, успели выбраться за аул, откуда и пустились “задковать” по лесу. Поравнявшись с аульным кладбищем, поросшим густым кустарником, они слышали конский топот. Пластуны тотчас же залегли в кусты, откуда вскоре увидели едущего навстречу горца, ведущего трех лошадей в заводу». Мамоков кинжалом наповал убил горца. Пластуны уселись на лошадей и пустились домой. «Около полудня они были уже в Надеждинском укреплении (на месте нынешней Сторожевой станицы). Здесь они явились к начальнику зеленчугской линии — полковнику Попандопулло, которому Коротков, рассказав свое приключение, доложил, что дня два назад в аул приезжал тамовский старшина Багир, который, не подозревая, а главное не опасаясь пленника, знавшего отлично горские наречия, разговаривал с аульными стариками и звал из аула джигитов для набега на Зеленчугскую линию. К этому Коротков присоединил, что уже более 2000 горцев готовы сесть на коня, а не менее этого числа пеших, что пошли к Надеждинскому, чтобы обложить его, пока соберутся все для совместной “атаковки”. Сведения эти, хотя и не столь определительно, уже были сообщены горскими лазутчиками полковнику, почему он, поблагодарив пластунов, угостив их и щедро наградивши, приказал им поспешить на свою линию и доставить

бумаги нашему начальнику линии. Зашили пластуны в папаху данные им “грамотки”, потом, продав на форштате укрепления одного коня, они купили два седла, позапаслись чем следовало, и отправились в путь. На свету, пробираясь Псеменским лесом, они столкнулись с пластунами Демоковым, Мезенцовым и Левченко, которые приготовились было из засады угостить друзей, приняв их за “татарву”, да скоро “спознали” друг друга. И вот, поменявшись и доброй чаркой “горилки” (водки), и своими сведениями, все вместе поехали на линию»¹¹.

Этот сказочный и вместе дерзкий случай с пластунами, рассказанный лицом, которому не доверять никак нельзя, настолько характерен сам по себе, что не требует никаких пояснений и дополнений. А вот другой случай, действующим лицом в котором был уже сам Шпаковский.

В другое время, рассказывает этот чиновный пластун, посланные на разведку пластуны не принесли никаких сведений о положении дел у горцев. Между тем кажущееся спокойствие горцев было, по-видимому, зловещим признаком. Магомет-Амин, несомненно, держал в секрете даже от горцев свои намерения. «Прошло около двух недель, а на линии ни одного происшествия, ни одного появления даже мелкой партии... Начальник линии В-в (вероятно, генерал-майор Волков) во время обеда, разговорясь об этой тишине и о так сильно его озабочивавшем спокойствии горцев, обратился ко мне не с приказанием начальника, а как к боевому помощнику, на которого не раз полагался. “Тишина меня тревожит; она не даром... Съезди ты сам на разведку со своими Мандруйкой и Запорожцем — вы трое стоите доброго десятка пластунов”. Этот лестный отзыв не мог попасть лучше в цель... И в тот же вечер мы втроем были уже за Лабой. За трое суток немало мы вымотали коней. Побывали в долинах и в ущельях Черных гор, среди которых находились большею частью ставки шейха; побывали мы и на Теректли-мектеп (на реке Белой,

главное место судилища и сбора влиятельных лиц для секретных совещаний); повидались тайком, по условным знакам, с кунаками-лазутчиками; но мало узнали толкового, а тем более положительного о намерениях Амина, сильно повлиявшего на умы горцев... Я решился послать Мандруйку пешим в аул к султану Ерыкову. Султан — давнишний плутяга, для которого “бакшиш” или “пекшешь”, т.е. подарок деньгами или вещью, были главными двигателями. Он несколько раз был прощаем и награждаем чинами от нашего правительства, и в последний раз, до побега в горы, был штаб-ротмистром, прикомандированным к нашей бригаде, и даже командовал сотней. Он меня любил и уважал по-своему, и я решился положить на него и разузнать о положении дела, как от личности вполне влиятельной в горах и конкурировавшей с шейхом. Султан был истый прототип, под который подходят все люди подобного характера. В этом атлете соединялись природный ум, удивительная сметливость, безумная отвага, беспримерная самонадеянность, чисто горская удаль, отсутствие всяких, как говорят французы, *scrupules de conscience* (угрызений совести. — *Прим. ред.*), инстинктивная доброта сердца дикаря, который свирепеет и готов на все, если его раздражить, и сейчас же забывает зло, если не видит сопротивления (кстати заметить, что он воспитывался в одном из наших кадетских корпусов, и потому был более развит сравнительно с его земляками). К свету вернулся Мандруйко (его лично и хорошо знал султан), и сказал, что Ерыков принял с благодарностью посланные ему от имени В-ва часы, и увидится со мною ночью с глазу на глаз в Уракаевском ущелье, близ Пшедаха (священное дерево). Место было знакомое и опасаться засады было бы смешно после моего обращения к личности, здесь обрисованной. Оставив товарищей пластунов с лошадьми в лесу, я пробрался версты полторы кустами и густой травой и притаился у ствола векового пшедаха. Ночь была чернее тюрьмы; порывистый ветер гнал валуны туч, навис-

ших свинцовыми слоями и бросавших мелкие дождевые капли, проникавшие до костей, от которых намокшая бурка немало спадала... В темноте слух, а не глаз, больше настороже, и, невольно сжимая рукоять кинжала, я ждал этого *tete a tete*... Около полуночи зашекотала горная курочка и затем три раза крикнул горный беркут: это были условные сигналы нашей встречи. Подвыл я шакалом в ответ и так жалобно, что самому стало смешно. Вскоре зашелестела трава под осторожной, но твердой походкой, и султан дружески пожал мне руку со словами: “ты все такой же, мой Аполлон, такой же джигит, очертя голову, и такой же неизменный товарищ! Что тебе хочется знать, спрашивай; для тебя и В-ва у меня нет заветного, нет тайн, да и что мне наши шакалы и кроты, когда я уже обрусел”... Более часу беседовали мы, как старые друзья, и много узнал я сокровенных тайн ненавистного душе султана, Амин-Магомета с его клеветами. Тишина была недаром предвестницей того урагана, который едва не разразился на линии 14 мая 1851 года»¹². Несмотря на то что незадолго перед тем русские разорили один из аулов, принадлежавших султану Ерыкову, ненависть последнего к Магомет-Амину была так велика, что он без колебания выдал Шпаковскому все, что знал о намерениях шейха. Хотя Магомет-Амин и не доверял султану, величая его заглазно «туарек», т.е. вероотступник, но окольными путями султану все-таки удалось узнать, что Магомет-Амин собирал тайком, в одиночку на Моктеп всех влиятельных личностей; здесь шли совещания о семнадцати аулах бесленевцев, водворившихся года три пред тем на реке Уруп в черте русских владений, но завязавших сношение с Магомет-Амином чрез особых агентов. Готовилось, по-видимому, грозное нападение на линию в связи с возмущением бесленевцев. В заключение Шпаковский передал султану от имени В-ва десять туманов (персидская золотая монета. — *Прим. ред.*), т.е. полуимпериалов (русская золотая монета, эквивалентная туману. — *Прим. ред.*). «Дру-

жески, — говорит рассказчик, — расстались мы, обещая друг другу, при первой открытой встрече, всадить ловко пулю или померяться шашкой, но тем не менее всегда оставаться, как были, друзьями... Запасшись, насколько возможно было, разнородными сведениями от султана, так важными для линии по последствиям, я решился еще попытать счастья: не удастся ли перехватить кого-либо из старшин, князей или доверенных узденей, которых личности хотя и были нам незнакомы, но их легко можно отличить по доброму коню, по богатому вооружению и одежде. С этой целью мы отправились на поиск и засаду по дороге на Мектеп. Целые сутки напрасного ожидания не отняли у нас охоты поджидать и добыть языка, а как всему бывает конец, то и мы дождались в награду терпению»¹³... Утром казаки заметили четырех всадников и решились пристрелить их. Казаков было хотя и трое, но каждый имел по два выстрела в нарезной пластуновской двустволке. «Сверкнули выстрелы и трое из горцев свалились, как снопы; четвертый, ехавший поодаль, хотя сильно покачнулся в седле, но быстро справясь, полетел птицей»... Один из пластунов бросился было догонять горца и уже совершенно было настиг его, но в это время упала лошадь под пластуном — и горец ускользнул от преследования. Между тем Шпаковский с другим пластуном, стащивши убитых с дороги в кусты и забравши лошадей и лучшее оружие, отправились вслед за погоней. Версты чрез четыре от места происшествия они нашли товарища «с запекшейся от крови рыжей бородой и с подбитым глазом, следствием падения с лошадью». Между тем и положение пластунов было критическое; с минуты на минуту они должны были ждать погони со стороны черкес и верной смерти в случае удачи горцев. Нужно было скрыть следы («сакму»). Пластуны, посоветовавшись, решили переплыть за р. Белую и по устью притока Ендрюк проехали водой до «шавдона», т.е. большого топкого болота, чтобы горские охотничьи собаки, приученные к отысканию следов, сбились с

толку. До наступления ночи пластуны ловко избегали горской погони, зорко следя с деревьев и круч за черкесами, благодаря хорошему знакомству пластуна Мандруйко с местностью. Беглецы приблизились к Майкопскому ущелью, но здесь их ждала беда. При лунном свете пластуны заметили несколько темных теней возле скал ущелья, в самой середине дороги, по которой предстояло проезжать казакам. Тогда Мандруйко свернул направо в долину и привел товарищей к знакомому ему полуразрушенному кошу. Здесь пластуны остановились. Чтобы лошади не выдали беглецов ржанием, последние стянули им верхние губы ремешками и коротко привязали к деревьям. Пока пластуны выясняли свое положение, Шпаковский, облокотясь на сук дерева, не почувствовал даже, как вздремнул, утомленный долгой бессонницей. Мандруйко разбудил своего начальника и предложил ему объехать ущелье. Но едва они проехали около 200 шагов от коша, как раздался выстрел и просвистела пуля. По предложению Мандруйка, казаки поскакали зигзагами, чтобы лучше избежать выстрелов, которые могли посылать засевшие горцы «по слуху» на топот лошадей. Выстрелы, действительно, хоть и не частые, время от времени повторялись. Одна из лошадей, бывшая в поводу у Мандруйки, была убита. Пальба между тем учащалась, и Мандруйко, высказавши предположение о том, что горцы окружили казаков со всех сторон, предложил идти напролом. Казаки двинулись вперед. Однако выстрелы по-прежнему продолжались, и на одном из кошей залаяла собака. Положение становилось безвыходным; даже Мандруйко спасовал. «Но Запорожец, до сей поры не проронивший почти ни одного словечка, и, как видно, вполне одобрявший все распоряжения Мандруйки, разрешил задачу. Он своими рысьими глазами рассмотрел близость густого леса». Указавши на это обстоятельство, он пустился вскачь в лес, а за ним последовали Шпаковский и Мандруйко. Раздалось еще несколько неудачных выстрелов, но пластуны благопо-

лучно успели укрыться в лесу. «Больше часу, — говорит Шпаковский, — или нам так показалось, мы пробирались по трюшобам, переехали какие-то два протока, и блестящий утренний свет осенил нас на высоте, окруженной густым лесом. Осмотрелся Мандруйко, немного сконфуженный и молчавший все время нашего бегства, хотя и не славного, да зато здорового, и сказал: “Толку будет мало, если мы еще останемся в горах. Мы открыты и “языка” не доставим, а пожалуй поплатимся головами. Надо вернуться домой, и если вы согласны, то к ночи мы дома”. Против этой логики возражать было бы нелепо. Кони наши притупели за шесть дней, не выходя из-под седла, голодая и нередко целый день оставаясь без воды. Да и мы, питаясь почти одной “пастромой”, т.е. вяленным мясом, да чаркой-другой “горилки”, почти без сна, тоже крепко повыбились из сил. Решили: возвратиться на линию»¹⁴.

Таковы были похождения линейных пластунов за Кубанью, их передовая, разведочная служба, со всеми ее ужасами и неподкрашенной действительностью. Если допустить, что в приведенных выше рассказах местами очень сгущены краски и подробности отдаются утрировкой, то, при несомненной откровенности и даже наивности этих рассказов, в них во всяком случае заключается много характерного и знаменательного. Безумная отвага, железные нервы, удивительная находчивость, быстрая, кровавая расправа с противником, собственное самопожертвование спорят и соперничают в действиях линейного пластуна. Пластун был беспощадным, жестоким воином, именем которого горцы пугали своих детей, но вместе с тем каждый шаг своей разрушительной деятельности он совершал с риском собственной жизни. Не всегда похождения пластунов сходили так благополучно, как в приведенных случаях; и пластунскую кровь проливали горцы, как проливали черкесскую пластуны. То была война с ее бесчеловечием и кровавыми жертвами, в которой линейный пластун участвовал в роли разведчика, застрельщика, передового бойца. То была тяже-

лая и с точки зрения мирной гражданской жизни преступная деятельность, но, благодаря этой кровавой деятельности, часто сохранялись жизнь и спокойствие многих и многих существ, причастных и не причастных войне. Таковы, одним словом, были веления суровой действительности.

XV

Линейные залого и характерные эпизоды борьбы линейцев с горцами

Под влиянием той же суровой действительности, передовая служба и остальных казаков была здесь тяжелее, чем у черноморцев. Открытые места требовали большой сторожкости. Так как горцы нападали на линию более или менее значительными шайками и скопищами, то казакам весьма важно было вовремя узнать о движении неприятеля и проследить то направление, которое он намерен был принять, — и вот эта именно задача и возлагалась на «разъезды», «секреты» и «залого». Разъезды представляли собой дневные патрули, секреты составляли на кавказской линии то же, что залого на черноморской, т.е. ночные караулы и засады у самой линии, и, наконец, залогой называлось нечто вроде рекогносцировочной партии (разведгруппы. — *Прим. ред.*). Вот как характеризует этот вид разъездной службы Шпаковский. «Залого» или «конная засада» — это одна из трудных и опасных служб на пограничной линии с неприятелем. На залого выбирались преимущественно старые и опытные казаки, имевшие сильных и резвых коней. Залого высылалась лишь в тех случаях, когда неизвестно было, где и в каком месте неприятель намеревался пройти пограничную линию. Обязанность залого состояла в том, чтобы скрытно и зорко следить за появлением врага. Здесь первую роль играла местность: и она-то указывает способ укрытия от зоркости неприятеля. Для этой цели выбирались переправы на

реках и вообще на местностях, представлявших естественную или искусственную преграду. Пропустить появившегося врага в наши пределы, следить скрытно за всеми его движениями, высмотреть его силу и численность и, наблюдая направление пути, давать знать на ближайший пункт посылкою одного или двух казаков до тех пор, пока обрисуется принятое неприятелем направление — таковы были обязанности залого. Очевидно, что она требовала от казаков большой сметливости и личного знания местности»¹⁵.

Здесь нелишне будет иллюстрировать эту характеристику казачьей службы на залогах следующим случаем. В конце апреля 1847 года начальнику лабинской линии полковнику Волкову было сообщено, что Магомет-Амин собирал значительные партии горцев, чтобы пробраться за Кубань. Шейх имел в виду лично стать во главе всего скопища, и поэтому держал в секрете как место переправы чрез Лабу, так и пункт общего сборища после переправы. Ввиду этого по Лабинской линии требовалась особенно сильная осторожность и осмотрительность. Начальник линии приказал запереть станицы, посты и укрепления, прекратить на время полевые работы, остановить движение колонн, усилить дневные разъезды, выставить залого и посылать на ночь сильные секреты, располагая их непрерывной цепью. Одна из залог, состоявшая из 20 казаков под командой старого и опытного урядника Солодухина, была назначена занять урочище «Дубки», близ устья р. Ходз. Это было очень важное для наблюдения место. Закрытая местность, густой лес и множество длинных кос по Лабам с сплошными зарослями представляли здесь удобства одинаково как для наблюдения за неприятелем, так и для того, чтобы хорошо скрыться этому последнему. Двое суток залого Солодухина стояла на Дубках; днем казаки сторожили свой пост спешенными, держа лошадей в поводу, а ночью напролет проводили в седле. На третий день под вечер один из казаков заметил горцев. Солодухин немедленно послал донесение

начальнику линии, а сам, взявши с собою четырех казаков и оставивши остальных на месте, отправился выслеживать неприятеля. Пока заходило солнце, Солодухин успел высмотреть горцев и даже определить приблизительно численность партии в 200 человек. Оставивши на этом новом месте наблюдения двух казаков для надзора за врагом, урядник воротился к команде, послал еще одного гонца к генералу Волкову с добытыми сведениями и переправился с командой за Лабу. Расположивши команду в скрытном месте, сам урядник с двумя казаками стал следить сзади за неприятельским отрядом, переправился вместе с ним через воду и скрылся в лесу. Хорошее знание черкесского языка помогло Солодухину узнать из долетавших к нему разговоров горцев, что в ту же ночь другая партия горцев должна была переправиться чрез Лабу выше Ахмет-горского укрепления. С этими вестями был снова послан казак к начальнику линии. Поручив шести казакам следить за открытой партией, Солодухин с командой остался на броду. Перед светом туман до того сгустился, что всадники с трудом могли различать головы собственных лошадей. Между тем по всплеску воды в реке казаки слышали, что началась переправа через Лабу еще какой-то новой партии. Со стороны казаков требовалась большая ловкость, чтобы определить силы неприятеля, не наткнувшись на него в тумане. «Четыре казака и Солодухин поползли, как змеи, и притаились за камнями и за пнями у въезда. Они насчитали еще до 50 всадников с одним большим значком, почему Солодухин заключил, что это ехал или сам Магомет-Амин, или кто-нибудь из князей, старшин или первостатейных вожаков»¹⁶. Пославши новое известие в станицу, Солодухин назначил пятерых казаков следить и за этой партией, а сам с остальной частью команды остался на броду до рассвета. Казаки прекрасно проследили движение обеих партий до самой Кубани. Как эти партии, так и четыре других, переправившихся чрез Лабу в иных местах, соединились все вместе на переправе чрез Ку-

бань близ Николаевской станицы и образовали отряд в 2000 человек. Горцы в таком числе нарочито были пропущены внутрь казачьих владений верст за 100 от Лабинской линии. Всем скопищем никем нетронутые черкесы напали на станицу Сенгилеевскую, лежащую в 25 верстах от г. Ставрополя; но здесь они были встречены заранее подготовленными войсками, разбиты и преследуемы за Кубань до Тегеней.

Собственно боевая служба линейного казачества слагалась, как и у черноморцев, с отражения горцев и походов в горы. Трудно сказать, на что больше тратились силы казачества. Набеги горцев, походы русских войск в горы и вообще взаимные столкновения между казаками и горцами были очень часты и повсеместны. И не всегда счастье сопутствовало казаку. Хотя и не часто, но горцам удавалось наносить существенные уроны казачьему населению. Особенно сильно страдали станицы и селения, прилегавшие к г. Ставрополю. Так, в 1807 году партия горцев в 200 человек напала на Сенгилеевку, бывшую тогда еще крестьянским селением. Село было разграблено, 34 человека из жителей были убиты, утоплены и сожжены живыми, 24 ранены и 102 взято в плен; более двух тысяч голов рогатого скота и лошадей также стали добычей горцев. Не прошло и месяца после этого случая, как новая партия горцев напала на Воровсколескую станицу и увела в плен более 200 казаков. Осенью горцы угнали более тысячи лошадей, захваченных по р. Егорлыку, и нанесли значительный урон донцам, пытавшимся отбить лошадей. Вскоре затем (7 ноября) еще одна особенно многочисленная партия горцев, соединившись с кабардинцами, пробралась в Ставропольский уезд и совершенно разрушила богатое селение Каменnobродское, также не бывшее еще тогда казачьей станицей. Горцы произвели страшную резню в церкви, куда укрылась часть жителей; около 130 душ обоего пола оказалось убитыми в селе, 350 человек было уведено в плен, весь скот угнан, хутора сожжены, озимые посевы вытоптаны. Впослед-

ствии, по мере того как усиливалось линейное казачество, такие резкие случаи набегов и грабежи менее удавались горцам. Однако горцы не переставали тревожить передовые станицы вплоть до покорения Западного Кавказа в 1864 году. Чем дальше внутрь гор от Кубани и Лабы распространялась казачья колонизация, тем все в лучшие и лучшие условия становились старые станицы; тяжесть разбойничьих набегов падала на вновь устроившиеся станицы. Горцы угоняли скот, брали в плен население, нападали на казачьи станицы, беспокоили караулы и отряды и вообще с ожесточением уступали каждую пядь своих владений, мстя колонизаторам края при всяком случае. Шпаковский, как очевидец и ближайший участник в этой непрерывной борьбе казаков с горцами, передает в своих записках несколько очень характерных для описываемого времени случаев.

Однажды во вновь устраивавшейся станице Урупской четырнадцатилетний сын войскового старшины Склярова был послан последним на двух подводах с «драбантой», т.е. казаком-денщиком, за нарубленным для построек лесом. Лес был вблизи станицы. Пока драбант возился с бревнами, мальчик Скляров сидел у повозок и наигрывал на гармонике. Он так углубился в свою игру, что не заметил, как приблизились к нему человек десять горцев. Захвативши пару волов и привязавши рядом с ними Склярова, горцы направились вверх по р. Урупу. К вечеру партия с пленником пробралась далеко в глубь гор от станицы, вне возможности преследовать ее, и остановилась на ночлег. Уставшему и измученному мальчику были развязаны руки и предложены «чуреки» (лепешки) и жареное просо. Поевши, горцы пробовали поиграть на гармонике, но так как игра выходила очень плохой, то Скляров взял гармонику и начал играть лезгинку. Горцам так понравилась игра, что они пустились плясать. До полуночи мальчик потешал своей игрой джигитов, пел им песни, передразнивал армян и грузин, показывая, как коверкают они рус-

ские и горские слова. Горцы хохотали и стали обращаться с пленником, как с приятелем; ложась спать, они оставили его несвязанным в награду за то удовольствие, которое он им доставил. Мальчик, в свою очередь, лег и притворился крепко спящим, а сам зорко следил за караульным, сидевшим у костра спиной к нему. Выбравши удобную минуту, Склярлов тихонько вытащил кинжал из ножен спавшего близ него бейгуша, т.е. бедняка, осторожно подполз к караульному и, поднявшись на колена, сильным ударом кинжала в спину убил наповал горца. Захвативши затем оружие, пленник скрылся в лесную чащу; на другой день вечером он был дома.

В другое время жители станицы Зассовской, под прикрытием одной пехотной роты и сотни казаков, рубили лес. Воспользовавшись этим, поручик милиции Али-бей, служивший в качестве разведчика русских войск, привел партию горцев в 500 человек, которые напали на жителей и команду врасплох. Благодаря, однако, своевременно оказанной помощи Шпаковским с пластунами горцы были разбиты, причем перебежчик Али-бей пробовал было застрелить Шпаковского в отмщение за скорую помощь, но, промахнувшись, сам пал от пули пластуна. Дело это, однако, обошлось русским в 50 человек убитых и 70 раненых.

Еще печальнее по своим последствиям было дело под Шалохом 4 мая 1850 года. Незначительный отряд под командой донского полковника Ягодина был окружен скопищем горцев в 5000 человек в глубокой балке, известной под именем «чертового мешка», между Шалохом и Ахмет-горским укреплением. Заняв вы́соты, неприятель, под защитой густого кустарника, сильно поражал ружейными выстрелами русский отряд и не выпускал его из котловины. Сбить горцев картечью с этой позиции не было возможности. Несмотря на то что орудия наводились под самым крайним углом, выстрелы все-таки были неудачные; ружейной пальбе мешали камни, кустарник и густая трава, прикрывавшие горцев. Четыре

раза русские войска бросались напролом, стараясь взобраться на кручи и пробить себе дорогу чрез густую толпу неприятелей штыками, пиками и шашками; но всякий раз град камней и дружный залп горских винтовок отбрасывал храбрецов с большим уроном в котловину. Пользуясь своим численным превосходством, горцы, видимо, готовились броситься в шашки на отряд. Но в это время две сотни четвертой Ставропольской бригады, услышавши выстрелы на привале, бросились по направлению к сражению. Горцы, однако, послали против них скрытным путем засаду человек в тысячу. «Не ожидая, — говорит Шпаковский, — встретить на пути засады, сотни на скаку растянулись; казаки перегоняли друг друга. Сосредоточив все свое внимание на выстрелы у “чертового мешка”, бедняги вдруг были встречены залпом трех или четырех сот винтовок и дробью выстрелов по протяжению балки. Оба офицера были убиты наповал; большая часть казаков убиты или переранены, остальные смешались, оторопели: кто спешился, а кто поворотил коня в гору; но другой залп — и выскакавшие из балки горцы положили шашками остальных людей. Нам все это было видно, как на ладони; но ни предупредить, ни выручить своих не было никакой возможности: мы сами были на шаг от той же участи. Гарнизоны укрепления Ахмет-Горского и поста Шалоховского, видя истребление ставропольских сотен с своих вышек, поспешили к нам на выручку. Едва раздались орудийные выстрелы, встревожившие атакующих нас горцев, Ягодин с шашкой наголо бросился вперед, и мы прорвали густые массы неприятеля, невзирая на град пуль, буквально нас осыпавших. Не удержали и кручи отчаянного прорыва. Орудия были вынесены почти на руках, и едва были установлены на окраине котловины, как запрыгала картечь по кучам сбившегося неприятеля, попавшего в перекрестный артиллерийский огонь. Отхлынула масса, нас давившая, и мы примкнули к роте из Ахмета и полуроте из Шалоха при двух орудиях подвижной

гарнизонной артиллерии, соединившихся над «Чертовым мешком». Храбрый Ягодин не дал опомниться скопищу. Живо были направлены орудия на главную массу с фронта и в то же время пехота и казаки, после дружного залпа, бросились с обоих флангов, опрокинув сборище в Лабу. Горцы, не ожидавшие такого оборота дела, до того смешались, что кучились и толпились по плаву, как отара баранов, и много, много унесла Лаба трупов джигитов их и коней. Жажда мести одушевляла весь отряд; едва можно было удержать солдат и казаков не бросаться в воду для преследования»¹⁷. Дорого обошлось это сражение обеим сторонам. Достаточно сказать, что из двух ставропольских сотен оказался живым только один молодой казак, весь порубленный и впоследствии ослепший от ран, но и этот казак потерял в бою отца и двух братьев.

Ровно чрез год, 14 мая 1851 года, между горцами и казаками вновь произошло одно из тех ужасных столкновений, которыми не богата даже история кавказских войн. Громаднейшее скопище под предводительством все того же Магомет-Амина перешло через Лабу и Уруп в мирные бесленеевские аулы и, захвативши их жителей с имуществом, двинулось с ними вверх по р. Урупу в горы. Русские войска под личным начальством начальника Лабинской линии полковника Волкова шли в виду горцев по другой стороне реки. В одном месте горцы, однако, переправились через Уруп и, пользуясь подавляющим численным превосходством, бросились на русские войска. Завязалась ожесточенная борьба. Девять раз горцы отчаянно кидались на левый фланг русского отряда, угрожая в то же время центру и правому флангу и, не обращая внимания на усиленный картечный и ружейный огонь, врубались в ряды солдат и казаков, но каждый раз были отбрасываемы штыками и шашками назад. Так дело шло с пяти часов утра до полудня. Затем, отступивши всей массой и показывая вид, что они намерены снова переправиться на другую сторону Урупа к оставленным там на арбах бесленеевцам, горцы неожиданно и дружно бросились на правый фланг. Удар был

так неожидан и стремителен, что составлявшие правый фланг донцы дрогнули и поворотили коней назад. Но в то же время остальная часть войск употребила все усилия, чтобы выдержать этот новый натиск. Пока линейные казаки и донцы, поведенные снова в атаку лично Волковым, удерживали натиск горцев, артиллерия произвела такое опустошение картечными выстрелами в рядах неприятеля, что последний не выдержал и показал тыл. Тогда казаки, не давши опомниться горцам, погнали их через Уруп, так что разбитые горцы бросили на произвол даже бесленеевцев. Но в свою очередь и победители были не в состоянии преследовать неприятеля как по своей малочисленности сравнительно с убежавшими горцами, так и вследствие крайнего утомления; к тому же артиллерийские лошади были большей частью перебиты, а заряды почти все вышли. Русский отряд ограничился только тем, что снова захватил переселявшихся бесленеевцев. Когда были приведены в известность результаты этой победы, то оказалось, что у русских из 1750 человек, бывших в бою, убито и ранено до 600 человек и что неприятельских тел, найденных только на месте боя и брошенных при бегстве, насчитано было более полутора тысячи.

В такой-то военной школе воспитывались линейные казаки. Вечная борьба, непрерывные тревоги и многочисленные кровавые столкновения с горцами выработали из этих казаков тех воинов, подвиги которых носят просто какой-то легендарный характер и всегда высоко ценились в военном мире.

XVI

Колонизация Закубанья и внутренние расселения

В 1860 году было произведено существенное изменение в казачьих войсках на северном Кавказе. Взамен двух существовавших войск — Черноморского и Кавказского линейно-

го, были образованы также два новые войска — Кубанское и Терское, но при этом к первому войску отошла значительная часть бывшего Кавказского казачества, именно: Старая и Новая Линии. С образованием Кубанской области в нынешних ее границах колонизация края не только не приостановилась, а напротив, была ведена еще с большей энергией и поспешностью. Это был последний акт правительственной колонизации. В короткое время, среди самых неблагоприятных военных условий, предгорья Кубанской области были покрыты целой сетью казачьих станиц на значительном пространстве и в небывалом до того количестве. В сущности, колонизация этой местности была громаднейшим заключительным сражением, которым окончилась семидесятилетняя борьба кубанских казаков с кавказскими горцами. Горцы проиграли это сражение, но и казакам оно не легко далось. Одни из них должны были бросить насиженные, обогретье и обеспеченные места своих отцов и предков, чтобы идти в чужой край и насадить здесь новую жизнь под давлением непривычных естественных условий и непреодолимых трудностей; другим суждено полечь костями прежде, чем они успели не только начать насаждение этой новой жизни, но и даже стать сколько-нибудь прочно ногою на тех местах, которые вынужден был уступить им сложивший наконец оружие горец. Народ поэтически выразил этот вид колонизации в следующей песне:

Молодец девку исподманивал,
Исподманивал, подговаривал:
«Ты пойдем, девка,
К нам на Линию жить;
У нас да на Линии
Что Куржуп (Курджипс) да река
Вином протекла,
А река-то Лаба
Медом протекла;

По горам-то у нас, горам
Лежат камушки драгоценные,
Драгоценные, неоцененные».
— «Молодец! Девку не исподманывай!
Я сама там была
И сама-то видела,
Про все слышала:
Что Куржуп-то река
Кровью протекла,
А река-то Лаба
Горячей слезой,
По горам-то, горам
Лежат головы,
Все казацкие,
Молодецкие!»

Действительно, в описываемое время не только мужчины и молодцы, но и женщины, девушки, даже дети, одним словом, все население воочию видело, как под градом пуль и при потоках крови колонизовались предгорья Северного Кавказа.

Опираясь на опыт прошедшего, имевший место на Новой Линии, с одной стороны, и на военные требования, с другой, руководившие колонизацией Закубанья заняли и основали в течение 14 лет, под прикрытием военной силы, в связи с действиями военных отрядов, 83 пункта для крупных поселений. Колонизация началась с восточной стороны Кубанских предгорий и, попавши в крайне неумелые руки главного распорядителя графа Евдокимова, на первых же порах встретила серьезные препятствия со стороны того населения, которым предположено было колонизовать Закубанский край. С непростительной поспешностью, игнорируя хозяйственные соображения и расчеты, граф Евдокимов предположил первоначально переселить на Кубань шесть станиц из 5-й и 6-й бригад Кубанского казачьего войска и две из Черномории.

По этому проекту шесть первых станиц должны были сразу переселить из 1653 семейств всего населения 1397 семейств, т.е. почти 90 %, оставив временно на месте 256 семейств, а двум черноморским станицам предстояло дать 770 семейств. На новом местожительстве, среди враждебных народностей, эти поселенцы должны были образовать целых 17 станиц в неудобных местах и при непривычных естественных условиях. И все это имелось в виду совершить в течение года! Понятно, что такая невероятная ломка могла вконец разорить казаков, скопивших трудом и потом небольшие хозяйственные обзаведения на старом местожительстве. Застигнутые врасплох казаки, по обычаю русского народа, вошли с прошениями и ходатайствами по начальству. Граф Евдокимов настаивал на приведении в исполнение проектированных им мер. Дело обострилось и едва не разрешилось кровавой развязкой. Казаки не хотели слушать распоряжений начальства, и только благодаря личному участию Государя Императора Александра Николаевича неповиновение казаков не было поставлено им в вину и была изменена система колонизации. В конце концов графу Евдокимову пришлось самому же исправить собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизации Закубанского края целыми станицами по принуждению была заменена системой вызова охотников с определенным денежным вспомоществованием и порядком назначения станичными обществами известного количества своих членов по жребию.

Новые меры, по словам И.В. Бентковского, много потрудившегося над группировкой материалов о колонизации всей вообще Кубанской области, дали и новые результаты. В 1861 же году было поселено в два приема 1736 семейств в 11 станицах, расположенных в верховьях Кубани и ее главнейших притоков по направлению к г. Майкопу. В следующем 1862 году колонизация приняла еще более широкие размеры: в этом году было основано уже 28 станиц в разных

местах Закубанского края и в них водворено 4387 семейств переселенцев. В этом же году было утверждено положение о заселении предгорий западной части Северного Кавказа. Так как положением этим предоставлялось казакам-поселенцам, кроме известного денежного пособия и надела общинными землями, получение земель в частную собственность, то мера эта привлекла немало охотников, желавших поселиться в Закубанском крае, как из среды Кубанского казачества, так и из войск Донского, Оренбургского, Уральского и Терского. В числе других казаков переселились на Кубань и Азовские казаки, потомки тех самых запорожцев, которые бежали в Турцию в 1775 году при разрушении Запорожской Сечи, и которые в 1828 году ушли снова из Турции в Россию и были поселены в Екатеринославской губернии. Таким образом, в 1863 г. вновь было основано 20 станиц, с населением в 3541 семейство, и наконец в 1864 г. 17 станиц и 7 поселков, с населением в 4417 семейств. В течение же всего четырехлетнего периода было основано, следовательно, 83 крупных казачьих поселений и в них поселено 14 081 семейство.

Самое расположение станиц находилось, конечно, в тесной связи с военными соображениями. Руководившие колонизацией смотрели на закубанскую станицу прежде всего как на стратегический пункт, как на опорную точку при вытеснении горцев из самых крайних и неприступных уголков их местожительства. Поэтому одни из станиц, как Хамкетинская, Белореченская, Новодмитриевская, Абинская и пр., возникли на местах бывших уже здесь укреплений; при расположении других стратегическим соображениям часто отдавалось преимущество пред выгодами и расчетами экономическими. Точно так же и самый состав переселенцев, как нельзя более, соответствовал все тем же военным целям. Казаки и вообще служило-военные элементы составили подавляющее большинство. Так из общей массы пе-

реселенцев 58,9 % приходилось на долю Кубанских казаков, 25,3 % на долю казаков из других войск и отставных солдат и только 15,8 % на долю государственных крестьян и других сословий. Одним словом, и на тех условиях, среди которых производилась колонизация Закубанского края, и на расположении станиц, и на самом составе переселенцев одинаково лежало влияние военных требований. Экономические промахи и недосмотры при такой колонизации неизбежны. И действительно, как видно из исследований Е.Д. Фелицына, очень многие станицы, напр., Псеменская, Мингрельская, Навагинская, Тубинская, Хребтовая, Сохрайская и др. впоследствии были совсем снесены и расселены, другие и теперь еще испытывают серьезные экономические стеснения, явившиеся следствием военной колонизации.

Занятием западных предгорий Кавказа и оканчивается собственно колонизация Кубанской области в смысле расширения границ казачьей территории. Большинство сложивших оружие горцев эмигрировало в Турцию, принявшие русское подданство были переселены с предгорий на плоскости, ближе к Кубани. Казаки таким образом прочно укрепились на всех пунктах когда-то враждебного им края, и казачьи станицы обширнейшей сетью охватили всю Кубанскую область. Дальнейшее затем заселение края было исключительно делом расселения, результатом внутренней переработки и распределения наличных колонизационных элементов. Правда, приток переселенцев в Кубанскую область по-прежнему продолжался извне, в некоторые годы он принял даже необычайные размеры, но он не носил уже прежнего характера. Казачество как войско закрыло доступ в свою среду переселенцам. Оно само раздробилось на массу отдельных станичных общин, и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумеется, в тех случаях, когда она находила это нужным.

На первых порах этой внутренней колонизации следы общих административных мероприятий дают еще себя чувствовать казаку, некоторые станицы еще возникают по предначертанию и указаниям войскового начальства. Так, в 1865 и 1866 годах были основаны Славянская, Георгие-Афипская, Мингрельская, Троицкая, Анастасиевская и Курчанская станицы; в 1871 году Копанская и Ясенская. Места для этих станиц были избраны и назначены администрацией, а население взято из существовавших уже казачьих поселений, в которых оно особенно сильно возросло. С течением времени даже эта черта принудительного расселения теряется в казачьих общинах. Возникновение новых поселений и признание самостоятельности за возникшими уже в форме хуторов становятся делом инициативы и усмотрения станичных общин. Администрация только дает в таких случаях свою санкцию. Таким образом возникло несколько поселков на дополнительных станичных участках и на местах, занятых группами хуторов, как Албашский, Ахтарский, Широчанский, Черноерковский, Кармалинский и многие другие. Но в это же время в Кубанскую область начинается особенно сильный приток другого рода переселенцев, так называемых иногородних или, по выражению черноморцев, «городовиков», т.е. крестьян арендаторов и ремесленников, выселившихся в Кубанскую область из внутренних губерний России.

Примеры колонизации Кубанской области, помимо казачьих, другими элементами имели место еще до покорения Западного Кавказа, но это были лишь единичные и малозначащие попытки. Так в 1834 году возникло селение Армавир, населенное горскими армянами, и основаны в Черномории две немецкие колонии — Михельсталь и Александровская. Одновременно с занятием предгорий и непосредственно затем эти единичные попытки начинают принимать более общий характер. Греки, немцы, молдаване, болгары и русские крестьяне образовали в это время в разных местах несколько

крупных поселений. Таким образом возникли селения Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдаванское и Русское в Темрюкском уезде, колонии Александрфельдская, Розенфельдская и Эйнфельдская в Кавказском уезде, селения Богословское, Казьминское, Ольгинское и Успенское в Баталпашинском уезде и др. Тем не менее все эти неказачьи поселения дали относительно незначительную цифру переселенцев сравнительно с тем количеством их, которое приходится на долю иногородних или «городовиков». Этим последним суждено было внести в жизнь казачества более сильную экономическую струю, чем их счастливым предшественникам, и в некоторой степени видоизменить даже самый характер поселочных форм Кубанской области.

Особенно сильный приток иногородних в Кубанскую область начинается со времени издания в 1868 году закона, дозволившего лицам невойскового сословия приобретать в собственность усадебные строения на казачьих землях. Получив возможность жить оседло в Кубанской области, крестьяне преимущественно южнорусских губерний двинулись целыми тысячами на Кубань, и в течение последних 15 лет общее их количество в области возросло до 250 000 душ, что составит 25 % казачьего населения. Вся эта масса взялась главным образом за земледелие, арендуя войсковые, общинные и частные земли. Разместившись большей частью по станицам, изредка в поселках и хуторах, они образовали целые хуторские поселения собственно на землях частных владельцев. Часть переселенцев, кроме того, была принята станичными обществами в число своих членов (т.е. стали «приписными» казаками — а их дети уже казаками «природными». — *Прим. ред.*); в некоторых станицах, каковы глухие станицы Закубанья, продолжается прием и по сию пору.

Наконец, в период колонизации предгорий началось особенно усиленное выселение горцев из горных ущелий и трущоб ближе к берегам Кубани.

XVII

**Самоуправление и изменения
в обычных формах казачьего землевладения**

Соединение в 1860 году Черноморского войска с шестью бригадами бывшего Кавказского линейного войска (объединенное казачье войско получило название Кубанского. — *Прим. ред.*) не имело никакого влияния на изменения в станичном управлении составных частей. Каждая часть вошла в состав, как самостоятельное целое, и для Черноморского войска оставлено было в прежней силе положение 1842 года, а бывшие линейцы должны были руководиться положением 1845 года. Изменения коснулись лишь положения и прав наказного атамана. Прежде наказной атаман зависел от командующего войсками, который в свою очередь находился в подчинении у главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом. При образовании Кубанской и Терской областей положено было звание наказного атамана соединить с обязанностями начальника области и командующего войсками. Значит, положение наказного атамана сделалось более почетным и значительным. Вместе с тем поставлено было «из статей, составлявших доход бывшего Кавказского Линейного войска, те, которые находились в исключительном районе одного какого-либо полка или бригады (как например: желтенник, нефть, рыболовство при устьях Терека и т.п.) отчислить без разделения в то войско, куда поступает часть, которой эта статья присвоена или в районе которой находится. А войсковой капитал Терского (Кавказского Линейного? — *Прим. ред.*) войска положено было разделить между обеими — Кубанской и Терской частями, что и было произведено на основании распоряжения от 16 сентября 1861 года, по расчету 99 708 душ, отошедших в Кубанское войско, и 54 341 д. — в Терское».

Точно так же и при заселении Закубанья в станичном самоуправлении кубанских казаков не произошло никаких пе-

ремен. Вновь населенные станицы были разбиты на полки и бригады, а в делах управления определено было руководиться положением 1845 года о бывшем Кавказском Линейном войске.

Так шли дела до 1870 года, когда было издано «Положение об общественном управлении в казачьих войсках». Строго разграничив функции станичных обществ и станичных правлений, положение это совершенно выделило станичный суд, придав ему характер крестьянского волостного суда, и положило в основу станичных учреждений выборное начало. Таким образом, красная нить казачьего общинного самоуправления не порвалась в течение восьмидесятилетнего существования казачьих элементов, вошедших в состав Кубанской области, а привела в конце концов к практике нынешнего станичного самоуправления.

Но вместе с колонизацией Закубанья в 1862 году был издан особый акт — «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», акт, не коснувшийся юридических основ казачьего самоуправления, но сильно изменивший формы казачьего землевладения. В этом новом положении уже и помину нет о войсковой земле и вообще об определенной казачьей территории, как о коллективной собственности. В нем говорится лишь о «границах пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска», и затем каждое поселение рассматривается в земельном отношении как самостоятельное целое, как отдельная, независимая от других община. Каждая такая община должна была получить, одновременно с водворением поселения, «от 20 до 30 десятин на каждую душу мужского пола казачьего семейства и по 200 дес. на каждое офицерское семейство удобной и неудобной земли» в общем нераздельном юрте; но «из сего общего количества» назначалось от 5 до 10 дес. на семейство рядовых казаков-охотников (добровольцев. — *Прим. ред.*) и от

25 до 50 дес. на семейство офицеров, добровольно переселившихся, в частную, вечную и потомственную собственность.

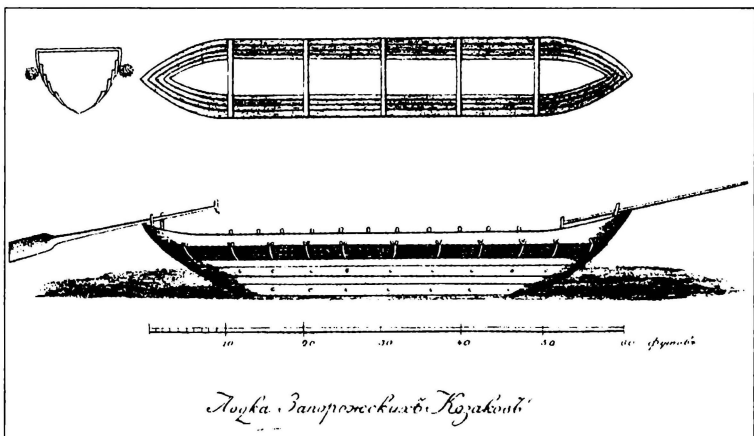
Таким образом, рядом с общинно-земельной собственностью в упомянутом положении вводится впервые в казачье землевладение институт частной земельной собственности. Правда, это частное землевладение носит по положению особый характер, подчинено известным ограничениям. Так, владельцы-охотники не имеют права ни отчуждать своих земель, ни передавать по наследству лицам неказачьего сословия, ни даже лично пользоваться на случай выхода из казачьего сословия; точно так же эти земли не могли быть проданы «на уплату долгов местам и лицам, не принадлежащим Кубанскому войску». Но такой характер они должны носить только «впредь до особого распоряжения».

В положении 1862 года «для развития промышленности дозволяется купцам, фабрикантам и другим промышленникам, с разрешения войскового правления, приобретать в станицах участки усадебной земли и строить торговые и фабричные заведения, с правом владения оными, как полную собственностью, но с уплатою войску и общинам так называемой посаженной платы». Несмотря на то что впоследствии законом 1868 года несколько изменен характер этого постановления, оно тем не менее и в измененном виде является существенным нововведением в обычные формы казачьего землевладения.

Наконец, в положении о заселении предгорий странным образом введены правила, изменяющие характер казачьего землевладения даже на старых местожительствах кубанских казаков. Так в параграфе 118 положения говорится: «Войсковые земли, оставшиеся свободными за наделом станиц и за удовлетворением общественных надобностей, указанных в положениях о бывших Черноморском и Линейных казачьих войсках, назначаются для продажи в частную собственность и для отдачи в оброчное содержание преимущественно лицам

Запорожская Сечь. Макет

Лодка Запорожскихъ Козаковъ

Лодка запорожскихъ казаков

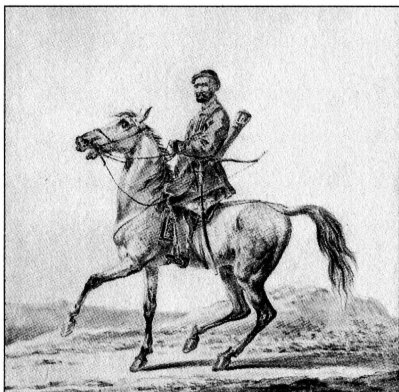
Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану. Фрагмент картины. Художник И. Репин

Прощайте, товарищи. Художник А. Монастырский

Черноморский казак

Черкес на коне

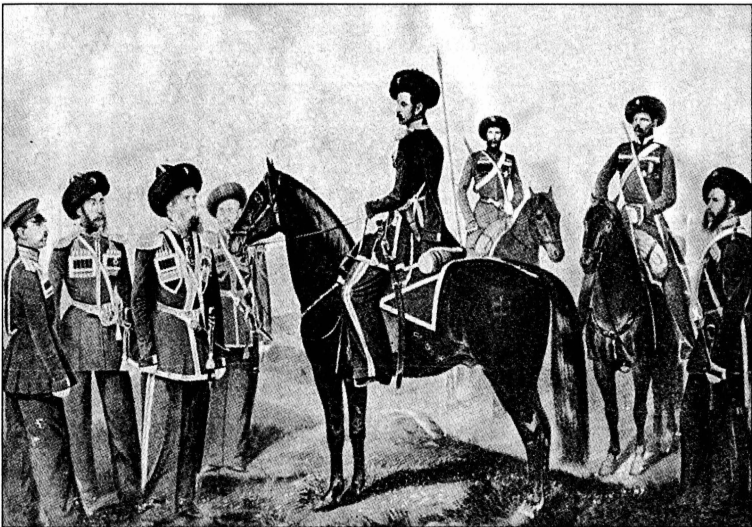
Черноморские пластуны

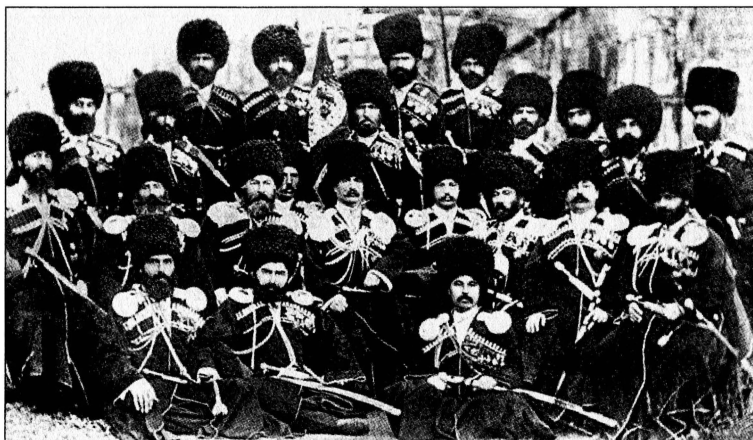
Черноморские пластуны в Шапсугском отряде

*Казак и урядник
Черноморского войска*

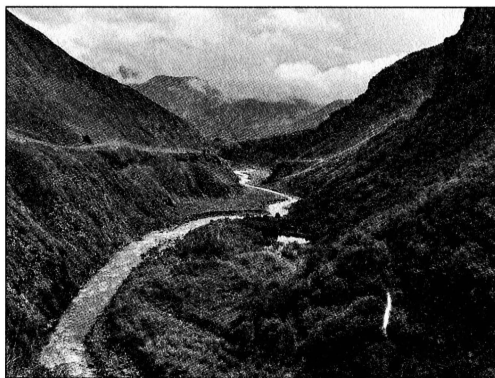
Формы лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона

Группа кавказских казачьих офицеров. 1860 г.

Терский казак

Река Терек

*Генерал-лейтенант
Н. Рудзевич,
наказной атаман
Кавказского линейного
казачьего войска.
1854 — 1860 гг.*

*Генерал-майор князь
Г. Эрстов, наказной
атаман Кавказского
линейного казачьего
войска. 1852—1855 гг.*

*Генерал-лейтенант
С. Николаев,
наказной атаман
Кавказского
казачьего линейного
войска.
1837—1848 гг.*

*Генерал-майор
П. Верзилин,
наказной атаман
Кавказского линейного
казачьего войска.
1832—1837 гг.*

*Протоиерей
К. Россинский*

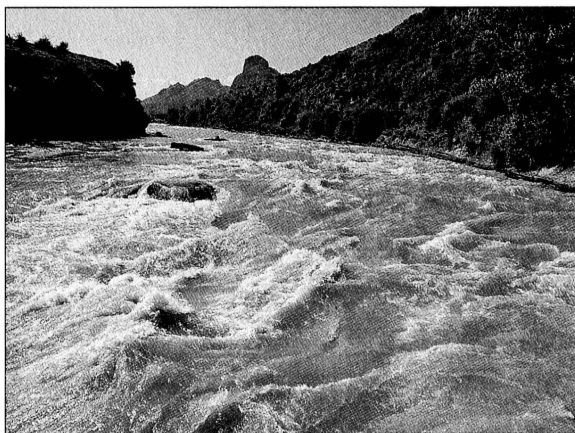

*Наиб Шамиля
Магомет-Амин,
действовавший
среди закубанских
горцев с 1848
по 1859 г.*

*Казачий офицер
с шашкой и
орденами Св. Анны
и Св. Владимира*

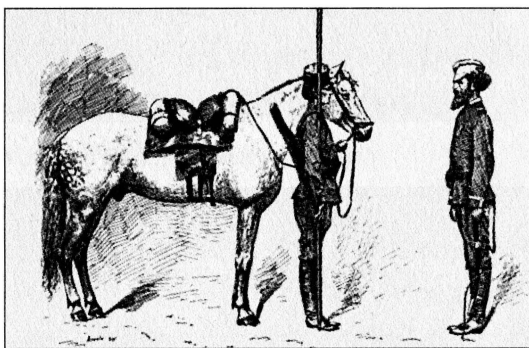

*Казачи терских и
кубанских казачьих
полков Сводной
Кавказской казачьей
дивизии*

Река Кубань

*Линейцы
на смотре*

Кубанский казак

Офицеры Кубанского казачьего войска

Кубанские казаки

*Войсковой старшина
Кубанского казачьего войска*

Кубанские казаки

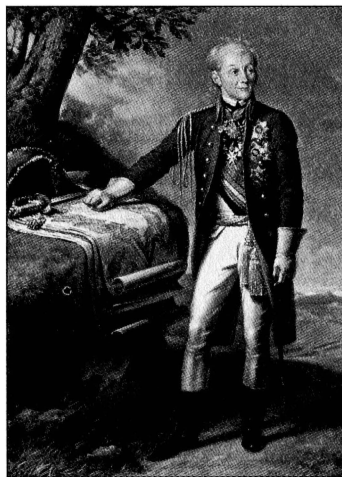
*Военная форма Кубанского
казачьего войска*

Генерал А. Ермолов

*Генерал-фельдмаршал
Г. Потемкин-Таврический*

Генералиссимус А. Суворов

*Казачий атаман
А. Головатый*

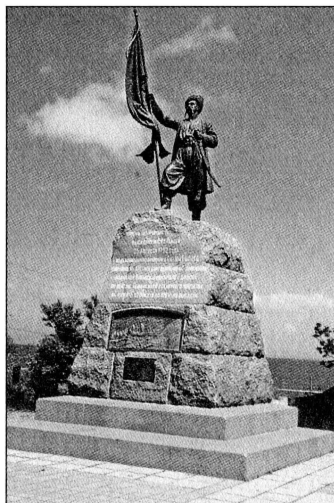
*Генерал-адъютант
В. Орлов-Денисов*

Генерал Я. Кухаренко

Кубанские казаки

Памятник казакам-запорожцам, высадившимся в Кубани

Герб Кубанского казачьего войска

казачьего сословия, а в случае недостатка их — и всех других сословий, с обращением вырученных денег в войсковой капитал Кубанского казачьего войска». Таким образом, этим параграфом в известных случаях признается, так сказать, неуместность для казачьего населения самого института войсковой земельной собственности, института, игравшего такую важную роль в историческом прошлом Кубанского казачества.

Итак, положением 1862 года вводятся следующие, весьма важные юридические изменения в обычные формы казачьего землевладения: 1) институт войсковой земельной собственности в одних случаях совершенно игнорируется, а в других упраздняется, как ненужный, 2) рядом с общинным землевладением вводится землевладение личное, потомственное и 3) в частности усадебная оседлость изымается из обычной общинной юрисдикции и подчиняется особому специальному закону, а все это вместе изменяет самый характер казачьего землевладения, как выразился он в обычном праве казака.

Последующим затем законодательством в одних случаях как бы несколько скрашиваются все эти нововведения, а в других к ним прибавляются новые, но основной смысл юридических изменений остается при этом один и тот же: замена войсковой собственности продолжается собственностью общинной и частной. Сюда нужно отнести закон 1868 и 1870 годов «О дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях», правила 1869 и 1870 годов «О поземельном устройстве станиц и о войсковых запасных землях» и положение 23 апреля 1870 года.

По первому из этих законов «во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия имеют право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода

строения, на общем основании, не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При сем земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска или же городского или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя, со взносом ежегодно в войсковые, городские или станичные суммы установленной посаженной платы». Таким лицам в станичных общинах «предоставляется право пользования общим выгоном для собственного их домашнего скота». С своей стороны лица эти должны нести повинности «постоянную, подводную, а также по исправному содержанию дорог, мостов и переправ». Таким образом, законом этим суживаются даже обычные в крестьянских общинах пределы общинной автономии в земельно-хозяйственном отношении. Община теряет право контроля над усадебной оседлостью и над пользованием общинными выгонами. В число членов общины с известными, ограниченными правами (участвовать в сходах по делам, касающихся этих лиц), могут произвольно, не спрашивая на это никакого согласия станичного общества, вступать лица, не принадлежавшие раньше к общине. Самая земля под усадьбами *de jure* считается общинной собственностью, а *de facto* носит уже характер частного владения, при условии «постоянного пользования».

В силу правил 1869 и 1870 годов, «земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность». Что же касается войсковой земельной собственности, то она признается только в форме так называемых войсковых запасных земель. Такие земли должны состоять «в непосредственном заведывании местных войсковых управлений. Они назначаются на дополнение станичных наделов до законенной пропорции и на разные войсковые надобности, опреде-

ленные особыми положениями». Но тут же, рядом с таким назначением остатков войсковой земельной собственности, делается общее неопределенное замечание о том, что «означенные земли могут получить и другое назначение или по представлениям главного местного начальства, с утверждения высшего правительства, или же по указаниям самого правительства». В этом случае, следовательно, если и нет такого категорического непризнания института войсковой земельной собственности, какое встречается в положении о заселении предгорий, то все-таки оказывается значительное изменение основных черт этого института: у войсковой собственности разом являются два хозяина и нет даже указания на третьего, которому всегда *de facto* принадлежала земля...

Последний законодательный акт — положение 1870 года, является тем общим основным законом, которым, вместе с положением о заселении предгорий, придается окончательный характер существующим формам казачьего землевладения в Кубанской области. По смыслу этого положения, все казачьи земли распадаются на три различные формы казачьей собственности: войсковую, общинную и частную. Там, где как на Черномории и Старой Линии, войсковая земельная собственность существовала в виде общей казачьей территории, она распалась на мелкоземельные общины, на долю которых пришлось таким образом наибольшее количество земли. Пожизненные офицерские наделы в таких общинах были затем обращены в частные, потомственные владения, а оставшиеся за разделом войсковые земли и угодья должны быть в общем нераздельном пользовании всего войска. Но так как («запасные». — *Прим. ред.*) войсковые земли не везде встречаются и так как даже встречающиеся их остатки должны с течением времени получить иное назначение, то важнейшими формами казачьего землевладения нужно, следовательно, считать общинные земли или «юрты» и частные владения или «участки».

XVIII

**Период внутреннего развития
Кубанского казачества**

В настоящее время, когда, в продолжение почти двадцатипятилетней мирной для казачьего населения жизни, борьба казаков с горцами забыта, когда гнетущая действительность этой борьбы потеряла свой острый характер, когда длинный мартиролог казачьих жертв давно уже занесен на бумаги, а самые бумаги погребены под архивной пылью, весьма трудно, конечно, представить всю тяжесть той исторической ноши, какую вынес на своих плечах кубанский казак. Отдельные черты казачьей боевой службы, отмеченные выше, слишком отрывочны и бледны, чтобы дать хоть приблизительное понятие о полной картине былой военной жизни казака. А за военной службой казака, за бесконечным рядом его столкновений с горцами шла ведь другая, мирная казачья жизнь, до которой хотя и доходили отголоски кровавой борьбы и мрачные вести о ее жертвах, но которая тем не менее обнимала всю сумму мелочей и требований обыденного человеческого существования. В то время, когда казаки «косили головы врагов» или в свою очередь жертвовали собою для блага родины, дома у них были жены, братья и сестры, старики и дети, которые хотели жить, должны были есть, стремились к счастью, находились хозяйства, требовавшие забот, зеленели и зрели поля, нуждавшиеся в рабочих руках. Все это, конечно, было, как и у других людей, а теперь уже и быльем поросло; но тогда действительность носила свой особый характер: старики были большей частью калеками и больными от ран и многотрудной службы, дети малы, молодежи недостаточно — и вся тяжесть мирной жизни ложилась на женщин. Казачка той поры представляла своего рода идеал человека, не падавшего духом под самыми жестокими ударами сурового казачьего рока. С вечной тревогой в сердце за жизнь

мужа, детей, братьев, служивших на линии, она, эта казачка, творила собственно экономический быт, вела хозяйство, по-коила стариков, руководила подростками, воспитывала детей и вообще заботилась об устройении того уютного уголка, который рисовался радужными и светлыми красками в мыслях казака среди военных бурь и треволнений. Прошлое молчит о том, чего ей все это стоило, каким количеством вздохов сопровождала она каждый свой шаг, сколько слез пролито ею при жизненных неудачах и затруднениях, какую бездну горечи и гнетущих мыслей вынесла ее многострадальная грудь! Казачка работала не покладая рук, брала в руки косу или серп, пахала и сеяла, «орудовала» топором, недосыпала часто ночей, имея при этом помощников в лице подростков и малолетних детей, которые хотя и не особенно много давали, но зато оживляли работы матери, придавали ей бодрости и одушевления. И когда жестокая война навеки разлучала ее с мужем, казачка опять-таки не падала духом и «билась из сил», пока «не становились на ноги» ее дети, будущие казаки и будущий предмет тревог для материнского сердца...

Но вот настала другая пора, на смену явились иные жизненные условия: горцы сложили оружие, подчинившись всем требованиям победителя. И — удивительное дело! — казак, не переставая быть казаком, сделался образцовым хозяином, точно между мечом и плугом для него не существовало никакой разницы.

Первым крупным последствием этого нового периода казачьей жизни были перемены экономические: шире пошло земледельческое хозяйство на Старой и Новой Линиях; обострившаяся борьба между хуторами и станицами в Черномории постепенно клонила на сторону последних, результатом чего опять-таки было упрочение земледельческого хозяйства. Изменились вообще формы производительности и увеличился вместе с тем средний достаток казачьей семьи. Прежде богатство было сосредоточено на хуторах, в последующее затем вре-

мя центр тяжести в этом отношении передвинулся в станицы. С особенной резкостью это явление обнаружилось в Черномории. Значительные хуторские табуны лошадей, стада рогатого скота и отары овец частью сильно, до неузнаваемости поределели, а частью совершенно перевелись, исчезли. Но зато в станицах общественные стада стали гуще и многочисленнее, рогатый скот и овцы распределились с большею равномерностью, между большим количеством хозяйств, и лишь разведение лошадей, с постепенным ослаблением степного хуторского хозяйства, всюду стало заметно ослабевать. Казаки вместе с тем начали хозяйственнее относиться к пользованию общинно-земельной собственностью. Появились ограничительные меры против царившего в этом отношении произвола. Местами были разграничены угодья — отделены пашни от сенокосов, установлены границы для выгонов; местами развитие земельных порядков пошло дальше — были определены дни для сенокосшения, количество косарей и пр., некоторые общины установили среднюю норму на двор пахотной земли, другие обложили скот сверх положенного количества налогами в пользу общественных сумм; местами, наконец, все эти посредствующие ограничительные порядки перешли в конечную свою форму — в дележ земли на паи, в распределение земли сообразно с потребностями и правами на надел со стороны отдельных хозяев. Одним словом, благодаря увеличению населения, привлечению к хозяйству большего количества рабочих рук, отвлекавшихся раньше военной службой, и вообще расширению производительности, земля получила большую ценность, стала нужнее для казака, а это в свою очередь вызвало все вышеупомянутые ограничительные порядки землепользования. Наконец, рука об руку с расширением земледельческой производительности, шло развитие сельскохозяйственных приемов и техники. Старинные плуги-сабаны заменились плугами новейшей конструкции, появились веялки, сортировки, жатвенные машины и молотилки, улучшилась обработка земли и обделка

зерна. Кубанские казаки сделали в этом отношении так много, как, быть может, трудно было даже предположить. Есть станицы, где усовершенствованный плуг встречается положительно в каждом дворе, ведущем земледельческое хозяйство, и при этом замечательно то обстоятельство, что плуг этот, очень близкий по конструкции к лучшим рансомовским плугам для тяжелых почв, но более (втрое) дешевый, представляет чисто местное усовершенствование. Такие орудия, как веялки и сортировки, насчитываются сотнями по станицам. В некоторых станицах Старой Линии конные молотилки приобретались почти половиной домохозяев. Позже конные молотилки были вытеснены паровыми, и есть станицы, напр., Новопокровская, Вознесенская и др., где паровые молотилки встречаются десятками. Меньшее, но все-таки широкое распространение, получили жатвенные машины. Вообще в области земледельческой техники казаки сделали замечательные успехи, хотя, надо заметить, и не без деятельного участия в этом отношении иногороднего неказачьего населения.

Отмеченные перемены имели, однако, место только в наиболее укрепших, раньше населенных частях области — в Черномории и на обеих Линиях. В большей части Закубанья экономическая жизнь не только не подвинулась вперед, а, наоборот, сделала значительный шаг назад. И это опять-таки весьма характерно и знаменательно для казачества. В станицах, наиболее удаленных в горы, казак перестал даже заниматься земледелием; в целом ряде других станиц земледелие да и вообще сельское хозяйство находится в жалком положении; скот и овцы, выведенные из равнин в горы, почти перевелись, и населению пришлось разводить местные породы; короче, казаки потеряли на новом местожительстве многое из того, что раньше имели и с чем перешли, и слово «закубанец» стало синонимом бедняка. И все это произошло здесь как раз в то время, когда в остальных частях Кубанской области развитие экономической жизни шло широким путем. Что же послужило в этом

отношении для закубанца тормозящей причиной? Очень многое. Во-первых, казак, привыкший вести хозяйство в равнинах, был поставлен в совершенно новые, непривычные естественные условия среди горной природы, обнаженных скал, каменистых скатов, обилия влаги и вообще чуждых почвенных и климатических особенностей. Во-вторых, уже сами по себе переселения были разорительны, а к этому затем прибавилось водворение переселенцев на местах, удобных не столько в хозяйственном, сколько в военном отношении. В-третьих, главная масса переселенцев состояла из бедняков с значительным процентом порочных членов. В-четвертых, наконец, то, в чем наиболее нуждался казак как переселенец и хозяин — свободное пользование земельной собственностью, было для закубанца запретным плодом с первых же шагов его экономической жизни в Закубанье. Несмотря на то что в положении о заселении предгорий немедленное наделение вновь поселенных станиц землей и обмежевание последней было поставлено первым условием заселения края, на деле это условие было совершенно забыто, и казаки в отношении землепользования очутились совершенно в неопределенном положении. Большая часть земли, долженствовавшей поступить им в надел, была под лесом, а между тем казак не имел права распорядиться десятком полен без разрешения лесного ведомства, сильно стеснявшего и обременявшего население. Таким образом, благодаря этим главным и массе других второстепенных причин, экономическая жизнь в Закубанье была стеснена и парализована в самом зародыше. Только в последние годы, с ослаблением указанных причин, этот край будущего начал проявлять признаки сильного экономического роста.

Больше однообразия оказалось в области изменений казачьей жизни в другом отношении. Всюду в казачестве одинаково интенсивно проявилось развитие умственных и вообще культурных потребностей. Школьное дело в это время сразу подвинулось вперед быстро и решительно. В 1863 году, т.е. в заклю-

чительный момент окончательного покорения Западного Кавказа, наказной атаман граф Сумароков-Эльстон в своем циркуляре приглашал лиц начальствующих и население позаботиться об открытии станичных школ, а к 1867 году, т.е. через четыре года, количество вновь открытых школ равнялось уже 100. К 1871 году общее количество станичных школ возросло до 179; с 1871 по 1880 год было прибавлено еще 72 школы; а к 1886 году в области считалось 296 учебных заведений, в том числе 1 классическая гимназия, 2 реальных училища, 1 учительская семинария, 2 женских гимназии, 1 женская прогимназия, 11 низших учебных заведений и 278 начальных народных училищ. В настоящее время в Кубанской области нет ни одной станицы или казачьего поселка, в которых не было бы школы, а в некоторых станицах существует уже по два и даже по три училища. Кроме того, повсеместно в области встречаются частные или домашние казачьи школы, а также обыкновение учить детей грамоте в одиночку, при помощи кого-либо из членов семьи. Если прибавить к этому, что, при поголовной военной службе, вновь поступающие на службу казаки обучаются грамоте в строю, то таким образом окажется, что кубанское казачество представляет редкий пример широкого развития грамотности в России. И действительно, на развитие и упрочение школьного дела было положено здесь немало забот и материальных затрат. Так, в 1872 году была открыта казачья учительская семинария, о чем раньше еще ходатайствовал наказной атаман граф Сумароков-Эльстон. С того же года были организованы учительские съезды при семинарии, повторявшиеся подряд четыре года и ознаменовавшие с правильным ведением школьного преподавания 76 лиц. Плохое состояние школьных помещений вызвало заботу о построении новых нормальных училищных зданий еще в 1872 году при наказном атамане генерал-лейтенанте Цакни. Но особенно много сделано было в этом отношении да и вообще по вопросу о материальной обстановке и средствах училищ следующим затем наказным атаманом генерал-лейтенантом Карма-

линым. С 1874 по 1880 год, благодаря заботливости Н.Н. Кармалина, было построено 136 образцовых училищных зданий стоимостью в $1\frac{1}{2}$ миллиона рублей. Дальнейшее развитие школьного дела продолжалось так же поступательно и безостановочно и при остальных атаманах — генерал-адъютанте С.А. Шереметеве и генерал-лейтенанте Г.А. Леонове. С своей стороны и станичные общества, в видах обеспечения школ постоянным источником доходов, отвели только с 1874 по 1880 год 81 училищный участок в количестве 20 863 десятин из «юртовых» (общинных) земель. В 1876 году был открыт войсковой книжный склад. В свою очередь население с каждым годом стало требовать все больше и больше книг, чтение вошло в привычку, грамота сделалась неотъемлемой принадлежностью казачьей жизни.

Таким образом, в короткое время кубанские казаки успели заявить себя так же исправно и ревностно при насаждении школьного образования, как заявили себя раньше на поприще военном.

Но школьным образованием не ограничилось дело. Изменения коснулись всего строя казачьей жизни: изменились семейный состав, отношения между членами семьи, взгляды на зависимость детей от родителей и женщин от мужчин, претерпели, наконец, изменения домашняя обстановка казака, вкусы, костюм и пр. И во всем этом несомненно выразилось культурное, прогрессивное развитие казачества; царившие до того семейный произвол и грубые нравы начали постепенно уступать место личной самостоятельности и более гуманным отношениям к женщине и детям; почти исчезло также принудительное заключение браков; вообще в семейном быту заметно стало развиваться личное начало, ярче стало обнаруживаться уважение к личности; на сходах начали деятельнее участвовать молодые хозяева, интерес к общественным вопросам возрос, сходы стали многочисленнее, а деятельность их шире и разностороннее. Развитие личных потребностей способство-

вало, в свою очередь, переменам в домашней обстановке. Так, весьма заметно усилилось потребление всяких вообще фабрикатов и лавочных товаров; сукна и полотна заменились более ценными фабричными произведениями; холщовую рубаху казак заменил ситцевой, плохой балахон, бешмет или черкеску — более дорогими и доброкачественными; женские костюмы также стали дороже и щеголеватее; в мебели появилось больше разнообразия и изящества; вошло в обыкновение покупать самовары, пить чай; стали заводить более дорогие и ценные экипажи — дроги на железных осях и дилижансы; постройки много выиграли по величине, удобствам и отделке; всюду чрезвычайно увеличилось количество лавок и пунктов для сбыта сырья и покупки фабрикатов; казак, одним словом, стал жить чище и удовлетворять свои потребности многостороннее, интенсивнее. В последние годы две железнодорожные линии — Ростово-Владикавказская и Новороссийская, связавши край с внутренней Россией, скоро дадут ему широкий выход в Черное море и уже теперь приложение этих путей весьма заметно повлияло на изменения экономического характера. Так, цены на земельную собственность в короткое время удвоились, арендная плата за землю возросла в такой же степени.

Но, как всюду и всегда, этот поступательный ход внутренней казачьей жизни не обошелся без отрицательных сторон и явлений. Жизнь — везде жизнь, и те, кто не желает знать ее уроков, делают величайшие из человеческих ошибок. Нет сомнения, что период внутреннего развития казачества, начавшийся с покорения Западного Кавказа, дал так много казаку, как трудно было предположить: общее экономическое благосостояние края повысилось в небывалой степени, казак зажил свободнее, шире и при полном отсутствии прежних лишений и тревог. Но когда стала осложняться эта новая жизнь, когда потребности казака пошли в глубину и ширь, когда богатая кубанская природа начала, в ответ на мирные хозяйственные занятия, сыпать свои дары направо и налево; тогда, в этот момент погони за обогаще-

нием, рука об руку с здоровыми жизненными началами стали развиваться худые привычки и инстинкты: рост экономический начал переходить в самую бесцеремонную и разнузданную наживу на счет природы и ее ближайшего хозяина — казака. Едва ли найдется, кроме Кубанской области, другой уголок в России, в котором получилось бы в столь короткое время такое густое и причудливое сплетение положительного с отрицательным. Лишь только Кубанский край освободился от военных бурь и треволнений, как на него начала постепенно надвигаться масса пришлого чуждого ему люда. Сам по себе этот факт, с точки зрения истории и науки, является признаком прогрессивной жизни. Так было везде, где жизнь двигалась вперед. Но беда в том, что появление в крае пришельцев внесло многочисленные затруднения как для коренного населения, так и для переселенцев. Масса, та масса, часть которой пролила так много крови за родную землю, а другая часть которой, в виде бедняков-переселенцев, принесла рабочие руки для возделыванья этой земли, осталась в проигрыше. В густых рядах пришлецов оказался значительный процент хищников во всевозможных видах, людей наживы, одинаково в конце концов опутавших и хозяина-казака, и переселенца-бедняка. Но это уже текущая действительность, рассмотрение которой выходит из рамок исторического очерка. Мы указываем на нее лишь потому, чтобы сказать, что, несмотря на несомненные экономические успехи и развитие внутренней жизни казачества в последние 20 лет, та же жизнь выдвинула целый ряд новых задач и требований. Разрешение этих задач и требований стоит на очереди. Ряд мероприятий, предпринятых войсковым начальным атаманом Кавказских казачьих войск князем М.А. Дондуковым-Корсаковым, при начальниках области генерал-адъютанте С.А. Шереметеве и генерал-лейтенанте Г.А. Леонове, и новое административное преобразование войска является уже актами текущей жизни Кубанского казачества.

Ф. Щербина

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Н.И. Костомаров. «Южная Русь и казачество», стран. 39 и 40. 2) Максимович. Собр. соч. т. I-й, стран. 837 и 838. 3) И.Д. Попко. «Черноморские казаки», стр. 78—82. 4) Там же, стр. 223—225. 5) Там же, стр. 242—244. 6) Короленко. «Черноморцы», стр. 153. 7) И.Д. Попко. «Истор. и биогр. очерки», стр. 99—101. 8) Там же, стр. 93—95. 9) И. Дебу. «О Кавказской линии», стр. 76. 10) И.Д. Попко. «Черноморские казаки», стр. 192—193. 11) Ап. Шпаковский. «Записки старого казака», гл. XIII, стр. 347. 12) Там же, стр. 118—119. 13) Там же, стр. 120. 14) Там же, стран. 124. 15) Там же. глав. XXXV, стр. 430. 16) Там же, стр. 432. 17) Там же, глав. XXIV, стр. 150—151.

Литература

Н.И. Костомаров. «Южная Русь и казачество». Максимович. Собрание сочинений, том I.
П.А. Кулиш. История воссоединения Руси, т. I и II.
Н. Маркевич. История Малороссии, том I—V.
А.А. Скальковский. История Новой Сечи, ч. I—III.
Н. Марковин. Очерк истории Запор. казачества, изд. 1878 г.
Г.Ф. Миллер. О малороссийском народе и Запорожцах. Чтен. в обществе истории и древностей, № 3.

В. Броневский. Описание Донской земли, ч. I—III.

А. Ригельман. История или повествование о донских казаках. Чтен. в общ. истории и древн., № 3 и 4.

Н. Краснов. Материалы для географии и статистики России. Земля войска Донского, изд. 1863 г.

Н. Краснов. Прошедшее и настоящее донских казаков. Военный сборник за 1882 г.

М. Хорошхин. Военно-статистический обзор казачьих войск. Военный сборник за 1881 г.

И.Д. Попко. Черноморские казаки.

Его же. Исторические и биографич. очерки.

А.М. Туренко. Исторические записки о войске Черноморском. Киев. Старина, № 3—6. За 1887 г.

И. Дебу. О Кавказ. линии и Черном. войске, изд. 1826 г.

Короленко. Черноморцы.

И.В. Бентковский. Матер. для истор. колон. Северн. Кавказа.

Кубанский Сборник. Т. I. 1883 г.

В. Потто. Кавказская война, т. I.

Ап. Шпаковский. Записки старого казака. Военный сборник за 1870 и 1871 г.

Ф. Щербина. 1) Беглые и крепостные в Черномории. 2) Колонизация Кубанской области и 3) Самоуправление Кубанск. казаков. Киевск. Старина за 1883 и 1884 г.

М. Хорошхин. Очерк казач. войск, изд. 1884 г.

А.А. Карасев и Х.И. Попов. Краткое историческое и статистическое описание войска Донского, изд. 1887 г.

Обзор Куб. обл. за 1886 г.

Е.Д. Фелицын. Краткий очерк населения Кубанской области. Известия Кавк. отд. геогр. общества, т. VIII.

Его же. Статистич. сведения о бывшем Черномор. войске.

КОШЕВЫЕ, ВОЙСКОВЫЕ И НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ бывших Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьего войск 1788—1888 гг.

Кубанское войско, образовавшееся из самостоятельных отраслей казачества, насчитывает в настоящую пору более двадцати атаманов, управлявших казаками в разное время. Старейшее по времени колонизации области — Черноморское войско имело следующих представителей: С.И. Белого, З.А. Чепегу, А.А. Головатого, Т.Т. Котляревского, Ф.Я. Бурсака, Г.К. Матвеева, А.Д. Бескровного, Н.С. Заводовского, Г.А. Рашпиля, Я.Г. Кухаренко, и, наконец, генералов, назначенных из среды не Черноморского казачества, Филипсона и Кусакова. Бывшее Кавказское линейное войско существовало самостоятельно при атаманах — П.С. Верзилине, С.С. Николаеве, Ф.А. Крюковском, Г.Р. Эристове и Н.А. Рудзевиче. Наконец, после преобразования двух упомянутых войск в одно Кубанское, с отчислением большей части Кавказского войска в Терскую область, в судьбах Кубанского казачества принимали деятельное участие в качестве его администраторов и вождей генерал Иванов, граф Сумароков-Эльстон, М.А. Цакни, Н.Н. Кармалин, С.А. Шереметев, Г.А. Леонов и князь М.А. Дондуков-Корсаков. Нижеследующие очерки представляют краткую характеристику служебной деятельности этих лиц, положивших свои труды и попечение на пользу казачества при постепенном его развитии и, поэтому, заслуживающих не только доброй памяти в среде казачества, но и знакомства с результатами их деятельности. Поучительные примеры сошедших со сцены деятелей должны служить лучшим наследием для потомства.

При составлении настоящих очерков, кроме официальных документов, находящихся в войсковом архиве Кубанского казачьего войска, составитель пользовался также на-

печатанными и частью неизданными трудами И.Д. Попко, А.М. Туренко, П.П. Короленко, Ф.А. Щербины, И.С. Кравцова, И.В. Бентковского, М.О. Поночовного и П.О. Кирилова. Несмотря на самые тщательные поиски, нам, к сожалению, не удалось отыскать портретов первых атаманов Черноморского войска до генерала Заводовского включительно и затем трех последующих атаманов — Филипсона, Кусакова и Иванова. По некоторым данным можно предполагать, что портретов первых атаманов не было вовсе.

Сидор Игнатьевич Белый

Первым Кошевым атаманом Черноморского войска был избран войсковой старшина Сидор Игнатьевич Белый. Судя по немногочисленным и отрывочным данным, сохранившимся в литературе, он принадлежал к числу видных и уважаемых старшин Запорожской Сечи.

В 1774 г., будучи войсковым есаулом, Белый во главе депутации казаков выехал в Петербург с ходатайством о защите прав и владений запорожцев и во время разорения Сечи генералом Текелием все еще находился в столице. Возможно, это и спасло будущего атамана от участи других запорожских старшин, оставшихся в Сечи и после отправленных в ссылку.

Первым делом вновь назначенного кошевого атамана было основание войскового коша близ устья р. Буга в урочище Василькове. Следуя в этом отношении запорожским традициям, Белый организовал кошевое управление на тех же началах, на каких оно существовало раньше у Запорожских казаков. Сечевые обычаи были еще у всех на памяти, а Белый к тому же был одним из ревностных сечевиков. Но казакам некогда было заботиться о внутреннем гражданском устройении своей общины. Войску и атаману предстояли нелегкие обязанности аванпостной службы в войне с тур-

ками. «Общественно с коша старшин», и «известному старшой службы товариществу», так приказывал Белый в своем ордере от 27 мая 1788 года, «явиться: конным в конницу полководца г. майора Чепеги», а пешим «в урочище Василькове на лиман в лодки». Кошевой атаман вместе с тем требовал, чтобы каждый, кому будет прочтен ордер, ответил: «будет или не будет в походе», дабы, «с возвратом ордера в кош», все могло быть взвешено «спокойным в коше всех старшин мнением». Так сказались традиции Запорожья даже в этом первом письменном документе первого атамана Черноморского войска.

Недолго, однако, пришлось руководить молодым казачеством Белому. 21 мая 1788 года турки пытались было атаковать казачий кош, открывши усиленную пальбу с судов, но безуспешно. Казаки, согласно распоряжению Белого, с своей стороны ограничились простым наблюдением за неприятельской флотилией, не могшей нанести существенного вреда кошу благодаря дальнему расстоянию коша от турецких судов. Вскоре потом Сидор Белый был назначен с казачьей флотилией в русскую эскадру под команду принца Нассау-Зиген. Согласно распоряжению принца, казаки 11 июля выдержали на своих мелких судах первый бой с турецкими кораблями. Несмотря на неравенство сил, казаки жестоко поразили турецкий флот, дерзко сцепившись с турецкими кораблями и храбро сражаясь в рукопашную с неприятелем на их бортах. Но эта славная битва была роковой для войска и атамана. Последний был смертельно ранен в бою и умер от ран.

Так закончил свою короткую служебную деятельность первый кошевой атаман Черноморского войска! История не сохранила ни портрета, ни сколько-нибудь обстоятельных материалов об этом казачьем вожде, но достаточно того, что

он был одним из деятельных виновников возникновения войска и почтен первым атаманом со стороны этого последнего, чтобы о нем с уважением и благодарностью вспоминали и современные казаки.

Захарий Алексеевич Чепега

армии бригадир, кошевой атаман войска верных казаков Черноморских с 3 июля 1778 года по 15 января 1797 года

З.А. Чепега был одним из тех запорожских старшин, которым вместе с Белым Черноморское войско было обязано своим возникновением. Геройская смерть Белого доставила звание кошевого атамана Чепега, пользовавшегося между казаками репутацией опытного и храброго воина. При Чепега Черноморское войско окончательно организовалось и окрепло. Под руководством Чепеги казаки устроились первоначально за Бугом, под командой этого атамана казачья конница выдержала целый ряд сражений и стычек с турками, под главенством того же Чепеги казаки основались затем в Черномории, т.е. в северо-западной части нынешней Кубанской области.

Во время второй турецкой войны, как видно из предыдущего очерка, Чепега командовал запорожской конницей. Эти обязанности остались за ним и тогда, когда он был избран казаками и назначен Потемкиным на место кошевого атамана. Командуя конницей, Чепега участвовал почти во всех сколько-нибудь важных сражениях, выказывая во всех случаях замечательную храбрость, опытность и распорядительность. Насколько ценились эти качества казачьего атамана, видно из того обстоятельства, что, при взятии Измаила, Суворов поручил Чепега вести на крепость вторую штурмовую колонну. В 1791 году Чепега разбил за Дунаем передовой турецкий отряд и уничтожил ханскую засаду на Бабадагской дороге. За эти и другие свои подвиги Чепега был в разное вре-

мя награжден орденами Св. Георгия III и IV кл., Св. Владимира III ст. и получил чин бригадира.

После турецкой войны, когда со смертью Потемкина для Черноморского войска снова настала пора невзгод, Чепега вместе с старшиною и казачеством решили переселиться на Кубань. Посланная с этой целью от войска депутация к Императрице Екатерине исхлопотала грамоту 1792 года на вновь пожалованные казачеству земли на р. Кубани. В том же 1792 году начинается переселение Черноморского войска на Кубань, при деятельном руководстве Чепеги и в особенности его главного помощника по устройению войска судьи Антона Головатого. Переселение черноморцев, не успевших укрепнуть экономически на прежнем местожительстве, не обошлось, понятно, без лишений и невзгод. Болезни и недостаток материальных средств так подействовали на некоторых казаков, что многие из них решились было возвратиться назад; но, благодаря личному примеру кошевого атамана и его умелым распоряжениям, недовольные мирились с своей участью и войско в полном составе поселилось на новой родине.

Не успели еще черноморцы устроиться сколько-нибудь сносно на своем новом местожительстве, как кошевой атаман с двумя полками был назначен в Польшу. 14 июня 1794 года полки выступили в поход, а 6 июля Чепега уже был в Петербурге, представлялся Государыне и удостоился приглашения к царскому столу. «Государыня, — по словам П. П. Короленько, — лаская старого и сурового воина, сама угощала его на обеде вином, виноградом и персиками». По прибытии в русскую армию Чепега с казаками был назначен главнокомандующим армией графом Суворовым в корпус генерал-поручика Дерфельдена. За участие в разных сражениях во время польской компании Чепега был произведен в чин генерала и получил кроме того орден Владимира II степ. за храбрость при штурме Праги.

Походом в Польшу Чепега закончил свою военную деятельность в русской армии. В конце 1795 года казаки возвратились из Польши домой. Следующий год прожил затем атаман в среде казачества, а 15 января 1797 года он умер вследствие старости и расстроеного походами и военными трудами здоровья.

О Чепега у черноморских казаков сохранилось больше воспоминаний, чем о его предшественнике Белом. По словам Короленко, ему рассказывали, что «Чепега был низкого роста, с широкими плечами, большим чубом и усами» и вообще представлял собой тип сурового запорожца. Он жил простой, незатейливой жизнью казака и умер в скромной хатке, выстроенной в дубовой роще, над р. Карасуном. Чепега умер холостяком, «сиромой». На предложение одного генерала, своего приятеля, жениться на его дочери, Чепега отвечал в письме: «благодарствую вам, пусть (ваша дочь) будет здорова и премноголетня», и затем распространился о походе в Польшу и о посещении им матери приятеля. Рассказывают также, что какой-то художник хотел снять портрет с Чепеги, но атаман отказался от этой чести, коротко заметивши: «тилько богив малюють».

Таким образом, З.А. Чепега по справедливости может быть назван «батьком» Черноморского казачества в казачьем смысле. Хотя первым кошевым и был Белый, но собственно при Чепега войско окрепло, организовалось и основалось на собственной земле. Правда, при устройении войска Чепега имел двух видных помощников в лице судьи Головатого и писаря Котляревского; но главный голос во всех делах все-таки был за атаманом, пользовавшимся к тому же широкой известностью опытного и храброго воина, а это особенно ценилось казачеством. Как бы в напоминание об этом нынешнему казачеству, Чепега оставил после себя заветный для казака подарок — золотую саблю, пожалованную ему Императрицей и хранящуюся и до сих пор в одной старинной казачьей семье.

Антон Андреевич Головатый

армии бригадир, войсковой судья и впоследствии кошевой атаман черноморского казачьего войска с 1757 по 29 января 1797 года

Кошевым атаманом Черноморского войска А.А. Головатый фактически собственно не был; смерть его похитила прежде, чем он успел получить весть об избрании и утверждении его атаманом. Но сорокалетняя служба в рядах казачества — сначала Запорожского, а затем Черноморского, положение уважаемого казачьего старшины и в особенности блестящая административная деятельность по устройению Черноморского казачества дают ему самое почтенное место на страницах истории этого казачества.

Антон Андреевич был сыном малороссийского казачьего старшины и учился в Киевской академии. Наскучила ли Головатому схоластическая наука, или же молодой бурсак-паннич слишком проникнулся царившими в его время идеалами вольной казачьей жизни, — но в одно время он бежал из бурсы в Запорожскую Сечь. Благодаря своему образованию, личной храбрости и природному уму, он сразу же здесь занял довольно видное место, и затем в течение сорока лет он нес неустанно казачью службу то в качестве воина, то администратора, выказывая в обоях случаях далеко незаурядные способности. Поступивши в Сечь в 1757 году, Головатый в 1762 году был избран уже куренным атаманом, т.е. чрез пять лет получил самое почетное место у запорожцев — звание, которое многими приобреталось лишь вместе с сединами на голове. В 1764 году в звании полкового старшины и во главе тысячного казачьего отряда он усмирял «ханово бунтовство» при р. Берде. С 1769 по 1773 год Головатый принимал деятельное участие в войне с турками и в частности при взятии крепостей Очаковской и Кинбургской. В 1774 году Антон Андреевич в качестве депутата вместе с Сидором Белым и др. хода-

тайствовал в Петербурге об упрочении прав Запорожского войска и владений за казаками, и так же, как Белый, быть может, благодаря простой случайности, не попал в ссылку в числе опальных старшин. Весть об уничтожении Сечи довела Головатого и Белого до такого отчаяния, что на возвратном пути из Петербурга они решились было покончить жизнь самоубийством; одумавшись, однако, они пришли к мысли о необходимости возрождения рассеянного казачества. С этих пор, можно сказать, Головатый с замечательной энергиею и ловкостью начинает приводить в исполнение свою заветную мысль.

Когда в 1780 году Потемкин прибыл в Новороссийский край, Головатый вместе с другими казачьими старшинами предложил князю услуги рассеянного казачества в качестве военной силы. Потемкин, в силу обстоятельств, воспользовался этим предложением впоследствии, при покорении Крыма в 1783 году. С согласия Потемкина Головатый набрал во время этой войны тысячную команду запорожцев. В 1787 году, узнавши о проезде Императрицы Екатерины по Екатеринославскому наместничеству, Головатый выхлопотал у Потемкина разрешение конвоировать Государыню. Воспользовавшись этим обстоятельством, Головатый вместе с Сидором Белым и др. запорожцами поднес, как об этом было сказано и выше, адрес Императрице, с выражением готовности запорожцев служить России. Результатом всего этого, как мы уже знаем из предыдущего, было образование Черноморского войска.

С 1787 по 1791 год, во время второй турецкой войны, Головатый, назначенный после смерти кошевого Белого командовать пешими казаками и казачьей флотилией, является одним из видных партизанских героев. Так, он принимал деятельное участие в том самом поражении турецкого флота, которое лишило казаков первого их кошевого атамана, в битве под Очаковом и пр. Особенно почетное место на страницах

военной истории Головатому дает взятие им с казаками сильно укрепленного острова Березани. За это дело моряк-запрожец был награжден офицерским орденом св. Георгия. Кроме того, вообще за храбрость и распорядительность Головатый был произведен в полковники и назначен командиром Черноморской гребной флотилии, участвовавшей во взятии Аккермана, Браилова и Измаила. При предварительном штурме последнего особенно отличился Головатый с казаками, участвуя в истреблении турецкого флота, находившегося под стенами крепости, причем было сожжено до 90 различных турецких судов.

Но главная заслуга Головатого пред казачеством состояла в постоянных заботах об упрочении войска. Головатый был одним из деятельных виновников возникновения этого войска; Головатому же более, чем кому-либо из казачьих старшин, войско обязано своим гражданским устройением, приобретением жалованных земель и организацией самоуправления. В этом отношении Головатый почти не имел себе соперников и, будучи войсковым судьей, т.е. первым помощником кошевого атамана, фактически был главным руководителем казачества на первых шагах его самостоятельной жизни в Кубанском крае. Вообще, ряд административных мероприятий и в особенности разных ходатайств Головатого по нуждам войска пред правительством характеризует этого судью-казака как очень умелого и довольно видного деятеля. Можно без преувеличения сказать, что ни одно начинание казаков в этом отношении не обошлось без деятельного и вместе руководящего влияния Головатого. Когда умер Потемкин-Таврический и войско, желая сохранить свою самостоятельность, задумало переселиться на Кубань, Головатый был поставлен во главе депутации, посланной с этой целью в Петербург. И войско не могло дать лучшего представителя по столь важному делу. Головатый успел выполнить свои поручения с такой точностью, что его инструкции почти дословно

вошли в жалованные грамоты. Ему много помогло в этом отношении знакомство с людьми сильными, хорошее знание вообще людей и такт, свойственный видным практическим деятелям, к числу которых он несомненно принадлежал. Разыгрывая роль простоватого необразованного казака в кругу екатерининских вельмож, приглашавших запорожца на свои вечера в качестве диковинки, Головатый одним дивил своим чудачеством, другим рассказывал казацкие анекдоты, третьих пытался растрогать и вызвать сочувствие к положению казачества пением песен и игрой на бандуре, у четвертых просто просил содействия. И вот, когда, благодаря всему этому, Головатому удалось, наконец, получить жалованные грамоты на землю и права Черноморского казачества, и когда по этому поводу Головатый был представлен Императрице, — к удивлению гордых вельмож, неотесанный казак-запорожец вдруг произнес пред Государыней блестящую по тому времени речь. Это, разумеется, только еще больше упрочило за Головатым репутацию замечательного казака в глазах его чиновных петербургских покровителей.

При водворении черноморцев на вновь пожалованных землях, при расселении их в крае куренями, при устройении Екатеринодара, при выработке основных начал и частных казачьего самоуправления и т.п., Головатому, без всякого сомнения, также принадлежала руководящая роль. По крайней мере в выработке так называемого «Порядка общественной пользы», основного юридического акта, которым санкционировались установившиеся в войске взаимоотношения, Головатый несомненно был главным творцом этого своеобразного документа, как об этом можно судить на основании некоторых обстоятельств и указаний. Во время пребывания кошевого атамана Чепеги в Польше, Головатый остался полным хозяином края в качестве войскового судьи, а это была самая горячая пора устройства Черноморского войска.

По возвращении Чепеги из Польши Головатый был назначен с двумя пешими полками в Персию. Командировка эта была последним актом продолжительной и многосторонней деятельности А.А. Головатого. 29 января 1797 года Антон Андреевич умер на 65 году жизни в чине бригадира и временным командиром Каспийской флотилии, вдали от родины. Пока достигла весть о смерти Головатого до Екатеринодара, казаки успели выбрать кошевым атаманом своего уважаемого судью. 21 марта 1797 года рескриптом Императора Павла А.А. Головатый, более месяца лежавший уже в могиле, был утвержден в этом звании. Таким образом был почтен уже после смерти званием кошевого атамана один из тех казачьих старшин, которому по справедливости должно было присвоено это звание и еще более почетное титуло «устроителя» Черноморского войска.

А.А. Головатый, как и два первые кошевые, не оставил после себя портрета. По словам П.П. Короленко, он видел у генеральши Зинченковой изображение Головатого, сделанное столь неумелою рукою, что изображение это не давало никакого представления о физиономии судьи. Головатый, как значится в старых архивных бумагах, был высокого роста, тучен, имел большую голову постоянно бритую, с толстым «оселедцем», и красное, рябоватое лицо с огромными усами. Наружность, по-видимому, не вполне гармонизировавшая с внутренними качествами ее обладателя. Головатый был не только замечательно умным и по своему времени очень образованным казаком, но весьма религиозным человеком и народным поэтом. Он был самым ревностным устройтелем церквей во вновь заселяемом крае и виновником образования своего казачьего духовенства. Он же передал в песнях те чувства, которые волновали черноморцев в несчастьях и при удаче, песни, ставшие с течением времени народными.

Тимофей Терентьевич Котляревский

генерал-майор, войсковой писарь, а впоследствии войсковой атаман черноморского казачьего войска с 2 июля 1790 года по 15 ноября 1799 года

В то время, когда Черноморское казачество оплакивало двойную потерю войска — смерть атамана Чепеги и судьи Головатого, умерших почти одновременно, один в Екатеринодаре, а другой на Персидской границе, — в Москве, в качестве старшего от войска представителя, на коронации Императора Павла находился войсковой писарь Т.Т. Котляревский. Положение главного старшины в войске как бы само собою открыло Котляревскому доступ к атаманской булаве. В уважение к этому положению и к личным качествам Котляревского, Император Павел назначил 27 июня 1797 года последнего войсковым атаманом. Таким образом, Котляревский был первым атаманом, избранным не казаками, а назначенным свыше. Порядок, навсегда затем установившийся в Черноморском войске.

Котляревский принадлежал к числу запорожцев последней Сечи, в которую он поступил в 1760 году. После уничтожения Запорожского Коша он служил на административных должностях и в 1777 году состоял в Самарском земском правлении. В 1783 году он был в распоряжении генерал-губернатора Азовской губернии Черткова. В продолжении Турецкой войны Котляревский участвовал наравне с другими казаками во всех важнейших сражениях русских войск с турецкими — при взятии Очакова, Гаджибея, Аккермана и Бендер, под Килией, при истреблении турецкого флота под Измаилом и при штурме этой крепости. За последнее дело он произведен был в чин подполковника. В 1791 году он сражался в рядах русской армии, нанеся несколько сильных поражений туркам за Дунаем. В 1794 году Котляревский был награжден орденом Владимира 4-й ст.

Неся военные обязанности, Т.Т. Котляревский в то же время состоял войсковым писарем. В это звание он был избран казаками еще за Бугом в 1789 году и утвержден князем Потемкиным 2 июля 1790 года. С этого времени и до 1797 года он бессменно служил войску в должности писаря, перешел в этом звании вместе с черноморцами из-за Буга на Кубань, был деятельным помощником Чепеги и Головатого и в том же звании явился представителем от войска на коронацию Императора Павла, которым, как об этом упомянуто выше, и был возведен в звание войскового атамана. Весьма возможно, что и без этого случайного обстоятельства Котляревский был бы избран самими черноморцами войсковым атаманом; но казачество, высоко ценившее свое традиционное право выбора атаманов, по-видимому, отнеслось несочувственно к назначению своего же старшины. По крайней мере это было поставлено на вид новому атаману казаками, возвратившимися с персидской границы и требовавшими от атамана удовлетворения некоторых своих претензий. Дело произошло следующим образом.

Так как возвратившимся из Персии казакам не было выдано их ближайшими начальниками жалованье, а казаки окончательно обеднели и многие не имели даже одежды, то в этих крутых обстоятельствах черноморцы, по своему старому казачьему обычаю, обратились к батьку-атаману с жалобами и просьбой о материальной помощи. Между тем Котляревский отказался помочь казакам, сославшись на то, что виновны в этом были не они, а их прежние начальники, да и принял вообще раздраженных просителей сурово, слишком по-начальнически. Это пришлось не по сердцу старым казакам, которые хорошо еще помнили сечевые порядки. Вспыхнул бунт; на дом атамана было сделано нападение и сам атаман избежал смерти только потому, что догадался вовремя скрыться от бунтовщиков; казаки потребовали выбора нового кошевого... Пока одумались взбунтовавшиеся черномор-

цы и решили отправить к Царю депутацию с жалобами на начальство и повинною в сделанном проступке, Котляревский лично отправился в Петербург, чтобы доложить Императору о случившемся. В результате явилось следствие и суд, хотя, впрочем, граф Марков, расследовавший дело, и нашел вину казаков маловажною, объяснивши все нетактичностью казачьего начальства.

По всей вероятности, недружелюбное отношение части рядового казачества к Котляревскому было причиною того обстоятельства, что атаман, отправившись в Петербург, долго потом не возвращался в войско. В это время горцы открыли враждебные действия против казаков и причинили им немало бед. Несмотря на это, Котляревский продолжал жить в Петербурге, и лишь на бумаге громил беспорядки, господствовавшие, по его мнению, в войске. В это же время Котляревский был произведен сначала в полковники, а затем в генерал-майоры. К чести войскового атамана нужно, однако, сказать, что, живя в Петербурге, он все время деятельно хлопотал о нуждах войска. Об этой деятельности Котляревского остался один весьма важный исторический документ, бросающий некоторый свет на отношения атамана в казачеству. По тону этого документа, написанного Котляревским в виде просьбы Государю, видно, что Котляревский не любил брататься с рядовой чернью, как это велось в Сечи; но что вместе с тем он прекрасно понимал основные начала казачьего самоуправления и необходимость гарантии этого последнего законодательным путем. Справедливо обвиняя своих предшественников в захватах войсковой земельной собственности, в стремлении подчинить общественные интересы своим личным выгодам, Котляревский в то же время просил Императора возвратить некоторые старинные права казачеству. По собственному объяснению атамана, он уничтожил беспорядки и злоупотребления, допущенные его предшественниками при пользовании землей, винной привилегией и пр., но вмес-

те с тем он находил нужным поддержать в казачьем самоуправлении сечевой строй...

Нет сомнения, что личность Т.Т. Котляревского как-то бледнеет и ступшевается за мощными фигурами трех первых атаманов; но письменные документы в то же время свидетельствуют, что, по своим воззрениям на внутреннее упорядочение войска, Тимофей Терентьевич несомненно принадлежал к разряду первостепенных, дальновидных и глубоко понимавших лучшие стороны казачьей жизни администраторов. Быть может, вся вина, ложащаяся на Котляревского в его столкновении с казаками, заключалась в том, что на его долю выпала печальная необходимость считаться с недовольными за грехи его предшественников и второстепенных старшин. Тимофея Терентьевича можно обвинить в суровости, сухости и гордости, но во всяком случае не в честолюбии чрезмерном или в отсутствии желания сделать лучшее с его точки зрения для войска. Это он засвидетельствовал последним актом своей атаманской деятельности: чувствуя себя старым и больным, он добровольно сложил с себя высокое звание войскового атамана.

Федор Яковлевич Бурсак

генерал-майор, войсковой атаман Черноморского казачьего войска с 22 декабря 1799 года по 1816 год

Ф.Я. Бурсак был назначен атаманом по указанию Котляревского, и это был бесспорно очень удачный выбор со стороны последнего. Бурсак еовмещал в себе все необходимые качества для того, чтобы быть полезным деятелем в войске: он был прекрасным офицером и разумным администратором.

По своему происхождению, как показывает и самое название, Бурсак принадлежал не к казачьему сословию; он был сыном священника. Но в этом поповиче несомненно жил сильный казачий дух. Поступивши в Запорожскую Сечь в

1764 году и сложивши с себя звание атамана в 1816 году, Бурсак прослужил таким образом казачеству 56 лет. В течение этого времени он успел пережить все то, что обрушилось в виде несчастья на Запорожье и милостей на Черноморское войско: был свидетелем разрушения Запорожской Сечи, участвовал в организации Черноморского войска, в войне с турками и, выполняя обязанности войскового атамана, нанеся целый ряд поражений беспокойным и вероломным соседям казаков — черкесам.

Свою военную подготовку, надо полагать, Бурсак получил во время двух турецких войн, в которых он участвовал. Так, с 1769 по 1774 год он находился между прочим в делах под Очаковым и Гаджибеем, а также при усмирении взбунтовавшихся крымских татар. Во время второй турецкой войны, в 1788 году, Бурсак участвовал во взятии урочища Аджигола и при штурме Очакова. В этом году он был произведен в поручики. В 1789 году Бурсак сражался в рядах армии, разбившей турецкие войска при Каушапах, и затем был при взятии Аккермана и Бендер; в 1790 году участвовал в деле под Килией и при штурме Измаила; в 1791 году — в поражении турецкой армии под Бабадагом и Мачином. В этом последнем году Бурсак получил чин капитана.

После перехода Черноморского войска из-за Буга на Кубань Ф.Я. Бурсак был избран в 1794 году казаками в должность войскового казначея и нес эти обязанности до 1799 года. В том же 1794 году Федор Яковлевич произведен был в майоры; в 1796 году командирован по делам войска в Петербург; в 1797 году, вместе с Котляревским в качестве войскового депутата присутствовал на коронации Императора Павла, а с 16 декабря того же года, по определению войскового правительства, состоял ассессором в комиссии военного суда. Наконец, Высочайшим рескриптом от 22 декабря 1799 года и согласно желанию своего предшественника, Ф.Я. Бурсак был назначен войсковым атаманом Черноморского казачьего войска.

Этот краткий перечень выдающихся черт из предшествующей жизни Бурсака дает уже некоторое представление о том, чего вправе было ожидать войско от нового атамана. Бурсак был одним из видных представителей последней Запорожской Сечи и попал в атаманы как раз в ту пору, когда войско нуждалось в энергичном и умелом военном начальнике. Черкесы в это время сильно беспокоили казаков и безнаказанно производили набеги на Черноморию, так как черноморцы с своей стороны не могли платить тем же своим беспокойным соседям и должны были испрашивать Высочайшее разрешение на каждую экспедицию против горцев. К тому же в интересах добрых отношений с Турцией, под покровительством которой состояли черкесы, русское правительство с крайней неохотой давало такие разрешения. Бурсак с первых же шагов своей атаманской службы стал энергично хлопотать у правительства о разрешении чинить военные реквизиции на собственных землях вероломных соседей и, добившись этого разрешения, навел впоследствии такую панику на горцев, что они тщательно старались избегать военных столкновений с казаками. Когда в 1800 году черкесы сделали нападение на так называемый Копыльский кордон, Бурсак, испросивши предварительно Высочайшее разрешение, в свою очередь перешел с казаками на земли черкесов, разбил последних и истребил несколько аулов. Это заставило на время присмиреть горцев. В 1802 году черкесы, пользуясь удобствами местности и малочисленностью казаков, захватили плывший из Бугаза в Екатеринодар по р. Кубани байдак с пушкой и 400 пуд. пороха, убивши при этом 2 офицеров и 14 казаков. Тогда Бурсак снова перешел с 6000 казаков на черкесские земли. Произошло несколько кровавых стычек; черкесы были разбиты, часть аулов их была разрушена, причем взято в плен 532 души, реквизирован весь скот и имущество. Черкесы волей-неволей должны были смириться. За эти дела с горцами Бурсак

был произведен в чин полковника, обеспечивши вместе с тем черноморское население от дерзких набегов черкесов. Но когда в 1807 году Турция объявила войну России, горцы, естественно, примкнули к войскам своей покровительницы. Вскоре несколько тысяч черкесов, перейдя кордонную линию, произвели нападение на Черноморию. Бурсак с своей стороны собрал под ружье все наличные силы войска и вызвал на границу льготные строевые части казаков. Перейдя через Кубань, казаки под предводительством своего атамана разбили сборища горцев и разорили их аулы. Это новое возмездие страшного для горцев атамана заставило их на время покинуть мысль о набеге на Черноморию, а сам победитель был произведен в чин генерал-майора Высочайшим приказом от 17 февраля 1808 года. Продолжая чинить военные реквизиции, Ф.Я. Бурсак в 1809 году с отрядом казаков разбил шапсугские полчища на собственных их землях и опустошил шапсугские аулы, в 1810. году поступил точно также с абадзехами, зимой того же 1810 года наказал натухайцев, а в январе 1811 года снова шапсугов. За все эти походы Бурсак получил в награду орден Св. Анны I степ. Несколько других походов в горы, совершенных затем Бурсаком с казаками, заставили горцев совершенно смириться пред казачьим оружием и силой.

При Бурсаке Черноморское войско, окрепшее и упрочившееся на пожалованных землях, благодаря целесообразным мерам своего энергичного атамана, получило новое подтверждение их казачьих прав в грамоте от 16 февраля 1801 года, пожалованной Императором Павлом вместе с большим знаменем и 14 прапорами, т.е. малыми знаменами. Такая же грамота с 6 знаменами для черноморских полков была пожалована потом войску Александром Благословенным 31 мая 1803 года. В 1805 году, по представлению генерала от инфантерии и кавалерии Розенберга, инспектировавшего Черноморское войско, уже лично Бурсак был награжден алмазным

крестом Св. Анны II ст. за образцовый порядок и благоустройство в войске и за успешные отражения горцев, а в мае месяце следующего года, по докладу генерал-лейтенанта Дюкде-Ришелье, осматривавшего войско, атаману было выражено Монаршее благоволение в особом рескрипте.

Успешно справляясь с горцами, Ф.Я. Бурсак относился с особенным вниманием и заботливостью к нуждам казачества. При этом атамане малочисленное войско было пополнено переселением в Черноморию малороссийских казаков. В то же время Ф.Я. деятельно заботился об образовании населения и развитии промышленности в крае. При Бурсаке, 14 декабря 1806 г., было открыто в Екатеринодаре первое училище для казачьих детей. Благодаря Бурсаку же, была заведена войсковая суконная фабрика и устроены конские и овчарные заводы.

Но, среди столь усиленной и полезной для края деятельности войскового атамана, годы брали свое. В 1815 году старик-атаман, желая сложить с себя многотрудные атаманские обязанности, просил Государя Александра Павловича уволить его в отставку, чтобы воспользоваться отдыхом на закате своих дней. Государь благосклонно принял просьбу и приказал атаману назначить себе преемника. Этим избранником Ф.Я. Бурсака оказался подполковник Матвеев.

Григорий Кондратьевич Матвеев

полковник, войсковой атаман Черноморского казачьего войска с 23 марта 1816 года по 30 сентября 1827 года

До назначения войсковым атаманом Г.К. Матвеев занимал должность неперменного члена войсковой канцелярии и состоял в чине подполковника. И по летам, и по служебным преимуществам он уступал многим из казачьих старшин, и поэтому его назначение атаманом было для казаков своего рода неожиданностью.

Существует указание, что Матвеев был крепостным графа Разумовского, от которого бежал к черноморцам во время второй турецкой войны. Здесь он, благодаря частью своим личным качествам, а частью благоприятно сложившимся обстоятельствам, скоро стал видным членом казачьего товарищества. В 1787 году он участвовал вместе с другими казаками в поражении турецкого флота под Очаковым, во взятии Березани и в штурме Очакова, в 1789 году — во взятии Бендер, в 1790 — в истреблении неприятельского флота под Измаилом и во взятии штурмом самого Измаила. В этом году Матвеев был произведен в полковые хорунжие, а в следующем 1791 году, за взятие батареи против Браилова, — в прапорщики. С переходом Черноморского войска на Кубань Матвеев попал в отряд Антона Головатого при походе в Персию, где и произведен был в есаулы. В 1807 году, во время турецкой войны, будущий атаман числился в составе Черноморского пешего сборного полка за Дунаем и, когда командир этого полка полковник Паливода был убит неприятелем, занял место своего начальника, будучи в это время уже войсковым старшиной. С этого времени судьба, по-видимому, стала особенно благоприятствовать Матвееву; он быстро получает награду за наградой: 22 мая 1810 года за храбрость при взятии Силистрии Матвеев награжден орденом св. Анны IV ст., 4 июня того же года он получил орден св. Георгия IV степ., храбро прорвавшись с казаками, под сильным неприятельским перекрестным огнем, с правого фланга армии на левый между Рушуком и Журжею, затем 2 июля, выказавши особую храбрость при поражении выше Рушука турецкой флотилии с десантом, он произведен был в подполковники, наконец, 26 августа награжден снова орденом св. Владимира IV степени за участие в поражении турецкой армии под местечком Батак. 22 августа 1816 года, после поражения турецкой флотилии под городом Ломпаланкой, Матвеев получил за храбрость орден св. Анны II степени. По окончании турецкой

войны Григорий Кондратьевич, сдавши полк, возвратился в Черноморию, где и занял должность неперменного члена войсковой канцелярии, пока не был назначен 12 марта 1816 года войсковым атаманом.

Однако последующие затем обстоятельства сложились далеко не в пользу Матвеева. Прежде всего черноморские старшины отнеслись недружелюбно к новому атаману и считали его назначение несправедливым. Существует два предположения. По одному из них, назначение атаманом Матвеева было делом каприза Бурсака, желавшего, как говорится, «насолить» своим недругам — казачьей аристократии; по второму, более вероятному, Бурсак наметил Матвеева в числе двух других кандидатов, но Матвеев был утвержден атаманом, благодаря покровительству графа Ланжерона, которому он спас жизнь в одном из сражений во время турецкой войны. Как бы там ни было, а в среде чиновных казаков Матвеев не пользовался популярностью. Так как при этом и внешние обстоятельства сложились далеко не в пользу нового атамана, то все беды, постигшие в эту пору черноморское казачество, черноморские паны относили на счет неумелости и слабости атаманского режима. Действительно, период управления войском Матвеева был наиболее богат набегами горских племен на Черноморию. Так, в 1818 году горцы ограбили Копанскую почтовую станцию. Матвеев усилил кордонную линию, но недостаточно, и горцы стали производить набег за набегом на Черноморию. Пока Матвеев ждал помощи от графа Ланжерона, которого он просил прислать часть регулярных войск, и не предпринимал ничего решительного, черкесы разоряли край, грабили имущество, убивали население и уводили в плен. Народ стал роптать. Дело кончилось тем, что в Черноморию было прислано особое лицо — генерал-майор Власов, которому был подчинен Матвеев и который впоследствии своими поражениями черкесов снова заставил смириться их пред русским оружием.

Таким образом, в то время, когда Г.К. Матвеев достиг самого высокого положения, судьба как бы нарочно отвернулась от него, чтобы еще более осложнить его жизнь, богатую случайностями и приключениями. П.П. Короленко, со слов одного старого и уважаемого черноморца-офицера, хорошо знавшего Матвеева, передает очень любопытные подробности из прошлого этого атамана. Когда Матвеев стоял с полком черноморцев на Пруте, рядом с казаками был расположен драгунский эскадрон. Один из офицеров, состоявших в полку Матвеева, обратил внимание на поразительное сходство, замеченное им между своим начальником и молодым унтер-офицером соседнего эскадрона. Офицер полюбопытствовал узнать, откуда был родом унтер-офицер. Последний рассказал ему, что его фамилия Матвеев, что он бывший крестьянин графа Разумовского, что у него был старший брат Григорий, служивший лакеем у графа и убежавший куда-то, и что, благодаря этому обстоятельству, его семья и в особенности мать много вынесли горя от графа. Вскоре после этого разговора командир полка праздновал день своего рождения. И вот когда общество было навеселе, упомянутый офицер, выпивая чарку «горилки» за командира, обратился к последнему с предложением преподнести ему такой подарок, который и во сне командиру не снился. Присутствовавшие и Матвеев были живо заинтересованы таким предложением. Тогда офицер ввел в палатку драгунского унтер-офицера и сказал своему командиру: «Цилуй, батьку, Грицьку, цего молодця, бо це твий брат!»... Все были поражены таким оборотом дела, а братья просто остолбенели. Командир не выдержал и заплакал, обнимая родного брата... На другой день была жаркая перестрелка между турками и русскими войсками, и молодой унтер-офицер был произведен за отличие в корнеты... В то время, когда Г.К. Матвеев состоял уже войсковым атаманом, мать его была еще жива. Напрасно

Матвеев предлагал графине Разумовской крупный выкуп за старуху; озлобленная графиня не согласилась на выкуп и мать умерла крепостной крестьянкой...

Такова-то была судьба графского лакея. Несомненно, что это был не баловень только фортуны и что не одно слепое счастье покровительствовало ему при достижении того положения, которое он занял в Черноморском войске. Матвеев был если и не выдающимся лицом в войске, то во всяком случае человеком не без ума и не без личных качеств, характеризующих его как деятеля честного и преданного интересам казачества. В военных действиях он отличался храбростью и беззаветной отвагой, на поприще атаманской деятельности мягкостью, которая ставилась ему в вину современниками, и постоянной готовностью помочь младшему брату-казаку. Когда в 1820 году в Черноморию было переселено 25 тысяч малороссийских казаков, Матвеев принял самое горячее участие в судьбе переселенцев, оказал помощь из войсковых средств, делал добровольные подписки между коренным населением, жертвовал собственные средства и т.д. История сохранила, кроме того, один очень интересный поступок Матвеева, указывающий на то, что при случае этот мягкий, добродушный и податливый человек мог быть очень стойким и решительным. Так, когда в 1817 году великий князь Михаил Павлович, посетивши Черноморию, пожелал видеть горцев и когда эти последние стали приглашать князя в гости к себе за Кубань, на что и получили согласие августейшего посетителя, то Матвеев смело и решительно заявил, что он не позволит Его Высочеству ехать к такому вероломному народу, как черкесы, так как на нем лежит ответственность пред Государем за жизнь и спокойствие Великого князя. Михаил Павлович вспылил, но, убежденный доводами графа Ланжерона, подчинился решению непреклонного атамана...

Г.К. Матвеев умер в 1827 году атаманом.

Алексей Данилович Бескровный

генерал-майор, войсковой атаман Черноморского казачьего войска с 30 сентября 1827 года по 11 ноября 1830 года

Алексей Данилович Бескровный резко выделялся между всеми черноморскими атаманами по своим военным способностям. На службу он поступил казаком в 1800 году. Обладая необыкновенной физической силой, ловкостью, редкой храбростью и пронизательным умом, Алексей Данилович в своей 28-летней боевой жизни участвовал в 13 кампаниях и в 100 сражениях; вот перечень его военных подвигов. В 1802 г. Бескровный участвовал в походах против закубанских горцев и в сражении с ними на р. Плезес. В 1803 г. произведен в сотенные есаулы; в 1804 г. находился на р.р. Абин, Афипис, Абук; в 1807 г. — во владениях натхокаджей, на р.р. Хос, Хаток, Кеиф, Табинс, Суга, Чукунс, Кудако, Агальте, Гасипс, Земес, Тавгоши и Карвинды. В 1808 г. произведен в хорунжие. В 1810 году февраля 18 участвовал в делах на р.р. Суп и Кудако, а 11 марта на р. Ильедерк, где ранен пулей в левое плечо навывлет, с повреждением костей; за оказанную здесь храбрость Бескровный удостоился получить Монаршее благоволение. С 16 декабря по 29 января 1811 г. он находился в сражениях на речках: Антхире, Богундыре, Абин, Кеиф, Пиет, Адагум, Пшепс, Завкиж, Хабль, Азипс и Иль, и за храбрость, выказанную в бывших здесь делах с горцами, снова получил Монаршее благоволение. При поступлении в лейб-гвардейскую Черноморскую сотню во всю прошедшую французскую кампанию Бескровный был в следующих сражениях: 26 августа 1812 г. в генеральном под Бородино на правом фланге сражении; при атаке здесь неприятеля под Бескровным была убита картечью лошадь и сам от картечи получил контузию в левую ногу, но тем не менее взял в плен кавалерийского полковника, артиллерийского офицера и 9 человек нижних чинов, почему за отличие был представлен генерал-адъютантом

графом Орловым-Денисовым в следующий чин; 28 августа Алексей Данилович участвовал в деле при отступлении русских от Можайска к Москве, препятствуя неприятелю занять выгодную позицию; затем был выслан с черноморской сотней в цепь стрелков и удерживал стремление неприятельских стрелков от 3 до 7 часов пополудни. За оказанную здесь отличную храбрость и за все бывшие прежде сего авангардные дела Бескровный был награжден, по представлению графа Орлова-Денисова, золотой саблей с надписью за храбрость. Далее в отряде под командой генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова Бескровный был отряжен авангардным командиром с командуемой им тогда черноморской гвардейской сотней, разбил неприятельский отряд, занимавший г. Юрсбург; причем взял в плен двух штаб-офицеров, 3 обер-офицеров и 270 нижних чинов, отбил 5000 четв. овса и разного хлеба и французские бараки; декабря 4 послан был открыть движение корпуса маршала Макдональда, разбил передовой отряд неприятеля, взял в плен двух обер-офицеров, 116 нижних чинов и отбил заготовленный для войск французских магазин, за что был представлен генерал-адъютантом Голенищевым-Кутузовым в чин сотника, а в 1813 г. переименован в поручики. С января по 1 сентября 1813 г., состоя в конвое Его Императорского Величества, Бескровный участвовал мая 8 и 9 в сражениях под Бауценом. Потом прикомандирован к черноморскому полку, состоявшему в корпусе генерала от кавалерии графа Платова, с которым находился в сражениях: 16 сентября при полном поражении неприятельского корпуса у г. Альтербурга; 22 — при отражении неприятельского наступления на г. Хемниц; октября 4, будучи в генеральном сражении под г. Лейпцигом, Бескровный ранен при атаке неприятельской кавалерии пистолетной пулей в грудь навывлет с повреждением ребер.

На левом берегу Рейна, состоя в корпусе генерала Платова, Бескровный участвовал в сражениях: 30 декабря при Эпе-

нале и при следовании до Шарма, 1814 г. января 23 — при Сансе, 25 января — при Вильневрета; 3 февраля — при взятии штурмом Немура; 7 февраля — у деревни Суп; 9 февраля — при Вильневрета; 22 февраля — при взятии Арсиса и Седана; 2 марта — при разбитии неприятельской кавалерии у Седана; 6 марта при г. Фершампенуазе; 7 и 8 марта — при г. Арсисе; 17 марта — при Провене; 23 и 24 марта — при занятии штурмом Омельона. Во всех этих делах Бескровный служил примером для нижних чинов, за что получил орден Св. Владимира с бантом. В 1816 г. произведен в штаб-ротмистры, а в 1817 — в ротмистры. Впоследствии в 1818 году по представлению графа Платова, за оказанную храбрость в деле 26 августа 1812 г. под Бородином Бескровный Всемилоствие пожалован чином полковника. В 1822 г. февраля 3 находился в отряде за Кубанью, под командой генерал-майора Власова, у р.р. Пшециз, Кук и Бугундырь, где закубанские хищники были примерно наказаны, причем взято у них до 700 голов рогатого скота и 400 овец. В 1823 г. марта 4 участвовал в экспедиции против горцев на р. Тихенькой, где неприятель был совершенно разбит, а жилища сожжены, причем взято в плен 143 пленных обоего пола. В награду за отличное усердие к службе Император, по представлению генерала от инфантерии Ермолова, пожаловал Бескровному пять тысяч рублей, а за отличную храбрость, оказанную при неоднократных сражениях с закубанскими горцами, 4 марта 1823 года наградил бриллиантовым перстнем в тысячу рублей. Командуя 9 черноморским казачьим конным полком в 1821 г., Бескровный содержал пограничный караул в 3 части черноморского кордона. Командуя отрядами, занимавшимися в зимы 1822 и 1823 годов рубкой леса на левом берегу р. Кубани для жилищ новых переселенцев, водворявшихся на земле Черноморского войска, он отражал с поражениями нападения на отряд закубанцев. С 30 мая по 3 октября 1823 г. был с черноморским 3 конным полком на границе царства

Польского, по 18 ноября 1826 г. на границе Пруссии, а в 1827 г. марта 21 возвратился в войско Черноморское. За отличное усердие по службе по представлению Наследника Цесаревича Бескровный был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. 22 августа 1826 г. С 22 августа 1827 г. он командовал всем черноморским кордоном и исправлял должность командующего в войске. Наконец, Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, Алексей Данилович был назначен войсковым атаманом с 27 сентября 1827 г., а приказом от 2 октября того же года, по случаю назначения, по Высочайшему повелению, Августейшим атаманом всех казачьих войск Наследника Цесаревича Александра Николаевича, переименован из войскового в наказные атаманы.

Бескровный вступил в управление краем в мирное время с черкесами, но при войне России с Персией и Турцией в 1827, 1828 и 1829 г. Горцы вновь стали во враждебные отношения к русским. В 1828 г. Бескровный, приняв начальство над Таманским отрядом, действовал под Анапой. 28 апреля, ночью, переправясь через Бугазский пролив, с несколькими казаками, он внезапно напал на турок и черкесов, наблюдавших с противоположной стороны за движением наших войск, взял 12 человек в плен с оружием в руках; 29 апреля, расположив на Бугазской косе секретные караулы, он поймал еще 4 турок, посланных неприятелем из Анапы ко взятым накануне товарищам за вестями о движении наших войск. Чтобы предупредить занятие неприятелем Бугазской косы и Джимитейских высот, что могло препятствовать переправе наших войск, Бескровный с авангардом из 650 ч. пехоты и кавалерии с четырьмя орудиями поспешил переправиться через Бугазский пролив, 30 апреля он занял высоты и, устроив редут, открыл беспрепятственный проход нашим войскам чрез узкую Джимитейскую косу. С 3 мая по 12 июня Бескровный был при осаде крепости Анапы, под начальством командира осадных войск генерал-адъютанта вице-адмирала князя

Меньшикова. Со дня осады по день сдачи крепости, кроме командования Таманским отрядом, Алексей Данилович заведовал передовой цепью и лично наблюдал день и ночь за успешным производством осадных работ, участвуя 3, 4, 5 и 6 мая в сражениях с турками, делавшими вылазки, и черкесами, нападавшими на лагерь и передовую цепь, причем 6 числа, во время сильного натиска неприятеля, усилившегося сбить стрелков, под Бескровным была ранена лошадь; 9 мая Бескровный принимал участие в перестрелке с черкесами; 12 мая, после предварительной сильнейшей перестрелки с черкесами, атаковавшими левый фланг лагеря с частью турок и полевым орудием, он разбил этот отряд; 14 мая, ночью, без выстрелов Бескровный с казаками напал на турецкие шанцы, переколот находившихся там турок и 14 человек взял в плен; 17 мая участвовал в жарком сражении с черкесами, нападавшими в значительных силах на передовую цепь, и турками, делавшими вылазки из крепости. 18 мая в сражении с черкесами и турками, делавшими вылазку с полевыми орудиями, отбил полевое орудие с лошадьми; 19 мая выбил турок из окопов и занял последние; 20 мая был в перестрелке с черкесами; 28 мая отразил многочисленную партию горцев под предводительством главных их князей и дворян. В жарком сражении с турецким гарнизоном, сделавшим из крепости вылазку в числе 1500 ч. с полевым орудием, несмотря на то, что турки действовали под прикрытием выстрелов из крепостных орудий, Бескровный с 310 человеками регулярной пехоты и казаков отрезал их от крепости и, под перекрестным огнем, стремительно бросился на них с холодным оружием в руках, сбросил с высокого утеса на морской берег, где более 700 человек остались на месте убитыми и ранеными; причем отбиты полевое орудие и зарядный ящик с снарядами и лошадьми. 29 июня Бескровный отразил черкес, нападавших на передовую цепь, перешел за Кубань и сжег их жилища; 30 мая производил поиски неприятеля по горам; 1 и 2 июня —

находился в перестрелке с черкесами, нападавшими на передовую цепь; 4 июня, наблюдая за производством осадных работ, ранен картечью в кисть левой руки. За отличную храбрость во всех этих делах и благоразумные распоряжения Алексей Данилович был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Георгия 4 класса. С 9 августа 1828 г. Бескровный сделал затем еще две экспедиции в земли натухайцев, причем сжег 6 аулов, взял в плен 23 черкеса и захватил много рогатого скота и овец.

Таковы были те военные деяния А.Д. Бескровного, которые по справедливости давали ему полное право на положение, занятое им в рядах черноморской казачьей старшины в качестве войскового атамана. Недолго, однако, пришлось Бескровному занимать это заслуженное им положение. Не братаясь с казачьей старшиной и строго преследуя виновных по службе в беспорядках и злоупотреблениях казачьих офицеров, Алексей Данилович вызвал тем самым вражду в среде казачьей старшины. Количество его врагов постоянно росло, а вместе с тем росло и желание вооружить чем-нибудь начальство против гордого и строгого атамана. Враги в этом случае избрали то самое средство, которое применял Бескровный к виновной старшине на первых порах своей атаманской деятельности. В 1830 году, во время проезда и инспекции войск графом Паскевичем, недовольные на атамана черноморцы обвинили последнего во взяточничестве пред главнокомандующим, причем фактической подкладкой послужило обыкновение черноморцев ларить при попойках друг друга скотом и др. подарками, каковым обычаем не пренебрегал и Бескровный, человек богатый и сам никогда не жалевший средств на подарки и угощения. Козни недовольных дали желательные результаты. Бескровный был удален Паскевичем от должности наказного атамана. Вскоре затем больной и нравственно измученный казачий генерал и совсем расстался с жизнью; но умирая, он в пос-

ледний раз дал своим врагам пример достойный подражания: все свое имущество Алексей Данилович завещал на церкви и на богадельню в пользу бедных.

Николай Степанович Заводовский

генерал от кавалерии, наказной атаман Черноморского казачьего войска и командовавший войсками на Кавказской линии и в Черномории с 11 ноября 1830 года по 9 ноября 1853 года

Как и предшествующий атаман, Н.С. Заводовский был по преимуществу боевым генералом, военным деятелем, вся служебная деятельность которого протекла в походах, войнах и сражениях с неприятелем.

Заводовский родился в 1789 году, а в 1800 году, двенадцати лет от роду, поступил уже на службу казаком; в 1812 году он произведен был в первый офицерский чин, в том же году — в сотники, в 1813 году — в поручики; в 1817 — штаб-ротмистры, в 1818 году — в ротмистры, в 1819 году — в чин полконника, в 1828 году в генерал-майоры, в 1840 году в генерал-лейтенанты и, наконец, в 1852 году в генералы от кавалерии.

Само собой понятно, что это постепенное восхождение по служебной лестнице генерала Заводовского было плодом его личных усилий и служебных отличий. Николай Степанович прошел в этом отношении многотрудную школу, будучи участником во всех войнах с 1812 года. Так, в 1800, 1807 и 1810 годах он был в походах и делах против горцев; во время отечественной войны в 1812 году участвовал между прочим в сражениях при Троках, под Вильной, при корчме Соре, при Повиверках, при Кочержисках, при деревне Свече, у местечка Башинкевич, при Двине, под Витебском, при Тарутине, под Дрезденом и под Кульмом. Находясь всегда в передовых рядах армии, Заводовский два раза был ранен ружейными пулями в левую руку. В 1828 году, во время турецкой войны, Заводовский командовал черноморскими полками, участвовал в осаде

крепости Карса, в нескольких стычках под ним и во взятии его штурмом, а также в походе из Карса в Ардаган и во взятии этого последнего. В 1830 году Заводовский снова является в экспедиции против горцев, предпринятой под личным командованием главнокомандующего Кавказским корпусом графа Паскевича и участвует в нескольких делах против неприятеля. В 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841 и 1842 годах был совершен ряд экспедиций против различных горских племен уже под командой самого Заводовского, экспедиций, изобиловавших мелкими стычками, крупными сражениями и кровавыми делами русских войск с черкесскими полчищами. Затем, в продолжение всей остальной своей служебной карьеры, Заводовский ведет упорную, бесконечную борьбу русских войск с черкесами в роли наказного атамана и командовавшего войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Поглощенный исключительно военными занятиями, Заводовский, помимо обязанностей наказного атамана Черноморского казачьего войска, состоял управляющим гражданской частью в Ставропольской губернии с 1844 года и на этом, считавшемся в свое время скользким, посту он удержался, по словам генерала И. Д. Попко, долее всех своих предшественников. При нем же было выработано и введено в войске казачье положение 1842 года.

Такая долгая и продолжительная служба Николая Степановича была справедливо ценима военным начальством. Помимо чинов, Заводовский награжден был за свои заслуги орденами и денежными наградами. Так, он состоял кавалером орденов: св. благоверного и великого князя Александра Невского, алмазами украшенного, Белого Орла, св. Владимира 2 ст. большого креста, св. Анны и св. Станислава 1-й степ., св. Георгия 4-й степени за выслугу в офицерских чинах 25 лет; имел знак отличия беспорочной службы за XXX лет и медали в память отечественной войны 1812 года, за взятие Парижа и за турецкую войну 1828 и 1829 годов; был Всемиловнейше

награжден: в 1814 году бриллиантовым перстнем, в 1826 году одной тысячею рублей ассигнациями, в 1827 г. тремя тысячами ассигн., в 1842 году десятью тысячами рублей ассигн., в 1849 г. пятнадцатью тысячами рублей серебром и в 1852 году двадцатью тысячами рублей серебром.

Заслуженно пользуясь репутацией опытного и энергичного боевого генерала, Николай Степанович Заводовский самой своей смертью еще более укрепил за собою в потомстве эту репутацию: он умер в 1853 году в походе против черкесского племени — шапсугов. В «Ставропольских Губернских Ведомостях» за этот год напечатана очень интересная заметка о последних днях жизни Заводовского. Заболевши во время похода, генерал, несмотря на решительный протест доктора, заявившего атаману, что если он тронется с отрядом с места, то доктор не ручается за его жизнь даже на один день, приказал тем не менее войскам двигаться по намеченному пути. Вот что передал потом по поводу этого печального обстоятельства супруге генерала его доверенный адъютант.

Собираясь отправиться с войсками, генерал приказал своему адъютанту убрать его бумаги и письма, а потом попросил его взять к себе деньги, часы и др. ценные вещи. «К приказаниям прибирать бумаги, — рассказывал адъютант, — я привык; но приказание прибрать деньги и вещи было для меня ново и как-то болезненно подействовало мне на душу. Исполнив, однако, что было мне сказано, я стоял, проникнутый мрачным предчувствием, и смотрел на генерала в ожидании дальнейших приказаний. Он страдал. Страдания его были так жестоки, что я ощущал их в моем сердце. В эти минуты он одевался — уже в другой раз. Это мучило его. Одевшись в первый раз, он спохватился, что не надел себе на грудь своего заветного креста, которым, быть может, благословила его умирающая мать, — и чтоб надеть его, больной не щадил себя для лишнего и, в те минуты тяжкого ему, труда раздеться и вновь одеться. Наконец, придя в спокойное положение,

Николай Степанович начал мне говорить слабым, прерывающимся голосом, что он чувствует себя так худо, как никогда еще не чувствовал; что, несмотря, однакож, на это, он никак не согласен оставаться на месте, и что, наконец, если бы пришлось ему не пережить похода, то он препоручает мне прибегнуть к тому, что с ним есть. Мне сделалось невыносимо грустно. Я перебил его, стараясь отвести его мысли на другие предметы. Заговорив о положении дел в горах, он высказал свое беспокойство за Абинское укрепление и приказал позвать к себе воинского начальника. Когда воинский начальник вошел, генерал, стоя на ногах, ясно и твердо отдавал ему приказания, нисходя до самых мелочных подробностей, о приведении укрепления в наивозможно исправнейшее оборонительное положение и о неусыпной бдительности в охранении его.

Между тем наступил день. Генералу доложили, что для него экипаж подан к крыльцу. Он помолился Богу, вышел и сел в экипаж с доктором, а мне приказал ехать верхом, неотлучно с боку экипажа. Проезжая мимо войск, Николай Степанович здоровался с ними из экипажа; но как голос его был слишком слаб, то войска не могли его слышать и не отзывались на его военный привет, во всю его жизнь, как и в последний ее час, согретый сердечным доброжелательством казаку. Когда мы выехали наперед, отряд тронулся. Экипаж генерала следовал в передней колонне, которая не имела обоза и которая скоро оставила далеко позади себя колонну с обозом. Несмотря на ненастье, казаки шли бодро и с песнями. Они шли домой. Генерал, по-видимому, чувствовал себя лучше. Он следил за движением колонны и часто отдавал приказания; часто также подзывал к себе отдельных начальников и благодарил их за службу в оконченной экспедиции. Шапсуги нас не беспокоили. Они вообще не охотники драться в ненастную погоду. Был полдень. До р. Кунипса, где нам надлежало сделать привал, оставалось не более четырех верст. Генерал спросил меня: сколько еще верст до Кунипса? —

Я сказал. И это были последние в сей жизни слова моего незабвенного начальника. Прошло после этого с четверть часа. По причине терновника, росшего около дороги, я отстал от экипажа на несколько шагов. Вдруг доктор громко и как бы с испугом назвал меня, остановив, в то же время, экипаж. Я подъехал и увидел — Боже милосердный! — то, что я увидел, не изгладится из моего воображения во всю мою жизнь. Доктор, смущенный до крайности, держит на своих руках умирающего начальника. Лицо генерала покрыто бледностью, для определения которой, чрез сравнение, я не нахожу цвета в природе; глаза полузакрываются и недвижны, — еще в них теплится искра жизни и мысли, уста полуоткрыты, и на них замирает недосказанное слово. Все же лицо в совокупности выражает неизъяснимую доброту, кротость и покорность непреложному и общему для всех нас уставу природы. Я провел несколько минут в невольном и немом созерцании этого лица, на котором скользил еще, угасая, последний луч жизни. Потом, почти без сознания, я сделал доктору вопрос: что же это значит? — Это конец, смерть, отвечал он.

Вскоре экипаж, так мгновенно и разительно превратившийся в гроб, был окружен многими офицерами, следовавшими в колонне. Все без слов выражали свое скорбное изумление. По всему отряду пробежало одно ощущение, передать которого я не умею, потому что оно и выразилось внезапным, общим, глубоким молчанием, и общим прекращением движения, без команды. Я посмотрел на часы — было три четверти первого. До Кунипса оставалось версты три. Убедившись в кончине своего начальника, окружавшие экипажи отъехали от него».

Григорий Антонович Рашпиль

генерал-лейтенант, начальник войскового штаба, исправлявший должность наказного атамана Черноморского казачьего войска с 26 ноября 1842 года по 1 октября 1852 года

Между тем как наказной атаман Черноморского войска Н.С. Заводовский был большею частью вне войска, то управляя Ставропольской губернией, в которой имел постоянное местопребывание, то производя экспедиции в горах против черкесов в качестве командующего Кавказской линией и в Черномории, фактически черноморским атаманом был начальник штаба Г.А. Рашпиль.

Григорий Антонович родился 26 сентября 1801 года и происходил из дворян Черноморского войска. Получив домашнее воспитание, он поступил очень рано на службу рядовым казаком, именно в 1814 году, т.е. тринадцати лет от роду; чрез четыре года он был зачислен юнкером в Черноморский лейб-гвардейский эскадрон, в 1821 году произведен в корнеты, в 1826 г. — в поручики, в 1827 г. — в штабс-ротмистры, в 1831 году в ротмистры, а в следующем 1832 году в полковники. Таким образом, Рашпиль в 10 лет завершил свою офицерскую карьеру; еще чрез 10 лет, в 1841 году, он был произведен в чин генерал-майора, в том же году назначен исправляющим должность начальника штаба, а со введением в войске положения 1842 года утверждён в этой должности. 4 апреля 1844 года Рашпилю поручено было исполнение должности наказного атамана и командующего Черноморской линией. Наконец, 3 апреля 1849 года Григорий Антонович был произведен в генерал-лейтенанты. Сверх того Рашпиль состоял кавалером орденов св. Владимира 2-й ст. большого креста, 3 и 4-й ст., последний с бантом, св. Анны I и II ст., св. Станислава I ст., св. Георгия 4-й степ. за выслугу в офицерских чинах 25 лет, знак отличия за 25-летнюю беспорочную службу, имел медали за персидскую войну 1826—1828 годов, за взятие приступом города Варшавы 25 и 26 августа 1831 года, знак отличия польского ордена за военные достоинства 4-й степени и крест за службу на Кавказе; получил в потомственное владение Высочайше пожалованных 1500 дес. земли.

Собственно боевая военная служба Рашпиля началась с 1826 года походом в Грузию. 1827 и 1828 годы проведены Григорием Антоновичем в походах в Персии, причем он принимал здесь участие в целом ряде сражений и дел с неприятелем и между прочим при осаде и взятии крепостей Абас-Абада и Эривани. В 1831 году, по назначению начальства, Рашпиль участвовал в действиях против польских мятежников. Затем в 1841, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851 и 1852 годах Григорий Антонович совершил целый ряд экспедиций против различных горских племен, начальствуя экспедиционными отрядами. В этот длинный период казачьих походов в горы Рашпилю приходилось руководить войсками при неоднократных стычках и сражениях с неприятелем, при работах по укреплениям и проложению дорог, при атаках и взятии черкесских аулов и т.п.

Но особенно плодотворная деятельность Рашпиля заключалась в разумных административных распоряжениях по войску. В этом отношении Григорий Антонович вряд ли имел соперников в ряду своих предшественников. Уступая, быть может, по уму и такту Антону Андреевичу Головатому, Рашпиль стоял в то же время выше этого последнего по ширине тех мероприятий, какими ознаменована его деятельность по войску. Этот черноморец-генерал, не получивший никакого образования, не прошедший под чьим-либо руководством практической школы управления, благодаря исключительно своим богатым способностям и природному уму, выработал замечательно полное, законченное и основательное мирозерцание на казачью жизнь и нужды. Это был не только передовой человек по своему времени, но и деятель, сумевший соединить лучшие стремления ума человеческого с практическими мероприятиями. «Совпадение назначения этой светлой личности с преобразованием войска по новому положению (1842 года), — говорит генерал И.Д. Попко, лучший знаток казачьего быта и особенностей и сподвижник к тому же Раш-

пиля в период своей молодости, — было благоприятным для войсковой корпорации событием. Призванное к обновлению своего военного и гражданского быта, войско должно было найти в самом себе потребные для этой работы силы, так как иносословные деятели ни в строевой состав, ни во внутреннюю административную сферу этого маленького государства в государстве, за самыми незначительными исключениями, не допускались. Генерал Рашпиль явился лучшим представителем своих сословных сил, разумным истолкователем и сильным поборником новых войсковых порядков. Общества с таким замкнутым учреждением, какими еще недавно были старые казачьи войска, легко впадают в застой и усыпление, если продолжительное время не вызываются к живому соприкосновению с окружающим их миром. Тогда они делаются забытыми, хотя и обитаемыми островами, настоящими terra incognita, где люди по одному закону с растениями отцветают и разлагаются, не сдвигаясь с своих корней. Войско Черноморское, до тридцатых годов нынешнего столетия, посылало свои полки на внешнюю службу за тридевять земель, как напр., в Царство Польское, и посредством этих служебных прогулок, время от времени, вдыхало свежий воздух извне. Но когда домашняя Кавказская война потребовала прекращения внешних нарядов, войско затворилось мертвецки в своих пределах и погрузилось в пассивное содержание нижекубанской кордонной линии, где, кроме камышей и гор, ничего больше не было видно, где, по свойствам местности, даже конные полки пускали коней в табун и отбывали оборонительную службу на “вышках” да в пешех “залогах”. О наездническом развитии, о строевом образовании и вообще об изучении разносторонних требований службы редко кто заботился и мог заботиться. В офицеры производили потому, что штаты того требовали, и кто лучше переписывал бумаги дома или в Тифлисе, тот скорее достигал производства. Но лишения на этом поприще выкупались по крайней мере бое-

выми делами, время от времени свидетельствовавшими о военных качествах, присущих даже заглохшему казачеству. Не та картина рисовалась во внутреннем экономическом быту казачьего общества. От неопределенных прав землевладения и по милости широкого самоуправления произошло крайнее нарушение равновесия в пользовании войсковой (общинной) землей между хуторами и станицами, другими словами — между патрициями и плебеями войскового населения. В этом самобытном обществе, которому в числе других льгот самоуправления, предоставлено было устроить свою экономическую жизнь как оно само хотело, повторилось то же явление, — если уместно привести здесь этот исторический пример, — которое когда-то в Риме вызвало аграрный закон, определявший владеть землей одному лицу не более того, сколько можно запахать одним ярмом в неделю. Притесненные станичники беднели, плохо снаряжались на службу, пускались в конокрадство и, что всего несообразнее, относились к своим чиновным хуторянам с такими чувствами, каким не следует быть между начальствующими и подчиненными. Затем, как бы результатом неурядицы в материальном быту, явилось охлаждение к интересам умственным, к учению и образованию, что уже исторически не шло народу, искони чуждому староверства, раскольничества и тому подобных оков, подавляющих свободу человеческого духа. Еще в раннюю пору своей жизни войско Черноморское благоволило к науке, заводило, при помощи духовных лиц, школы, имело даже войсковую гимназию, которая угасла за недостатком учащихся, и ко дню пришествия нового войскового положения тьма бысть по всей земле... Пришедший вместе с новым положением свежий деятель в лице Г.А. Рашпиля верно понял существенные недостатки своего сословия и на первом плане своей общественной деятельности поставил три задачи: образование служебное, благоустройство земельное, просвещение умственное».

Раз ставши на эту точку зрения, генерал Рашпиль настоятельно потребовал от офицеров служебных знаний, долженствовавших дать им преимущественно пред рядовыми казаками, а от последних хорошей строевой подготовки. С этой целью он учредил при г. Екатеринодаре «конную учебную часть» и сам часто обучал здесь урядников; наиболее способных молодых казаков он по собственному выбору отправлял в образцовые части. «Заехав один раз в войсковой монастырь принять благословение преподобных отцов, открыл он между ними десятка два станичных паробков, облекшихся в послушнические подрясники, рослых, видных, хорошо упитанных, а вдобавок еще грамотных, и, хотя был человеком искренно религиозным, не поколебался повернуть молодцов на пользу службы царской и украсить ими состав гвардейского эскадрона». Чтобы дать пример успешной борьбы казачьей конницы с черкесами, Рашпиль брал с собой гвардейский эскадрон, хорошо приученный к правильному боевому строю и долженствовавший служить образцом для казачьих плохо подготовленных полков. Раз дошло до сведения Рашпиля, что кордонные начальники не пропускают льготных казаков прикубанских станиц за Кубань, на неприятельскую сторону охотиться за дикими кабанами; если же и пропускают, то требуют «билетов с завязкою», т.е. мешков с ячменем или с пшеном. Атаман поскакал на кордон и крепко наказал не задерживать вольных охотников, а вслед за тем установил на этот случай пластунские билеты (без завязки) и сам выдавал их, имея, конечно, в виду открыть простор молодецким пластунским инстинктам. Распоряжение это было рискованное, потому что в то время шаг за Кубанью значил шаг в неприятельский лагерь. Но он, как видно, придерживался суворовского правила: «десять потеряю, а сто выучу». Одним словом, Рашпиль вникал во все тонкости военной службы казака и личным примером и вниманием старался приучить последнего к правильной строевой службе.

К сожалению, добрые начинания Григория Антоновича парализовались худыми инстинктами старого заскорузлого чиновного казачества. Когда дошло дело до введения в жизнь одной из важнейших практических мер нового казачьего положения — равномерного разверстания земельных угодий между высшим и низшим классами казачества, — Рашпиль встретил дружное и упорное противодействие со стороны казачьей старшины, имевшей хутора и захватившей львиную часть войсковых земель. «Патриции войскового сената, как назвал метко генерал Попко противодействовавших старшин, успели на самых первых порах убедить главу войска (т.е. наказного атамана Заводовского), что межевание разрушит крупное скотоводство и коневодство (о людях речь была в стороне) и это отзовется весьма невыгодно в глубокой России, что межевание даст возможность распространиться по степи землепашеству, тогда как назначение степи совсем не земледельческое, а пастушеское, и что, наконец, это мужицкое землепашество, потеснив конские табуны, оставит казаков без лошадей (хотя, правду сказать, крупные табуноводы всегда сбывали своих лошадей не казакам, а сторонним ремонтерам и промышленникам, которые лучше платили)». Сделанное Заводовским представление в таком смысле было уважено в Тифлисе, и только когда в 1844 году Заводовский был назначен главнокомандующим Кавказской линии и в Черномории и когда Рашпилю были таким образом развязаны руки, последний не замедлил разрушить препятствия сторонников скотоводства в ущерб интересам всего казачества.

Еще с большим вниманием относился Рашпиль к народному образованию. Не довольствуясь возможностью помещать казачьих детей на войсковые стипендии при кадетских корпусах и существовавшими заведениями, он добился учреждения войсковой гимназии. «В доказательство доброго сочувствия описываемого деятеля к умственному развитию народа, — говорит генерал Попко, — следует сказать, что в то

время, когда еще и помина не было о народных школах, он, бывая в станицах, убеждал станичников заводить их, причем собирал мальчиков, учившихся где попало по захолустьям, осведомлялся об их успехах и давал деньги на одежду тем из них, у которых на плечах, кроме сорочки, ничего больше не было; а таких да и вообще бедного люда в те поры много было по станицам. Он обращался к церковным причтам с просьбами об учительстве и встречал выражение готовности по большей чести от меньшей братии — дьячков, особенно же от старых дьячков, бривших бороду и носивших усы по-казацки». Что касается женского образования, то, при тогдашних исключительных обстоятельствах, требовавших отвлечения мужского элемента на кордонную линию и тем крепче приковылавших к домашнему очагу женское население, на воспитание женщины Рашпиль смотрел с этой последней точки зрения. В виду этого, генерал предположил открыть при женской обители училище для обучения грамоте и письму, рукоделиям, домоводству, без внешнего лоска, преподавания танцев, музыки и вообще так называемого изысканного воспитания.

Нельзя не отметить также, в ряду некоторых других родов деятельности Г.А. Рашпиля, его замечательно гуманных и истинно практических отношений к соседям казачества — горцам. «Кавказская война, — говорит И.Д. Попко, — была в разгаре, но это не мешало Рашпилю в особых видах достигать того, что воюющие абадзехи и шапсуги по временам складывали оружие на кордонной линии, отдавали его в заклад и сотнями ароб провозили продукты своей промышленности на екатеринодарские ярмарки для продажи и обмена. Этого нельзя было сделать просто и как-нибудь. Что же относится до мирных хамышейцев и черченейцев, то он умел так упрочить на них свое влияние и так выгодно поставить в их глазах свой авторитет, что князья и дворяне ежедневно почти приезжали к нему разбираться в своих спорных делах и безусловно подчи-

нялись его решениям, а простой народ слушался его даже в тех случаях, когда он более бедных людей посылал на заработки в прикубанские станицы, около которых люди эти обыкновенно живились только хищничеством да разбоем. И все это было обставлено такими мерами и распоряжениями, что нарушений общественной безопасности не происходило. Как на образчик тех средств, какие создавал он себе для нравственного действия на закубанских соседей, следует указать на его труд по собранию возможно полных данных обычного закона горцев, называемого адат. Из этого сборника он составил свод, которым и пользовался во многих случаях».

Вообще Г.А. Рашпиль, говорит И.Д. Попко о своем атамане, «любил родные обычаи и предания, но не творил себе из них кумира; он смело дотронулся до всего, что было ветхо и непригодно, и первый подготовил почву для последовавших в войске преобразований и улучшений. Правда, его стало не надолго, он не прошел всего стадия, указанного ему добрым его гением, страшно сказать, под конец от него отступившим; он выбыл из строя прежде одержания победы и не увенчанный лаврами. Но надобно вспомнить, что никто не был пророком в своем муравейнике. Рашпиль был молотом окаменелости своего общества, боролся живосилом и, конечно, мера огорчений, вынесенных им из злой борьбы, переполнилась, если он, неожиданно для друзей и недругов и наперекор своей трезвой природе, стал искать утешения в мутном фиале, отравившем не одно дарование, подорвавшем не одну силу на Руси с тех пор как сказано: «Руси есть веселие пити». А может быть, он просто утратил веру в свои силы, отчаялся дойти до правильного решения своей задачи, распутать гордиев узел современного устройства казачества. Как бы то ни было, но остальные годы его жизни, угасшей в печальной обстановке, были мертвы, ибо жизнь, как и вера, без дел мертва». Как бы там ни было, прибавим мы с своей стороны, а Григорий Антонович Рашпиль сделал так много полезного для казачества,

оставил столь светлые следы своей деятельности в жизни Черноморского войска, что нравственный разлад, отравивший личную жизнь этого честного и талантливого деятеля, отзвываясь горечью в сердце всякого истинно преданного добру человека, не затемнит блестящих страниц истории Черноморского казачества, созданных рукою этого глубоко несчастного под конец своей жизни деятеля!..

Яков Герасимович Кухаренко

генерал-майор, начальник войскового штаба, исправлявший должность наказного атамана Черноморского казачьего войска с 1 октября 1852 года по 30 июля 1856 года

Яков Герасимович Кухаренко был сверстником генерала Рашпиля, несколько моложе по службе и старше по летам. Родился он в 1799 году, а поступил на службу в 1814 году, т.е. 15 лет от роду.

Свою военную карьеру Кухаренко начал сотенным есаулом, т.е., по-нынешнему, урядником или унтер-офицером, в каком-то чине поступил на службу. Через девять лет, в 1823 году, он был произведен в хорунжие, в 1827 году — в сотники, в 1833 году — в есаулы, в 1836 году — в войсковые старшины, в 1838 году — в подполковники, в 1846 году — в полковники и, наконец, в 1853 г. в генерал-майоры.

Кухаренко был кавалером следующих орденов: Св. Георгия IV класса за выслугу в офицерских чинах 25 лет, Св. Владимира III и IV степеней, последний с бантом, Св. Анны II ст. и той же степени с Императорской короной, Св. Станислава I и II ст. и той же степени с Императорской короной, знак отличия беспорочной службы за XXV лет, серебряную медаль за турецкую войну 1828—1829 годов и светло-бронзовую в память войны 1853—1856 годов установленную.

Свою служебную деятельность Яков Герасимович провел частью в командовании разными частями войск, а частью в

административных должностях. Так, в 1831 году он назначен был командиром пешей артиллерийской роты, в 1834 году — командующим 9 конным полком и утвержден в звании полкового командира в 1836 году. В то же время, с 1833 по 1836 г., он состоял в должности ассессора войсковой канцелярии, в какую должность был избран черноморским дворянством, и временно нес обязанности прокурора и члена оспенного комитета; с 1838 года заступил место неперменного члена войсковой канцелярии по экономической экспедиции и избран дворянством в эту должность в 1840 году. С преобразованием войска по положению 1842 года Кухаренко был назначен окружным штаб-офицером Ейского военного округа. В 1851 году Яков Герасимович удостоился назначения членом общего присутствия департамента военных поселений по делам казачьих иррегулярных войск с правом голоса и в том же году Высочайшим приказом назначен исправляющим должность наказного атамана Азовского казачьего войска. Через год, в 1852 году, Кухаренко снова был переведен в Черноморское войско исправляющим должность начальника штаба и наказного атамана Черноморского казачьего войска. Кроме того, впоследствии, с 1861 года он состоял начальником Нижне-Кубанской кордонной линии и был командирован в Петербург в комитет для обсуждения мер о заселении предгорий Западного Кавказского хребта.

Наконец, свою строевую и боевую службу Кухаренко начал вместе с поступлением в строй. Так, с 1814 по 1821 год он постоянно находился на пограничной кордонной линии, в 1822 году участвовал в походе отряда генерал-майора Власова против шапсугов, в 1823 году — в экспедиции того же Власова против абадзехов, в 1825 г. — в новой экспедиции против абадзехов и в 1826 г. — против шапсугов. Во время турецкой войны, с 1828 по 1829 год, Кухаренко находился в отряде при блокаде Анапы, участвовал здесь в 14 различных сражениях под Анапой и вблизи Анапы с турками и черкесами.

Затем 1830, 1838 и 1839 годы проведены были Яковом Герасимовичем в походах и в нескольких сражениях с черкесами, причем в одних случаях Кухаренко действовал как самостоятельный начальник, а в других под командой генералов Заводовского и Раевского. С 1852 по 1856 год включительно Кухаренко является независимым начальником отряда, совершившего несколько движений и с успехом действовавшего против неприятеля, за что Яков Герасимович получил несколько раз благодарность главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом светлейшего князя Воронцова и награжден орденом Владимира III степени.

Яков Герасимович Кухаренко был последним черноморским генералом, который нес обязанности наказного атамана в своем войске; после него наказными атаманами Черноморского войска были назначаемы лица неказачьего происхождения. И судьба, как бы в ознаменование этого обстоятельства, распорядилась придать самой кончине этого генерала особый трагический характер. В половине сентября 1862 г. Я.Г. Кухаренко, проезжая по службе в г. Ставрополь в 11 часов ночи между Казанской и Кавказской станицами по так называемой старой кордонной линии, внезапно подвергся нападению партии абадзехов. Генерал ехал в сопровождении только своего зятя капитана Иогансона и вестового казака, без конвоя, и попробовал защищаться сначала при помощи револьвера, но револьвер на первом выстреле осекся; а при втором взводе револьвера, из залпа со стороны неприятеля одна пуля попала под курок, которым рассекло генералу руку, а другая контузила в бедро. Тогда генерал выскочил из экипажа и обнажил шашку. Силы были, однако, на стороне абадзехов. Кухаренко с зятем были взяты в плен, ямщик убит, а казак изрублен. Больной и израненный старик-генерал на 7 дне плена умер в горах у горцев, и только безжизненное тело его было потом перевезено в Екатеринодар и чрез 11 дней после смерти погребено здесь.

Григорий Иванович Филипсон

генерал-лейтенант, командующий войсками правого крыла Кавказской линии и наказной атаманя Черноморского казачьего войска с 6 июля 1855 года по 12 сентября 1860 года

Григорий Иванович Филипсон происходил из дворян Казанской губернии и родился в 1805 г. На службу поступил подпрапорщиком в Олонецкий пехотный полк 22 мая 1823 года, в 1826 году произведен в прапорщики, в следующем 1827 — в подпоручики, в 1829 г. в поручики, 1 апреля 1835 г. в штабс-капитаны и 24 ноября того же года в капитаны, в 1838 году в подполковники, в 1839 г. в полковники, в 1845 году в генерал-майоры и в 1857 году в генерал-лейтенанты.

Генерал Филипсон состоял кавалером орденов: св. Анны I ст. без короны и с Императорской короной и мечами, II степ. с Императорской короной, III ст. с бантом и IV ст. с надписью: «за храбрость», св. Владимира II ст. с мечами, III ст. и IV ст. с бантом, св. Станислава I и II степ., св. Георгия IV класса за выслугу 25 лет в офицерских чинах, Белого орла с мечами и св. Александра Невского с мечами; имел медаль за взятие приступом города Варшавы 25 и 26 чисел августа 1831 года, польский знак отличия за военные достоинства IV степени, бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов на андреевской ленте и знак отличия беспорочной службы за 20 лет. Кроме того, Григорий Иванович неоднократно получал денежные награды, Монаршее благоволение и в 1858 году Монаршую благодарность за дела с горцами Западного Кавказа.

Боевая служба Григория Ивановича началась в войне с польскими мятежниками, в 1831 году. Участвуя в двух кампаниях против поляков, Филипсон сражался с неприятелем в целом ряде стычек и в трех генеральных битвах — под Прагой на Гроховских полях 13 февраля, под Остроленкой 14 мая и у

Варшавы 25 и 26 августа. Большую затем часть своей долго-временной и полезной службы Григорий Иванович употребил на дела против кавказских горцев. Так, в 1837 году он участвовал в экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова по восточному берегу Черного моря, в 1838, 1839 и 1840 годах в экспедициях генерал-лейтенанта Раевского против тех же горцев Западного Кавказа, в 1841 и 1842 годах в экспедициях генерал-адъютанта Анрепа также по восточному берегу Черного моря, выполнивши за все это время массу поручений и выдержавши длинный ряд стычек и сражений с неприятелем в качестве образцового офицера генерального штаба. В 1856, 1857 и 1858 годах генерал Филипсон действовал против горцев Черноморского побережья в качестве самостоятельного начальника.

Генерал Филипсон принадлежал к числу образованнейших офицеров своего времени. Деятельно занимаясь самообразованием, он в 1833 году поступил в военную академию генерального штаба, по окончании курса в которой был удостоен чина капитана и большой серебряной медали, с причислением к генеральному штабу. С 1835 г. он назначен был состоять в отдельном кавказском корпусе и в частности в штабе войск Кавказской линии и Черномории; 14 февраля 1845 года назначен исправляющим должность начальника штаба тех же войск. Болезнь заставила Григория Ивановича выйти в 1850 году в отставку, с мундиром и полным пансионом; но чрез пять лет, в 1855 году, Филипсон по Высочайшему приказу снова был назначен на службу сначала в распоряжение наказного атамана Донского войска генерал-адъютанта Хомутова, а затем 10 июня 1855 года ему поручен был пост наказного атамана Черноморского казачьего войска, с отчислением от генерального штаба. В 1856 году, помимо обязанностей казачьего атамана, на генерала Филипсона была возложена должность командира 1-й бригады 19-й пехотной дивизии. С 1860 года он, по Высочайшему приказу, исправ-

лял должность начальника главного штаба кавказской армии, а 23 апреля 1861 года назначен членом Военного Совета. Впоследствии генерал Филипсон нес многотрудные и крайне ответственные обязанности попечителя Петербургского учебного округа.

Солидное образование и высокие личные качества Г.И. Филипсона отводят ему очень почтенное место в рядах лучших администраторов. Так, в 1850 году он находился в Петербурге для получения личных приказаний Государя Императора Николая Павловича относительно обращения в казачье сословие государственных крестьян Ставропольской губернии и формирования пеших батальонов при Кавказском казачьем линейном войске, каковые поручения и выполнены были им с особым умением и распорядительностью. Будучи наказным атаманом Черноморского казачьего войска, он обращал большое внимание на внутренний быт и положение казачьего населения, выказал в этом отношении много умения и такта при защите края от отдельных отрядов союзной армии в 1855 году с помощью казачьего населения и вообще оставил в войске память о себе как об одном из самых образованнейших и авторитетных атаманов, к распоряжениям которого с особенным уважением относилось казачество. В оставленных Г.И. Филипсоном записках, напечатанных в «Русском Архиве» за 1883 в 1884 годы, находится немало автобиографических черт, характеризующих с этой стороны бывшего наказного атамана Черноморского казачьего войска.

Лев Иванович Кусаков 1-й

генерал-майор, начальник штаба, исправляющий должность наказного атамана Черноморского казачьего войска с 26 июля 1857 года по 5 мая 1861 года

Лев Иванович Кусаков происходил из дворян Курской губернии и родился в 1803 году. Получивши домашнее обра-

зование, он поступил на службу унтер-офицером во 2-й Карбинерский полк в 1818 году, а в 1819 году за отличие по службе был произведен в прапорщики с переводом в Московский пехотный полк. В 1820 году, по Высочайшему повелению, поступил на военное поселение с отдельным 2 батальоном Московского полка в г. Чугуев. Здесь в следующем 1821 году он был произведен в подпоручики, в 1827 году в поручики. В 1832 году Лев Иванович вышел в отставку по домашним обстоятельствам; но в 1833 году вновь поступил на службу уже по кавалерии, с назначением состоять при командующем войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанте Вельяминове. В 1837 году он произведен был в штабс-ротмистры и в следующем 1838 году переименован в майоры, с назначением дежурным штаб-офицером штаба войск Кавказской линии и в Черномории; в 1840 году получил чин подполковника, в 1844 году — полковника и в 1854 году — генерал-майора.

Генерал Кусаков состоял кавалером орденов: св. Станислава I ст., св. Георгия IV класса за выслугу 25 лет в офицерских чинах, св. Анны II ст. с короною, той же степени без короны, III степ., св. Владимира III и IV степеней; имел знак отличия за XXX лет беспорочной службы и светло-бронзовую медаль на андреевской ленте, установленную в память войны 1853—1856 годов.

Свою боевую службу Л.И. Кусаков начал во время польского мятежа в 1831 году. В 1834 и в 1837 годах он участвовал в двух экспедициях против горцев Западного Кавказа под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова, экспедициях, ознаменованных многочисленными стычками и сражениями с горцами. За отличие в военных действиях против горцев во время первой из этих экспедиций Лев Иванович был произведен в чин штабс-ротмистра.

Назначенный начальником штаба Черноморского казачьего войска в 1857 году, генерал Кусаков нес эту обязанность

до 1860 года, т.е. до времени оставления генералом Филиппсоном должности наказного атамана того же войска, и летом исправлял эту последнюю должность до преобразования Черноморского и Кавказского линейного войск в 1861 году. Таким образом, Лев Иванович Кусаков был последним наказным атаманом Черноморского казачьего войска.

Петр Семенович Верзилин

генерал-майор, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска с 1832 года по 20 октября 1837 года

В 1832 году из казачьих полков, издавна поселившихся по р. Тереку, Гребенского, Терскосемейного, Кизлярского и Моздокского, а также из Горского и Волгского, из Хоперского, Кубанского и Кавказского было образовано Кавказское линейное войско. Первым атаманом этого войска был назначен генерал-майор П.С. Верзилин.

П.С. Верзилин родился в 1791 году, а на службу поступил пятидесятником в 1807 году; в 1808 г. он произведен был в корнеты, в июне 1812 г. — в поручики, в октябре того же года — в штабс-ротмистры, в 1821 году — в капитаны, в 1823 году — в майоры, в 1828 г. — в подполковники, в 1829 г. — в полковники и, наконец, в 1832 году — в генерал-майоры.

Генерал Верзилин состоял кавалером орденов: св. Станислава I, II, и III степ., с алмазными знаками того же ордена II ст., св. Георгия IV класса, св. Владимира III и IV ст., имел золотую саблю с надписью за храбрость, золотую медаль на ленте св. Владимира, серебряные медали: в память 1812 года за взятие Парижа 1814 г., турецкую 1828 и 1829 годов, в воспоминание покорения г. Варшавы и принадлежащий царству Польскому знак отличия за военные достоинства III степени.

Начавши службу в Московской милиции, П.С. Верзилин состоял затем в Александрийском гусарском полку, с

1820 г. — в Нижегородском драгунском, в 1821 году назначен был командиром Волгского казачьего полка и в 1829 г. переведен был на ту же должность в Горский казачий полк.

П.С. Верзилин участвовал в походах в Австрию, Молдавию и Валахию в 1809 году, в сражении с турками, при сдаче последними Рушука, Журжи и Никополя, затем снова в походе в Валахию в 1811 году; 1812 год проведен Верзилиным в непрерывных стычках и сражениях с французами; в 1813 и 1814 годах Верзилин участвовал в походах против французов, во взятии Парижа и во многих битвах русских войск с французскими; в 1815 году находился вторично в походе во Францию. С 1822 года П.С. Верзилин состоял в отряде генерала Ермолова против горцев в Кабарде, а в 1823 г. — в экспедиции против горцев по р. Лабе под командой начальника корпусного штаба генерал-майора Вельяминова 3-го. Командуя Горским казачьим полком, Верзилин находился во время турецкой войны 1828 и 1829 годов в составе войск, действовавших под командой графа Паскевича-Эриванского и был отмечен особым вниманием со стороны командующего за свою храбрость и распорядительность. Когда вспыхнула, поэтому, польская война в 1831 году, в которой играл решающую роль граф Паскевич, — последний снова призвал под свою команду тот же Горский казачий полк с его командиром Верзилиным. Во время этой войны Петр Семенович был произведен за отличие в чин генерал-майора и, по рекомендации фельдмаршала Паскевича, назначен наказным атаманом Кавказского линейного войска, с штабс-квартирой в г. Пятигорске.

Через 5 лет после своего назначения генерал Верзилин был уволен от должности наказного атамана. В этом случае Верзилин был жертвой распоряжений нового командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала Вельяминова, неблагосклонно относившегося ко всем лицам, назна-

ченным на места его предшественником графом Паскевичем. Такое мнение, по крайней мере, высказал генерал Кравцов, давший краткую характеристику наказных атаманов Кавказского линейного казачьего войска. Существует, впрочем, и другое предположение на этот счет. Увольнение Верзилина от должности, по этому предположению, было личным распоряжением Государя Императора Николая Павловича, от проницательного взгляда которого, вероятно, не ускользнуло отсутствие надлежащих административных способностей для управления войском в этом чисто боевом генерале.

Степан Степанович Николаев

генерал-лейтенант, наказной атаман Кавказского казачьего линейного войска с 31 октября 1837 года по 18 февраля 1848 года

По своему происхождению С.С. Николаев был донским казаком из обер-офицерских детей; родился он в 1789 году, а поступил на службу в 1803 году; в том же году из казаков был произведен в урядники, в 1809 году — в юнкера, в 1810 году в портупей-юнкера и в 1811 году в корнеты; чрез четыре затем года, в 1814 году, получил чин поручика, в 1816 году — штабс-ротмистра, в 1819 году — ротмистра, в 1823 году — полковника, в 1831 году — генерал-майора и в 1843 году — генерал-лейтенанта.

В разное время Степан Степанович Николаев был награжден следующими орденами: св. Анны I ст. с Императорской короной, II ст. с алмазами и IV ст., св. Георгия IV класса за двадцатипятилетнюю офицерскую службу, св. Владимира III ст., св. Станислава I ст.; имел, кроме того, золотую саблю с надписью за храбрость, серебряные медали 1812 года, 1814 года, 1831 года, знак отличия польского ордена за военные достоинства II ст. и знак отличия за беспорочную службу в офицерском звании за 25 лет.

Большую часть своей службы С.С. Николаев провел в рядах родного войска, состоя сначала в нижних и офицерских чинах в Донском лейб-гвардии казачьем полку и командуя с 1830 по 1836 год тем же полком. В этом последнем году Николаев был назначен походным атаманом донских казачьих полков, расположенных на Кавказской линии, и, наконец, 31 октября 1837 года на него были возложены обязанности наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска.

Собственно боевая служба С.С. Николаева была начата с 1812 года. Степан Степанович участвовал в очень многих сражениях с французами в течение этого года и, между прочим, 14 июня при г. Троках, 16 июня под г. Вильно, 18 июня при корчме Соре, 19 июня при местечке Повиверках, 20 июня при отступлении к местечку Свинцианы, 23 июня при деревне Кочержишках, 16 июля под Витебском, 4—5 августа под Смоленском, 7 августа при деревне Заболотье, 26 августа во время генерального сражения при дер. Бородино, 6 октября при Тарутине, 21 октября близ Вязьмы и 28 октября по дороге из Замостья к Ляхову. Затем 1813 год провел за пределами отечества и закончил длинный ряд своих боевых отличий взятием Парижа в рядах русской армии в 1814 году. Во время мятежа в Царстве Польском в 1831 году Николаев, командуя казачьим лейб-гвардейским полком, участвовал также в очень многих стычках и сражениях с неприятелем.

С назначением наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска С.С. Николаев перевел, между прочим, войсковой штаб-сначала в ст. Михайловскую, а затем в г. Ставрополь, где он и находился потом во все последующее время самостоятельного существования войска.

«Генерал Николаев, — по словам казачьего генерала Кравцова, начавшего свою службу при этом атамане, — отличался солидным умом и дарованиями, имел репутацию отличного администратора, в продолжение 10-летнего управления вой-

ском много потрудился на его благоустройство внутреннее и правильную строевую организацию действующих строевых частей.

Он знал основательно казачий быт и его потребности, входил всегда во все подробности казачьих нужд и своею справедливостью, разумным обхождением с народом и заботливостью о его благосостоянии оставил по себе весьма добрую память на у всех знавших его».

С.С. Николаев скончался 18 февраля 1848 года в г. Ставрополе в чине генерал-лейтенанта. Согласно его завещанию, он погребен в церкви станицы Михайловской, находившейся вблизи города Ставрополя и служившей ему при жизни любимым летним местопребыванием.

Феликс Антонович Круковский

генерал-майор, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска с 1848 по 1852 год

Свою службу Ф.А. Круковский начал в Рижском драгунском полку, из которого в 1840 году был переведен на Кавказскую линию и назначен командиром Горского казачьего полка. Через два года потом Круковскому был поручен Хоперский казачий полк. Командуя этим полком, Круковский в 1843 году, в соединении с отрядом Волгского полка, разбил при ст. Бекешевской толпу горцев до 5000 человек, за что был произведен в полковники и награжден орденом св. Георгия IV степени. В 1846 году Феликс Антонович был назначен командиром знаменитого по своим боевым делам Нижегородского драгунского полка. Полк этот под командой Круковского был приведен в самое блестящее состояние. В марте месяце 1848 года Круковский назначен был наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска. Четыре года управления этим войском были для Круковского годами боевых подвигов и внутреннего упорядочения войска. Так, в 1849 году осенью Круковский

вместе с генералом Заводовским был в походе против абадзехов по р. Белой; в 1850 и 1851 годах участвовал в экспедиции в Чечне под начальством генерала Козловского; в 1852 году, в той же экспедиции под начальством князя Барятинского, командуя левым флангом в звании начальника кавалерии, был убит в стычке с чеченцами.

Круковский пользовался громкой известностью как боевой генерал. Когда в 1850 году Кавказ был посещен Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем, Круковский все время состоял при особе его Высочества. Покидая Кавказ, Высочайший Посетитель, при прощании с атаманом Круковским, в знак своего особого внимания к Кавказскому линейному войску и его атаману, пожаловал последнему казачью линейную шашку, бывшую на нем во все время его путешествия по Кавказу. Шашка эта, завещанная Круковским войску, и теперь хранится в особом ящике в г. Владикавказе в числе разных войсковых регалий.

Круковский был родом из Литвы и принадлежал к фамилии, имевшей герб «Корвин». Он воспитывался в иезуитском коллегииуме. По описанию генерала Кравцова, Круковский был «росту большого, стройного сложения, носил на голове короткие черные волосы, имел лицо серьезное, выразительное, большие черные бакенбарды и очень длинные усы, — словом, фигура его представляла тип настоящего кавалериста. Он был воздержан в пище, питье и вообще высоконравственный и строго честный человек, чуждый всяких личных выгод. Нередко помогал, чем мог, бедным, но делал это тайно и запрещал говорить об этом. Вообще имел вид внушительный, сосредоточенный в самом себе, как бы замкнутый. Это происходило, конечно, от влияния иезуитского воспитания. На самом деле Круковский был весьма добрый и сострадательной души человек».

Когда Феликс Антонович не был в походах, то всю свою деятельность посвящал на обозрение войска во всех его отно-

шениях: осматривал устраиваемые станицы на передовых линиях, инспектировал войска, входил по станицам во все тонкости административного управления и пр. Такие смотры «он делал, — по словам генерала Попко, — без всяких приготовлений, врасплох, не терпел встреч и проводов, совершал объезды запросто и по большей части верхом, не пропускал осмотреть засеянное поле и скошенный луг, сворачивал в сторону, чтобы взглянуть поближе на станичное стадо, и если в станице встречал хату неприглядную, неподдержанную, заходил в нее и расспрашивал хозяина о житье-бытье. Чаще, разумеется, представлялась ему хозяйка с ребятишками мал-мала меньше. На вопрос: где же хозяин? следовал ответ: да в сотне, мой кормилец, вот уж беспеременно четвертый годочек. Атаман находил, что кормилец слишком уж там замешкался, и предлагал станичным старикам послать ему смену, что исполнялось беспрепятственно при тогдашнем общинном отбывании военной повинности в станицах, способных отвечать на все случайности бытовой жизни, неуловимые для самой предусмотрительной регламентации».

Но особенно ревностным и неустрашимым деятелем был генерал Круковский на военном поле и в делах. Вот как характеризует его с этой стороны И.Д. Попко. «Посты кордонной линии, — говорит этот последний, — Круковский объезжал всегда верхом и в сопровождении одного, а много — двух казаков. В самых опасных местах, в закрытых и пересеченных захолустьях линии, — как например, в верховьях Кубани, где отчаянно держались и каждый день грызлись посты Ямановский, Хумаринский и т.п., — он не брал конвоя и собственной особой давал пример, как казаку молодцу пробираться в одиночку по таким местам, где за каждым кустом сидит опасность. Если случалось ему заприметить хищническую партию, готовую заступить ему дорогу (а это случалось не раз), он не изменял своего направления, не прибавлял и не убавлял поводьев, приказывал ехавшему за ним казаку

держать дистанцию и, к общему удивлению, невредимо достигал цели своего следования. По рассказам очевидцев, ни одна черта в его лице не изменялась в подобные минуты. То правда, должно быть, что для всякого военного человека отмечена в книге судеб последняя страница, где написано: конец и Богу слава, — и пока не откроется эта последняя страница, всякая гроза и опасность — как с гуся вода. Когда Круковский командовал хоперцами, боевых тревог на линии было особенно много: тогда посланцы Шамиля поджигали кубанских горцев, и даже мирных поднимали против казачьих постов и станиц, пуще всего им ненавистных. Так, конечно, много опасностей пронеслось над головой Круковского, много раз шел он навстречу смерти, — и она от него сторонилась. В кордонной службе он был чрезвычайно подвижен, — не пропускал ни одной побегки на тревогу. У него было общее с постовыми казаками правило: и день и ночь держать коня в седле, где бы он ни находился. А как кавказский неприятель никогда не говорил: “иду на вас”, то приходилось ему побывать и в тех крайних положениях, когда горсть казаков, поскакав ночью на неизвестного неприятеля, сталкивалась на рассвете с громадным сборищем и, за неимением другого способа отступления, кроме бегства, предпочитала спешиться и драться за каким-нибудь прикрытием не на живот — на смерть. Достоверные люди утверждают, что в подобных случаях Круковский оставался в седле, весь открытый неприятельским пулям, и когда его убеждали сойти с коня, он говорил спокойно, что так ему виднее следить за намерениями противников. Так именно держал он себя в достопамятном бою под станицей Бекешевской, на которую утром 2-го мая 1843 года обрушилось трехтысячное сборище горцев. Он прискакал на выручку с четырьмя сотнями хоперцев, сделав переход в темную и дождливую весеннюю ночь около сорока верст. Неприятель бросился на него, не допуская до станицы, отчаянно защищаемой стариками да хлопцами, и готов был

задавить его своим многолюдством. Он спешился и бился более двух часов; когда же подоспела помощь и горцы пошли наутек, он пылким преследованием навел на них такую непонятную панику, что эти люди неробкого десятка, лихие закубанские наездники, сами помогали своему поражению, малодушно убивая из пистолетов своих, опешивших в бою, товарищей, которые хватались за хвосты их лошадей и за стремена, чтобы убежать от плена. Тогда была подобрана с поля битвы не одна сотня убитых и тяжело раненных горцев, а казаки купили победу не слишком дорого».

Личная храбрость и вообще выдающиеся военные способности создали Ф.А. Круковскому в среде казаков и солдат репутацию отличного военного начальника. По станицам и теперь еще распеваются казачьи песни про подвиги Круковского и в особенности о геройской его смерти. По словам одной из этих песен, Круковский, «отъезжая от Старпо-ли» в «отряд чеченский», все имение свое раздарил, предчувствуя близкую смерть. Предчувствие это сбылось так, как «будто Бог с ним говорил».

Князь Георгий Романович Эрстов 2-й

генерал-майор, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска с 18 февраля 1852 года по 15 мая 1855 года

Георгий Романович Эрстов происходил из рода грузинских князей Тифлисской губернии, родился 12 февраля 1812 года и первоначальное образование получил в благородном училище в г. Тифлисе, а дальнейшее — в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров.

В службу вступил князь Эрстов в Финляндский полк унтер-офицером лейб-гвардии в 1829 году; еще до производства в первый офицерский чин князь Эрстов участвовал в различных военных действиях и выказал достойное его звания мужество, за что и был награжден различными знаками

отличия. Так, в 1831 году, участвуя в польском походе, за отличие в делах против мятежников был награжден военным орденом св. Георгия и вскоре затем в том же году получил орден св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость»; в 1832 году за такое же отличие удостоился награждения орденом св. Анны 3 ст. с бантом и после этого в 1833 году произведен в поручики и переведен в Архангело-Городский батальон, из которого в 1835 году переведен в Ахтырский гусарский полк и в 1836 году произведен штабс-ротмистром. В 1840 году, отличившись в делах с горцами, удостоился ордена св. Владимира 4 ст. с бантом, после чего переименован капитаном и перевелся в Нижегородский драгунский полк, в 1842 году за усердную службу объявлено ему именное Высочайшее благоволение, в том же году награжден орденом св. Станислава 2 ст. и назначен командующим Горским линейным казачьим полком с зачислением по кавалерии; в 1844 году произведен в майоры, в 1845 — в подполковники; за отличие против горцев награжден в 1846 году орденом св. Анны 2 ст., в следующем году произведен в полковники и в 1848 году назначен начальником центра Кавказской линии, в этом же году за отличие против горцев награжден орденом св. Владимира 3 ст. В 1850 году декабря 6 Георгий Романович Эристов произведен в генерал-майоры и в 1851 году награжден орденом св. Станислава 1 ст.

В 1852 году 18 февраля генерал-майор Эристов назначен наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска и в октябре того года награжден орденом св. Анны 1 ст. В 1858 году произведен в генерал-лейтенанты и назначен Кутаисским генерал-губернатором и командующим войсками в крае, в том же году августа 22 награжден знаком отличия беспорочной службы за XX лет.

В 1858 году за принятие решительных и благоразумных мер к водворению спокойствия в Сванетии награжден орденом св. Владимира 2 ст. с мечами. В 1861 году назначен со-

стоять при наместнике Кавказском и главнокомандовавшем Кавказской армией с оставлением по армейской кавалерии.

За отличную усердную службу награжден в 1862 году орденом Белого орла.

В 1874 году Всемилоостивейше пожалован бронзовой медалью в память столетнего юбилея военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия.

В 1881 году Высочайшим приказом произведен в генералы от кавалерии, а в 1883 году награжден орденом св. Александра Невского.

Военную деятельность князь Эристов начал в 1831 году во время войны в Польше, участвуя здесь, между прочим, в сражении при г. Остроленке, в генеральном сражении под Варшавой и при взятии самой Варшавы. В 1840, 1842, 1843 и 1844 годах князь Эристов участвовал в походах против горцев Восточного Кавказа и выдержал за это время со своей кавалерией ряд блестящих стычек и сражений. Ему же принадлежала честь отражения горцев, грабивших ст. Темнолескую, а также от ст. Луковской и Моздокских хуторов. 1845 и 1846 годы князь Эристов провел в экспедициях против чеченцев, а в 1847 году — в действиях на р. Сунже, в 1850 году он находился на Кисловодской линии для защиты ее от Магомет-Амина, скопища которого он окончательно рассеял после поражения их полковником Волковым на Урупе 14 мая 1857 года.

Собственно наказным атаманом Кавказского войска князь Эристов был недолго, но в короткое управление его этим войском были, однако, частью задуманы и частью осуществлены весьма важные для края экономические мероприятия. Будучи еще полковым командиром, князь Эристов занялся проведением большого водопроводного канала по безводным степям между рр. Малкой и Курой. Канал этот, протянувшийся на расстояние 100 верст и принесший громадную пользу местному населению, окончен был преемником Эрис-

това новым командиром горского полка — князем Чавчавадзе. При князе Эрестове же был поднят очень важный для края вопрос о проведении другого канала уже из р. Кубани в р. Егорлык, по очень населенной, но очень бедствующей от безводья местности. Проект князя не был осуществлен, но мысль князя Эрестова до сих пор жива и требует осуществления задуманной им меры. Если когда-нибудь осуществится эта весьма важная мера, в чем вряд ли можно сомневаться, то за князем Григорием Романовичем Эрестовым во всяком случае останется честь первого инициатора в этом деле, долженствующего принести краю неисчислимыя выгоды в экономическом отношении.

Николай Александрович Рудзевич

генерал-лейтенант, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска с 1854 по 1860 год

Когда в конце прошлого столетия Екатерина Великая посетила Новороссийский край и была в Екатеринославе, в числе других лиц к ней явился на поклон знатный мурза Крымского хана с десятилетним мальчиком. Государыня уговорила мурзу отдать ей сына на воспитание, крестила затем мальчика и дала ему блестящее образование. Это был один из будущих героев отечественной войны 1812 г. — генерал Рудзевич, взявший в 1814 г. с боя высоту Монмартра, результатом чего была немедленная сдача Парижа союзным армиям. Н.А. Рудзевич, наказной атаман Кавказского войска, был сыном этого генерала-героя.

Н.А. Рудзевич родился в 1810 году, воспитывался в школе гвардейских подпрапорщиков, откуда по окончании курса был выпущен гвардии подпрапорщиком. В 1818 году он был произведен в прапорщики, в 1831 году в подпоручики, в том же году в поручики, в 1833 году в штабс-капитаны, в 1839 году в капитаны, в 1844 году переименован в подпол-

ковники, в 1845 г. в полковники, в 1855 году в генерал-майоры и, наконец, в 1860 г. в генерал-лейтенанты.

Строевую службу Николай Александрович начал в Измайловском лейб-гвардейском полку; числясь по этому полку, он состоял адъютантом сначала при фельдмаршале графе Дибиче-Забалканском, а затем при фельдмаршале Паскевиче-Эриванском. В 1844 году он был назначен командиром Варшавского жандармского дивизиона, а 27 марта 1855 года наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска.

Генерал Рудзевич состоял кавалером орденов: св. Георгия IV класса за 25 лет офицерской службы, св. Владимира III ст. и IV ст. с бантом, св. Анны I ст. с мечами, II ст. с Императорской короной, III ст. с бантом, св. Станислава I ст. с мечами и II ст. с Императорской короной, Австрийского ордена Железной короны II ст., Прусского красного орла II ст., Датского кавалерственного креста Данеброга, Гессен-Дармштатского Людовика; имел также золотую саблю с надписью «за храбрость», медали за турецкую войну и за взятие Варшавы, польский знак отличия за военные достоинства IV ст., знак отличия беспорочной службы за 20 лет и бронзовую медаль на андреевской ленте в память войны 1853—1856 годов.

Боевую службу Н.А. Рудзевич начал в 1828 году в войне с турками. В 1831 году он принимал самое деятельное участие в борьбе с польскими мятежниками и был, между прочим, в генеральных сражениях под г. Остроленкой, под Варшавой и при покорении этой последней. В 1856 и 1857 г. Рудзевич участвовал в экспедициях против горцев и, между прочим, в походе князя Барятинского в Дагестане и во взятии в плен Шамиля. За военные отличия на Кавказе Рудзевич получил ордена св. Анны и св. Станислава I-й степени и чин генерал-лейтенанта.

Но особенно плодотворной была деятельность генерала Рудзевича по внутреннему управлению казачьего края. Первым делом нового атамана было исходатайствование перед высшим начальством роспуска по домам с кордонной линии

резервных казачьих полков, бесцельное содержание которых стоило казне более миллиона рублей. Возвратившиеся домой, казаки, понятно, сильно подняли экономический быт населения, обедневшего окончательно благодаря отвлечению всех рабочих рук на линию. Затем, по ходатайству Рудзевича, казачьи офицеры были уравнены в служебных правах и размерах содержания с армейскими офицерами, срок казачьей службы был сокращен с 25 до 15 лет и было разрешено выдавать кавказским казачьим полкам фуражировку наравне с донскими и драгунскими полками. Весьма важную поддержку оказал Рудзевич той части казачьего населения, которая переселилась на передовые линии. Он ископтал этим переселенцам значительные денежные пособия и охрану особыми отрядами устраивавшихся на новых местах казачьих семей.

Ежегодно Рудзевич объезжал край и вникал во все мелочи казачьей жизни. «Его инспекторские смотры, — говорит генерал Кравцов, — представлялись совершенным праздником для народонаселения, потому что народ очень любил его за простоту и ласку в обхождении и за подробные расспросы о житье-бытье» населения. «Обыкновенно все население от мала до велика высыпало на станичные площади в праздничных нарядах, чтобы посмотреть на своего любимого атамана и услышать его ласковое слово. Часто после смотра на площадях устраивались общественные обеды с песельниками, джигитовкой и пляской. Нередко эти смотры сопровождались большими охотами», в которых участвовали все записные охотники — офицеры, казаки и отставные старики-ветераны. Такою же популярностью пользовался Рудзевич и в г. Ставрополе среди мешан, у которых он крестил детей, бывал на свадьбах и пр.

Когда возникло предположение об образовании из Кавказского и Черноморского войск двух новых областей — Кубанской и Терской, Рудзевич в особой докладной записке князю Барятинскому высказался против этого преобразова-

ния, чем заслужил холодность со стороны Барятинского. После преобразования войска Рудзевич, поэтому, был назначен в распоряжение главнокомандующего войсками в царстве Польском, был затем губернатором в Костромской губернии в течение шести лет, состоял при Министерстве Внутренних дел и, наконец, удалился доживать свои последние дни в г. Симферополь.

Николай Агапович Иванов 13-й

генерал-майор, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области с 31 августа 1861 года по 23 августа 1863 года

Н.А. Иванов был первым наказным атаманом вновь образованного Кубанского казачьего войска. Родился он в 1813 году и происходил из дворян Рязанской губернии; по окончании курса в Павловском кадетском корпусе. был зачислен в 1830 году прапорщиком в 10-ю артиллерийскую бригаду. В 1831 году Н.А. Иванов был произведен в подпоручики, в 1834 г. в поручики, в 1839 году в штабс-капитаны, в 1841 г. переименован в капитаны, в 1844 г. произведен в майоры, в 1848 г. в подполковники, в 1852 г. в полковники, в 1858 году в генерал-майоры и в 1866 г. в генерал-лейтенанты.

Генерал Иванов состоял кавалером орденов: св. Георгия IV класса за 25 лет офицерской службы, св. Владимира IV ст. с бантом, св. Анны I-й ст. с Императорской короной, такой же степени с мечами и III ст., св. Станислава I ст.; имел польский знак отличия за военные достоинства IV ст., золотую саблю с надписью «за храбрость», серебряную медаль за взятие штурмом замка Ахульго, знак отличия беспорочной службы за XX лет, светло-бронзовую медаль на андреевской ленте в память войны 1853—1856 годов и крест за службу на Кавказе.

В разное время Н.А. Иванов нес обязанности адъютанта в правлении начальника парков действующей армии с 1831 г.;

в 1841 г. он был переведен в строительный отряд путей сообщения на Кавказе, в 1843 году утвержден начальником 1-й дистанции отделения VIII округа путей сообщения, в 1846 году назначен столоначальником отделения правления того же VIII округа, затем в 1852 году переведен был в корпус инженеров военных поселений и в том же году назначен начальником VIII округа корпуса инженеров военных поселений, в 1855 году назначен исправляющим должность Кутаисского гражданского губернатора и в 1858 г. утвержден в этой должности, наконец, 15 сентября 1861 г. на него были возложены обязанности наказного атамана Кубанского казачьего войска.

В 1831 году Н.А. Иванов участвовал в войне с польскими мятежниками, в 1838 году в экспедиции в Абхазию и вообще против горцев восточного берега Черного моря, в 1839 г. в походах по Дагестану; в 1841 году в движениях русских войск против горцев по восточному берегу Черного моря, в 1852 году в экспедиции на правом фланге Кавказской линии.

Н.А. Иванов вступил в должность наказного атамана Кубанского войска при преобразовании этого войска и вынес на своих плечах, так сказать, черную работу по организации войскового управления и упорядочения разного рода частностей.

Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон

генерал-адъютант, генерал-лейтенант, наказной атаман Кубанского казачьего войска, начальник Кубанской области и командовавший в ней войсками с 23 марта 1863 года по 3 февраля 1869 года

Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон родился 24 января 1821 года и происходил из иностранных дворян.

По окончании полного курса наук в артиллерийской академии, Феликс Николаевич был зачислен в 1836 году фейерверкером в артиллерийское училище; в 1839 году переимено-

ван в фейерверки 1 класса; в 1840 году произведен в прапорщики с зачислением по артиллерии и с оставлением при артиллерийской академии для продолжения курса высших наук; в 1842 и 1843 годах состоял в лейб-гвардии конной артиллерии; в 1844 году прикомандирован к штабу Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера; в 1847 году произведен в подпоручики; в 1848 году отчислен от штаба в легкую № 1-ю батарею лейб-гвардии конной артиллерии; в 1849 году произведен в штабс-капитаны; в 1852 году назначен адъютантом к военному министру с оставлением по той же артиллерии; в 1854 году произведен в капитаны; в январе 1856 года — в полковники с назначением к военному министру для особых поручений; в апреле того же 1856 года назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству с оставлением в лейб-гвардии конной артиллерии; в 1857 году назначен вице-директором канцелярии военного министерства; в 1858 г. определен командиром 81 пехотного Апшеронского полка; в 1860 году, за отличие в делах против горцев, произведен в генерал-майоры, с оставлением в той же должности и с назначением в свиту Его Величества; в 1861 году назначен помощником начальника Кавказской гренадерской дивизии; в 1863 году марта 23 ему поручено было исправлять должность наказного атамана Кубанского казачьего войска, в каковой должности он был утвержден 23 августа 1863 г.; в том же 1863 году августа 25-го он назначен был начальником Джубгского отряда; в 1864 году произведен в чин генерал-лейтенанта; 6 января 1865 года назначен начальником Кубанской Области и командующим войсками, в ней расположенными, наконец, 17 апреля 1866 года генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству с оставлением в тех же должностях.

В течение своей долголетней служебной деятельности граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон участвовал в походах и сражениях против венгров в 1849 году, против турок,

французов и англичан в 1854, 1855 и 1856 годах, и против кавказских горцев в 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годах.

Граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон состоял кавалером орденов: св. Анны 1 ст. с Императорской короной и мечами, 1 ст. без короны и мечей, 2 ст. с Императорской короной, 3 степ., св. Станислава 1 ст. с мечами и 2 ст., св. Владимира 2 ст. с мечами, 3 ст. с мечами и 4 ст., иностранных орденов: австрийского Леопольда, баварского св. Михаила и Гессен-Кассельского креста Вильгельма; имел золотую саблю с надписью «за храбрость», бронзовую медаль в память севастопольской войны, крест, установленный за службу на Кавказе, и получил одновременно несколько монарших благоволений.

Граф Феликс Николаевич вступил в отправление обязанностей наказного атамана Кубанского казачьего войска в то время, когда завершалось дело покорения Западного Кавказа, когда, при раскатах грома русских орудий и ожесточенных схватках победителей с побежденными, колонизовались горы когда-то недоступного Западного Кавказа, когда, вместе с преобразованием края, население Кубанской области начало быстро пополняться новыми казачьими элементами. Граф Сумароков-Эльстон, поэтому, на первых же порах своей атаманской деятельности обратил особое внимание на внутреннюю жизнь края, положивши в основу всего народное образование, первоначальному развитию которого он особенно много содействовал.

Михаил Аргирьевич Цакни

генерал-лейтенант, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области с 3 февраля 1869 года по 14 июня 1873 года

Михаил Аргирьевич Цакни, из дворян Таврической губернии, воспитывался в частном учебном заведении и посту-

пил на службу 9 мая 1834 года унтер-офицером в бывший Нашенбургский пехотный полк. По расформировании этого полка, М.А. перешел в Черноморский № 4 батальон 5 июня того же года и 15 июня был переименован в подпрапорщики вследствие признания за ним дворянского достоинства. В следующем 1835 году он произведен был в портупей-прапорщики, в 1837 г. в прапорщики, 17 мая 1841 года в подпоручики, августа 22 того же года, за отличие в делах против горцев, в поручики, в 1843 г. в штабс-капитаны, в 1847 — в капитаны, в 1852 году в майоры, в 1856 году в подполковники, в 1858 году в полковники, в 1861 году в генерал-майоры и в 1864 году в генерал-лейтенанты.

Начавши службу, после расформирования бывшего Нашенбургского полка, в Черноморском № 4 батальоне, М.А. Цакни в 1841 году перешел в Черноморский линейный № 11 батальон; в следующем году он был командирован в штаб начальника Черноморской береговой линии; в 1843 году назначен старшим адъютантом в штабе; в 1845 году переведен в Черноморский линейный № 7 батальон, с оставлением в той же должности; в 1850 году назначен штаб-офицером для особых поручений при начальнике Черноморской береговой линии; в 1856 году, по упразднении штаба начальника Черноморской береговой линии, назначен в распоряжение наказного атамана Черноморского казачьего войска; в 1858 году дежурным штаб-офицером штаба войск правого крыла Кавказской линии; в 1861 году начальником штаба Кубанского казачьего войска; в 1862 году помощником генерал-интенданта Кавказской армии; в 1865 году — помощником начальника Кубанской области; наконец, Высочайшим приказом 3 февраля 1869 года назначен начальником Кубанской Области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска, с зачислением по армейской кавалерии.

За свою служебную деятельность и отличия М.А. Цакни получил в разное время следующие ордена и награды: св. Вла-

димира II, III и IV ст. с бантом за выслугу 25 лет, св. Анны I ст. с мечами, II ст. с мечами и III ст. с мечами и бантом, св. Станислава I ст. с мечами, II ст. с мечами, той же степени с Императорской короной и мечами и III ст., золотую саблю с надписью «за храбрость», знак отличия беспорочной службы за 20 лет, светло-бронзовую медаль на георгиевской ленте в память войны 1853—1856 годов, крест за службу на Кавказе, медаль за покорение Западного Кавказа, золотую медаль 1861 года, знак отличия 1863 года за участие в составлении положения об освобождении зависимых сословий в горских обществах Кубанской области, несколько монарших благоволений и 2500 дес. земли.

Как всю вообще службу, генерал Цакни начал на Кавказе и свою боевую деятельность, которая была проведена им почти исключительно в военных действиях с горцами Западного Кавказа и восточного берега Черного моря. Так, он участвовал в делах с горцами восточного берега Черного моря в 1835 и в 1838 годах, февраля 29-го 1840 года находился при взятии черкесами Вельяминовского форта и, несмотря на личную храбрость и мужественную защиту этого форта гарнизонном, был взят в плен горцами, где и пробыл до 11 мая того же года; в 1841 г. находился в деле с горцами при укреплении Теньгинском и в наступательном движении отряда контр-адмирала Серебрякова; в 1842 г. участвовал в экспедиции против натухайцев; а в 1851, 1852 и 1853 годах в движениях отряда вице-адмирала Серебрякова по верховьям ущелий Баканского, Худако, Псебенса, Геченсина, Займеса и Адагума, в землях дальних натухайцев, джегетов, по р. Адагуму, против скопищ Магомет-Амина и пр., пр; в тех же местах, т.е. вблизи Геленджика, Новороссийска, Анапы, Раевского форта и др. проведена была боевая деятельность Михаила Аргирьевича и в течение войны 1853—1856 годов, причем он участвовал в движении эскадры вице-адмирала Серебрякова к Трапезонду; наконец, 1856, 1857, 1858 и 1860 годы также прошли

для М.А. Цакни в беспрестанных экспедициях против горцев северной части нынешнего Черноморского округа, южной части Темрюкского уезда и западной части бывшего Закубанского. Большую часть своих наград и повышений по службе Михаил Аргирьевич получил именно за свою боевую деятельность в названных местах Западного Кавказа и Черноморского побережья.

Четыре с лишком года атаманской деятельности Михаила Аргирьевича Цакни в Кубанском войске прошли в заботах по внутреннему упорядочению войска и края. В это время в Кубанском войске было введено положение 1870 года и начаты первые работы по размежеванию казачьих земель, т.е. проведены в жизнь казачества такие два акта, которые существенно изменили прежний строй этой жизни. Первым из этих актов были ясно определены и отграничены права казачества в станичном, общинном самоуправлении; вторым окончательно установлены существующие ныне формы земельной собственности. На Михаиле Аргирьевиче, как наказном атамане и начальнике области, лежала тяжелая ноша согласовать требования нового закона с практикой и традициями существовавшей до того действительности.

Николай Николаевич Кармалин

генерал-лейтенант, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области с 14 июня 1873 года по 23 января 1883 года

Николай Николаевич Кармалин происходит из дворян Рязанской губернии; родился 25 мая 1824 года; первоначальное воспитание получил в 1-м Московском кадетском корпусе, а высшее образование в Николаевской академии генерального штаба, где кончил полный курс наук по 1 разряду. В службу вступил прапорщиком лейб-гвардии в Московский полк в 1842 году августа 8, а 22 того же месяца 1844 года

был произведен в подпоручики. В 1847 году 25 августа поступил в Николаевскую академию генерального штаба и 6 декабря того же года произведен в поручики; в 1849 году по окончании курса наук выпущен из академии и 19 июня причислен к генеральному штабу. За отличные успехи в науках в Николаевской академии генерального штаба произведен в штабс-капитаны в 1849 году июня 28. В том же году во время войны против мятежных венгров за оказанную храбрость и понесенные труды Н.Н. Кармалину 13 августа объявлено Высочайшее благоволение. Рескриптом Его Величества Императора Австрийского к генерал-адъютанту Граббе Николай Николаевич удостоился получить 18 сентября 1849 г. живеюшую признательность Его Величества на строгий порядок и неутолимые труды в Венгрии. За усмирение Венгрии и Трансильвании награжден был серебряной медалью. В 1850 г. 30 января Н.Н. Кармалин был причислен к гвардейскому штабу и в следующем назначен старшим адъютантом в штаб гвардейского пехотного корпуса по части генерального штаба. В 1852 г. за усердную службу удостоился получить 5 января благодарность Его Высочества Наследника Цесаревича и в том же году произведен в капитаны и назначен состоять при штабе Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, главнокомандовавшего гвардейским и гренадерскими корпусами. За усердную службу в том же году 22 декабря удостоился получить благодарность Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. В 1853 г. за отличное исполнение поручений по предмету чтения лекций тактики для старших офицеров гвардейского и гренадерского корпусов вновь удостоился получить благодарность Его Высочества и был назначен 28 октября исправляющим должность адъютант-профессора тактики в Николаевской академии генерального штаба. В 1854 г. во время войны с англо-французами находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии, исполняя обязанности дивизи-

онного квартирмейстера 1 легкой гвардейской кавалерийской дивизии. В 1855 году Н.Н. Кармалин произведен в полковники и 19 февраля при вступлении на престол Государя Императора Александра Николаевича ему объявлено, в числе прочих, Высочайшее благоволение. Высочайшим приказом, состоявшимся 14 января 1856 года, назначен исправляющим должность обер-квартирмейстера гвардейского пехотного корпуса и в том же году 26 августа за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивейше награжден орденом св. Станислава 2 ст. и пожалован бронзовой медалью в память войны 1853—1856 гг.; кроме того, за смотры, маневры, ученья и парады в присутствии Государя Императора в том же году Н.Н. Кармалину объявлено Именное Высочайшее благоволение.

В 1857 году 1 января Высочайшим приказом он назначен начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии и в том же году за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивейше награжден орденом св. Станислава 2 ст. с Императорской короной. В 1858 году за смотры и парады объявлено именное Высочайшее благоволение. Высочайшим приказом 24 января 1859 года назначен исправляющим должность начальника штаба 3-го армейского корпуса с переводом в генеральный штаб и 22 августа того же года награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет.

В 1861 году Николай Николаевич Кармалин за отличие по службе произведен в генерал-майоры с утверждением в должности начальника штаба 3-го армейского корпуса. 5 октября 1862 года с Высочайшего соизволения назначен состоять в распоряжении командовавшего Кавказской армией и в том же году исправлял должность генерал-квартирмейстера Кавказской армии. С 29 марта по 1 декабря, 26 января 1864 года Николаю Николаевичу поручено было временное командование войсками, на левом берегу р. Алазани расположенными, и исправление должности начальника Верхнего

Дагестана и в том же году на основании Высочайшего указа награжден серебряной медалью с надписью «за покорение Западного Кавказа в 1859—1864 гг.» и крестом за службу на Кавказе. 3 ноября того же года за отличие в делах с горцами награжден орденом св. Владимира 3 ст. с мечами, а в следующем году 4 апреля за отличие по службе награжден орденом св. Станислава 1 ст. В 1865 году по упразднении бывшего управления Верхнего Дагестана назначен исправлять должность военного начальника Среднего Дагестана и 4 сентября Высочайше утвержден в этой должности. В 1867 году 8 декабря за отлично усердную службу награжден орденом св. Анны 1 ст. В 1869 году Высочайшим приказом назначен Эриванским военным губернатором и управляющим гражданской частью, с оставлением в генеральном штабе. Высочайшим приказом 30 августа 1869 года за отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в генеральном штабе. За участие и приведение в действие положения об освобождении зависимых сословий в горских обществах Дагестанской области Всемилостивейше пожалован установленной в 1861 и 1863 гг. особой медалью и знаком отличия в июне 1870 года. За отлично-усердную службу Высочайшим приказом 24 сентября 1871 года Всемилостивейше награжден орденом св. Владимира 2 ст. В 1872 году 26 мая Его Величество Султан Турецкий пожаловал Н.Н. Кармалину орден Меджидие 1 ст., на принятие коего последовало Высочайшее разрешение. Затем Высочайшим приказом от 17 июня 1873 г. Николай Николаевич назначен на должность начальника Кубанской области и наказного атамана войска Кубанского с оставлением в генеральном штабе. В том же году Шахом Персидским пожалован орденом Льва и Солнца. В 1874 г. за отлично-усердную службу Всемилостивейше награжден орденом Белого Орла.

Высочайшим повелением, состоявшемся 3 февраля 1877 г., зачислен с потомством в число жителей ст. Полтавс-

кой Кубанского войска, с присвоением ему лично звания почетного старика станицы; в том же году мая 14 приказом по Кавказскому военному округу назначен командующим войсками, расположенными в Кубанской области и Черноморском Округе с представлением прав корпусного командира. За отлично-усердную и ревностную службу и особые заслуги, оказанные в течение войны 1877—1878 гг., Всемилостивейше пожалован орденом св. Александра Невского апреля 16-го 1878 г.

23 января 1882 года Николай Николаевич Кармалин назначен членом военного совета с зачислением по Кубанскому казачьему войску, а 15 мая 1883 года за отличие по службе произведен в генералы от инфантерии.

В 1838 г. вследствие просьбы общества жителей ст. Ключевой воспоследовало Высочайшее соизволение на принятие Н.Н. Кармалину предложенного ему звания почетного старика ст. Ключевой.

В 1849 году Н.Н. Кармалин, по воле начальства, был командирован в действующую русскую армию в Венгрии и находился при обложении крепости Каморина с 26 августа по 3 сентября. В 1863 году он принимал деятельное участие в двух отрядах — сначала в Джубгском и затем Адагумском, действовавших против горцев Кубанской области. Наконец, в течение последней войны с Турцией в 1877—1878 годах Николай Николаевич командовал войсками, расположенными в Кубанской Области и в Черноморском округе.

Десятилетняя деятельность Николая Николаевича Кармалина в должности наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской Области бесспорно займет самое видное место в истории этого войска. Имя этого наказного атамана всегда будет связано с тем общим экономическим подъемом края и культурным ростом его, какими сопровождалось управление Николая Николаевича кубанскими казаками и областью. Николай Николаевич был не толь-

ко выдающимся администратором, но и высокообразованным начальником и редким для населения человеком. Солидное образование, обширная эрудиция в области экономических и общественных вопросов, широкое знакомство с делом, простота в обращении и глубокий интерес к нуждам края и казака — таковы те основные черты, которыми была проникнута от начала до конца деятельность Николая Николаевича в Кубанской области. Экономическое развитие края, земледелие, торговля, пути сообщения, станичное самоуправление, казачьи общинно-земельные порядки, школьное дело, изучение края и пр., пр., — все это останавливало на себе внимание Николая Николаевича, ко всему этому он относился с редким интересом и заботливостью. В вопросах внутреннего развития Николай Николаевич не ограничивался узкими рамками одной окружающей действительности, но обращался к примерам истории и к широкому знакомству с аналогичными явлениями из жизни Русского государства. Так, относясь с особой заботливостью к упорядочению казачьего общинного землепользования, в основу своих распоряжений по этому предмету, циркуляров, личных советов и указаний казакам он клал, с одной стороны, органическую связь развивавшихся в казачьей общине земельных порядков с историческим прошлым казачьего землевладения, а с другой, указания опыта в России вообще, и нужно заметить, что с этой целью Николай Николаевич не пропускал ни одной статьи в печати по вопросу о русской земельной общине и знаком был с предметом не хуже любого специалиста. При таком отношении к делу, Николай Николаевич соединял простоту в обращении с редкой терпимостью. Николай Николаевич любил выслушивать противоречия и возражения, чтобы лучше оценить ту или другую задуманную им меру. Всем памятен циркуляр его, напечатанный в свое время в «Кубанских Ведомостях», циркуляр, в котором он просил всех не стесняясь указывать на недостатки административного управления в крае. К Нико-

лаю Николаевичу имел доступ всякий, и достаточно было двух-трех вопросов с его стороны, как проситель или даже виновный в каком-либо проступке чувствовал, что найдет в своем начальнике справедливый приговор и гуманную поддержку. Население всегда умело ценить эти высокие качества в своем атамане и относилось к нему с редкой доверчивостью для рядового казака. В среде кубанцев и теперь еще продолжают теплиться чувства самой искренней и нелицеприятной привязанности к своему бывшему начальнику, а широкое развитие народного образования, энергичная и разумная поддержка лучших сторон казачьей общины и заботы об экономическом росте края навсегда останутся яркими фактами просвещенной деятельности Н.Н. Кармалина для будущей истории Кубанского края.

Сергей Алексеевич Шереметев

генерал-адъютант, генерал-лейтенант, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области с 29 января 1882 года по 8 февраля 1884 года

Сергей Алексеевич происходил от древнего боярского рода Шереметевых, представители которого во все царствования своими важными заслугами и присущими этой фамилии высокими чертами благороднейшего и рыцарски честного характера, выдвигались на высшие ступени государственной деятельности. Родился он 24 марта 1837 года, воспитание получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и вступил в службу корнетом 13 августа 1853 года в гусарский Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича полк. В 1854 году 21 ноября на вакансию произведен в поручики, а 27 декабря того же года по распоряжению начальства переведен в Нижегородский драгунский Его Королевского Высочества Наследного принца Виртембергского (ныне Его Величества Короля

Виртембергского) полк. Вскоре по прибытии в полк, в марте месяце 1855 года, С.А. Шереметев назначен состоять при главнокомандовавшем отдельным Кавказским корпусом. С открытием военных действий в пределах Азиатской Турции Сергей Алексеевич, находясь в распоряжении главнокомандовавшего отдельным Кавказским корпусом, участвовал в следующих делах и движениях главного Александропольского отряда: 17 сентября при штурме частью наших войск кр. Карса, причем из захваченных 23 неприятельских орудий вывезено 4 и взято 14 знамен и значков; после 5-часового упорного боя штурмовавшие войска отведены на прежние позиции и блокада кр. Карса восстановлена прежним порядком; 16 ноября, при сдаче кр. Карса, гарнизон этой крепости, доведенный до крайности бдительной и неусыпной шестимесячной блокадой наших войск и лишенный всякой возможности как в подвозе жизненных припасов, так и в получении подкреплений войсками, убедился в невозможности держаться далее и потому предложил главнокомандовавшему кавказским корпусом, генерал-адъютанту Муравьеву сдаться на капитуляцию; по определении условий сдачи, 16 ноября в 2 часа пополудни, кр. Карс с полным вооружением, около 130 орудий, до 26 т. ружей, штуцеров и карабинов, 12 полковых, 18 других частей знамен и всем вообще казенным имуществом, сданы нам; главнокомандовавший турецкой армией Мушир-Васиф-паша со своим штабом, 10 других пашей, состоявший при гарнизоне кр. Карса английской службы генерал-майор Вилиамс со своим штабом, состоявшим из английских штаб- и обер-офицеров и чиновников, и гарнизон крепости со всеми штаб- и обер-офицерами, сдались нам военнопленными. Падением Карса уничтожена окончательно анатолийская армия, состоявшая при открытии кампании 1855 года из 30 т. чел., из этого числа около 2 т. человек взято в плен одновременно в течение кампании до сдачи крепости; до 3 т. чел. успело пробраться из крепости во время блокады,

более 8 т. погибло в бою с нами от холеры, голода и истощения; до 8 т. человек регулярных войск и до 7 т. бессрочно-отпускных регулярных же войск (редифы), баши-бузуков и лазов сдались военнопленными, около 2 т. чел. оставлено турками больными в Карсе при сдаче крепости. Вслед затем, с 25 ноября до 10 декабря, Сергей Алексеевич Шереметев был при роспуске Александропольского отряда на зимние квартиры, после чего и возвратился в Тифлис 13 декабря.

22 декабря 1856 года С.А. Шереметев отчислен от полка с назначением состоять для особых поручений при главнокомандовавшем Кавказской армией. В 1858 году с 22 июня по 1 сентября С.А. Шереметев находился в экспедиции лезгинского отряда в непокорные общества: Анцух-Капучу, Анцироссо, Ухнада, Богнада, Иланхеви и Дидо; причем были следующие дела и перестрелки: 12 июня при взятии завалов на ур. Зикари-Кат, 15 — на высотах Жеко; 16 — взятие штурмом сильных неприятельских укреплений на высотах Гарух-Меор; 18 — при взятии Атцухской крепости Гетыны-Ген, причем взято 2 орудия; 19 — при переправе через р. Сара-Ор и взятии штурмом аула Ток; 20 июля — при взятии аулов: Колда, Мачара и Кабасида; 22 — при движении отряда из Атцуха к аулу Калаки, по ущелью р. Хвон-Ор; 25 — при движении части отряда от урочища Закари-Кат на высоты Тинача; 1 августа при взятии завалов на высотах Чумакало; 2 — при переправе через р. Черель-Ор и занятии Анурасского аула Глафата; 5 — при взятии и разорении Богнадальских аулов: Цикиль и Никар; 12 — при совершенном поражении партии наибов Багазского и Иланхезского на высотах Бала-Кури; 18 — при взятии и разорении Иланхевских аулов: Эшигля и Генатля; 20 августа при взятии штурмом сильно укрепленного и упорно защищаемого Иланхевского аула Китури. С.А. Шереметев, вызвавшись в охотники с 3-й стрелковой ротой лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка для взятия штурмом башен и саклей, наиболее способствовавших упор-

ной обороне и сильно защищаемых горцами, несмотря на жестокий неприятельский огонь, первым ворвался в аул и, приняв после убитого прапорщика князя Микеладзе начальство над первым взводом 3-й стрелковой роты, выбил горцев из нескольких башен и саклей и тем дал возможность занять и зажечь большую часть аула. За этот выдающийся подвиг храбрости С.А. Шереметев Всемилостивейше награжден орденом св. Георгия 4 ст. В 1859 году 24 марта за отличие по службе он был произведен в штабс-ротмистры, с 21 июня по 26 июля находился в отряде в Чечне под личным начальством главнокомандовавшего Кавказской армией; в том же году 6 августа С.А. Шереметев назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и 9 августа переведен в лейб-гвардии конно-гренадерский полк с переименованием в штабс-капитаны и с оставлением в звании флигель-адъютанта. В 1860 году военная деятельность С.А. Шереметева, произведенного в капитаны, переносится на правый фланг, в пределы нынешней Кубанской области, где в составе главного Шапсугского отряда он участвовал в следующих делах и перестрелках. 20 апреля на рекогносцировке левого нагорного берега Кубани в направлении на р. Иль; 21 — в балке Катляמידжи при выборе места для устройства промежуточного редута; 24 — при передвижении отряда с Кубани на р. Иль; 25 — на рекогносцировке между р.р. Илем и Азипсом; 27 — в перестрелке при движении отряда по р. Иль и в жарком деле при штурме части аула Кабаниц; 28 — в перестрелке при очистке места для лагеря; 29 — на рубке леса и разработке дороги; 1 мая — в жарком деле при занятии остальной части аула Кабаниц и движении двух колонн в глубь страны, для рубки просек; 2 — в перестрелке при фуражировке; 8 — в перестрелке на рубке леса по правому берегу р. Иль и на фуражировке; 9 — при движении отряда к аулу Эмпсихиако и при занятии его; 12 — в перестрелке на рубке леса у передового редута и при уничтожении близлежащего аула; 15 — при руб-

ке просеки в направлении на р. Убин и при движении легкой колонны на позицию у аула Кабаниц; 16 — при рубке просеки на р. Убине; 17 — на рубке просеки по Анапской дороге; 18 — в деле при рубке леса на обеих сторонах р. Убина и при взятии с боя аулов на этой же реке; 20 — в перестрелке при рубке просеки на р. Убине. Затем — перейдя в состав среднешапсугского отряда, С.А. Шереметев участвовал в следующих делах и перестрелках: 25 мая — на рубке леса по направлению от урочища Эмпсихиако на р. Азипс; 27 — при отбитии партии горцев, бросившихся на место водопоя; 30 — на рубке просеки в направлении на р. Азипс; 6 июля — при уничтожении пластунами двух аулов во время рубки строевого леса на р. Убине и при фуражировке на р. Азипсе; 9 — при отступлении пластунов от разоренного ими аула в ущелье р. Иль и при возвращении колонны с р. Кубани на урочище Кабаниц; 10 — при занятии аулов, лежащих вправо от дороги, разрабатываемой на р. Убине; 14 — при уничтожении аулов вдоль р. Иль. С 15 мая по 4 июня С.А. Шереметев участвовал во всех движениях колонн, высланных из отряда на фуражировки, рубку леса, и проч.; 5 июля он находился при истреблении аулов, лежащих близ вновь проложенной дороги на р. Кубань; 10 июля участвовал в деле при отбитии стада скота на р. Убине; 11 — в жарком деле при истреблении аулов: Кияб, Боргуж и Кушо-Хабль; 16, 19 и 20 июля — в перестрелках на фуражировках; 31 — в деле при набеге части отряда в долину между р.р. Азипс и Хабль, для уничтожения собранных горцами хлебных запасов, отбития скота и истребления большого аула Каразук; с 23 по 30 июля в незначительных перестрелках с колоннами, посылаемыми для рубки леса на фуражировки и для конвоирования на р. Кубань обоза; 6, 7, 11, 13, 14, 15, 18 и 19 августа в перестрелках в колоннах, посылавшихся на фуражировки и на рубку хвороста и за деловым лесом на р. Кубань к посту Великолагерному; 23 сентября при отбитии партии, бросившейся на наш пикет; 25 — при разорении

двух больших аулов в долине р. Азипса; 7 ноября — при набе-ге для разорения хуторов, лежащих по р. Убину; 30 — при передвижении отряда от Ильского укрепления на урочище Тучуз-Маше; 1 декабря при рекогносцировке Анапской дороги и на фуражировке в долине Богай; и 3 — при уничтожении большого аула Пшижиатук на р. Азипсе. 11 июля 1861 года Сергей Алексеевич был переведен в Кубанское казачье войско подполковником с оставлением в звании флигель-адъютанта и в том же году 13 сентября за отличие в делах с горцами награжден золотой шашкой с надписью за «храбрость», за такое же отличие 28 октября Всемиловейше пожалован орденом св. Станислава 2 ст. с мечами, а 13 ноября назначен командиром 13 полка Кубанского казачьего войска.

В 1861 году с 7 февраля по 13 октября С.А. Шереметев находился в составе Абадзехского отряда, занимавшегося устройством дороги между укр. Майкопским, станиц. Лабинскою и укр. Хамкеты, устройством Абадзехской кордонной линии и постройкой станиц Нижне-Фарской и Кужорской, и рубкой просеки вверх по р. Фарсу.

В 1862 году 28 апреля С.А. Шереметев зачислен по армейской кавалерии с оставлением в звании флигель-адъютанта, а в следующем году 5 декабря по Высочайшему повелению назначен командующим Собственным Его Величества конвоем. 10 апреля 1864 года произведен в полковники. В 1865 г. 30 августа Всемиловейше награжден орденом св. Владимира 4 ст., а в 1866 году 28 октября пожалован бриллиантовым перстнем с вензелевым изображением имени Его Высочества Государя Наследника Цесаревича. В 1867 году 30 августа за отличие по службе награжден орденом св. Анны 2 ст. В 1869 году 24 мая, по отчислении от должности командира Собственного Его Величества конвоя, зачислен по гвардейской кавалерии и 30 августа награжден орденом св. Владимира 3 степени.

В 1872 году 16 апреля С.А. Шереметев за отличие по службе произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его

Величества. 21 мая 1874 года Всемиловнейше пожалован бронзовой медалью в память столетнего юбилея военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия, а в следующем году 28 мая награжден участком земли в 300 десятин на Кавказе в Черноморском округе и в этом же году 30 августа за отличие по службе пожалован орденом св. Станислава 1 ст. В 1876 году 12 августа Сергей Алексеевич был назначен командующим сводной Кавказской казачьей дивизией с оставлением в свите Его Величества. Приказом по Кавказскому военному округу 27 ноября 1876 года назначен командующим 1-й сводной Кавказской кавалерийской дивизией, которая под его начальством в следующем 1877 году поступила в состав действовавшего корпуса на Кавказско-Турецкой границе. Во главе своей дивизии С.А. Шереметев участвовал 12 апреля при переходе через границу главных сил корпуса под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и авангарда Ахалцыхского отряда под начальством генерал-лейтенанта Девеля, в кавалерийской перестрелке у Джелаб-Кичута и Молла-Муса; 16 апреля в перестрелке кавалерии под Карсом, у Азат-Кева; 26 апреля под начальством С.А. Шереметева была произведена кавалерийская рекогносцировка по с. з. сторону Карса; 1 мая происходила усиленная рекогносцировка Ардагана; 4 мая — бомбардирование Ардагана и штурм Гелявердинских высот, рекогносцировка с.-в. фортов Карса и кавалерийское дело под начальством свиты Его Величества генерал-майора князя Челобаева, впереди укр. Карадаг; 5 мая совершилось взятие Ардагана войсками генерал-лейтенантов Геймана и Девеля под личным начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова. С 22 мая начала устанавливаться блокада крепости Карса; 28 мая произведена рекогносцировка северных фортов Карса лично Его Императорским Высочеством главнокомандующим Кавказской армией, причем произошла вылазка турок из Карса и дело у Мелик-Кея; 30 мая войска, состоявшие пол начальством

С.А. Шереметева, отразили вылазку войск Карского гарнизона с северных фортов; 4 июня началось бомбардирование северо-восточных фортов Карса: Араба, Карадага и Мухлиса; 10 июня С.А. Шереметев со вверенными ему войсками вторично отразил вылазку части Карского гарнизона перед укр. Карадагом; 25 и 28 июня было прекращено бомбардирование и снята блокада Карса; 6 августа вновь начались военные действия усиленной рекогносцировкой генерал-адъютантом Лорис-Меликовым Аладжинской позиции турок, причем произошел бой колонны полковника Комарова 4-го на горе большой Ягны. 20, 21 и 22 сентября С.А. Шереметев участвовал в знаменитом трехдневном сражении с турецкой армией под Аладжинскими высотами и у гор Большой и Малой Ягны, под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества главнокомандующего армией. Затем после целого ряда сражений с турками, в которых С.А. Шереметев принимал деятельное участие со вверенной ему дивизией, 8 октября крепость Карс была вторично обложена нашими войсками, а в ночь с 5 на 6 ноября произведен штурм и взятие крепости Карса войсками действующего корпуса под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под непосредственным руководством Его Императорского Высочества главнокомандующего армией.

Кроме чисто боевой деятельности в рядах славной Кавказской армии, С.А. Шереметев, облеченный высоким Царским доверием, неоднократно выполнял весьма серьезные поручения. Так, в ноябре 1862 года по Высочайшему повелению он был командирован в Москву для нахождения при Государе Императоре во время Высочайшего там пребывания, и оттуда послан с поручением к генерал-фельдмаршалу князю Барятинскому. В 1863 году в январе месяце тоже по Высочайшему повелению он был командирован в Харьковскую губернию, для присутствования при наборе рекрут, а в

апреле — в Смоленскую губернию для присутствия при сборе бессрочноотпускных чинов. 11 августа 1864 года С.А. Шереметев отправляется в Москву для нахождения при Государе Императоре, причем он имел счастье представить на Высочайший смотр следовавший с Кавказа лейб-гвардии 3-й Кавказский казачий эскадрон Собственного Его Величества конвоя. Затем в октябре 1865 года в подмосковном имении Ее Величества в селе Ильинском представлены им на Высочайший смотр следовавшие с Кавказа молодые туземцы Кавказского и Закавказского края, выбранные на укомплектование лейб-гвардии Кавказского эскадрона. В 1871 году в сентябре месяце С.А. Шереметев командирован в г. Тифлис для нахождения при Государе Императоре во время Высочайшего там пребывания. В 1872 г. июня 2 для той же цели был послан в Москву, в 1875 г. августа 25 в г. Киев. Наконец в 1883 году с 24 апреля по 22 июня Сергей Алексеевич находился в г. Москве для присутствия при Священном Коронавании Их Императорских Величеств.

За отличие, оказанное 4 и 5 мая 1877 года при взятии кр. Ардагана, Всемилостивейше пожалован 20 октября орденом св. Анны 1 ст. с мечами, в том же году приказом по Кавказской армии и Кавказскому военному округу за 26 сентября назначен начальником 1-й сводной Кавказской кавалерийской дивизии. За особое отличие в делах против турок на Аладжинских высотах Всемилостивейше пожалован 7 декабря 1871 года орденом св. Владимира 2 степени с мечами. В следующем году 5 мая назначен начальником Саракамышского отряда, а потом 10 июня начальником Эрзерумского отряда. За отличие в делах против турок 27 июля 1878 года произведен в генерал-лейтенанты с утверждением в должности начальника сводной Кавказской казачьей дивизии.

По окончании последней турецкой войны 21 января 1879 года Высочайшим приказом С.А. Шереметев назначен начальником 2-й Кавказской кавалерийской дивизии и в том

же году 21 февраля генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству с оставлением в занимаемой должности. В 1881 году с разрешения Военного Министра зачислен с потомством в войсковое сословие Терского казачьего войска в станице Есентукской.

В 1882 г. Сергей Алексеевич Шереметев Высочайшим приказом 23 января назначен начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска с оставлением в звании генерал-адъютанта и по гвардейской кавалерии. В 1883 году 1 января награжден орденом Белого Орла и в том же году Высочайше повелено зачислить его в войсковое сословие Кубанского казачьего войска по ст. Баталиашинской с присвоением звания почетного старика. В 1884 г. 8 февраля Сергей Алексеевич назначен помощником Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Командующего войсками Кавказского военного округа.

Двухлетнее управление Кубанским войском С.А. Шереметева оставило самые светлые воспоминания в среде кубанцев. Сергей Алексеевич обратил особое внимание на кубанских казаков, как на чисто военное сословие, много заботился об улучшении положения беднейших закубанских станиц и был одним из главных виновников тех административных преобразований в войске, какие воспоследовали в текущем 1888 году. Выходя из того взгляда, что кубанский казак является, с одной стороны, воином, а с другой, хозяином тех земель, которые были омыты кровью его предков, Сергей Алексеевич нашел крайне ненормальным громадный наплыв иногородних элементов в войско, по справедливости видя в этом обстоятельстве одну из главных причин, действовавших разрушающим образом на казачью военную общину и традиции. Отсюда естественно возникла мысль об административном преобразовании войска. Заботясь вообще об экономическом положении края, о школьном деле, об исправном

отбывании казаками повинностей и о многих других насущных нуждах казака, Сергей Алексеевич находил во всех случаях деятельную и усердную поддержку в среде кубанцев, знавших издавна своего атамана, благодаря его боевым подвигам на Кавказе и прежней службе в казачьем войске.

Георгий Алексеевич Леонов

генерал-лейтенант, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области с 24 марта 1884 года

Георгий Алексеевич Леонов происходит из дворян Войска Донского, родился апреля 21-го 1831 года, по окончании курса в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 26 мая 1849 года поступил на службу в лейб-гвардии казачий Его Величества полк корнетом. В 1853 году 6 декабря произведен в поручики; в 1855 г. апреля 12 в штаб-ротмистры и 18 мая того же года назначен командующим эскадроном. В 1826 году 26 августа награжден орденом св. Станислава 3 ст. В 1857 г. 25 августа командирован на службу в С.-Петербург с зачислением во 2-й дивизион лейб-гвардии казачьего полка, откуда возвратился на льготу в 1858 году. 3 апреля 1860 года Георгий Алексеевич произведен в ротмистры и 11 ноября того же года по собственному желанию переведен из гвардии в войско подполковником. В 1863 году 30 мая назначен командиром Донского казачьего 32-го полка. За отличие по службе произведен 16 октября 1865 года в полковники. В 1867 году января 29 возвратился с полком на Дон и 11 мая того же года назначен командиром Донского учебного казачьего полка; в 1869 году 26 февраля награжден орденом св. Анны 2 ст. и июля 31 того же года назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству с оставлением в должности командира Донского учебного казачьего полка. Затем в 1870 году 19 февраля Г.А. Леонов был исправляющим должность начальника штаба войска Донского с

оставлением в звании флигель-адъютанта; в том же году мая 21 за отличие по службе произведен в генерал-майоры со старшинством на основании Всемилостивейшего Манифеста 18 февраля 1762 года с назначением в Свиту Его Величества с утверждением в должности начальника штаба войска Донского. В 1872 г. 26 февраля награжден орденом св. Владимира 3 ст., а в 1874 г. 26 февраля награжден орденом св. Станислава 1 ст. В 1876 г. февраля 26 награжден орденом св. Анны 1 ст. и за отлично-усердную службу и особые труды, понесенные при сформировании призванных в минувшую восточную войну строевых частей войска Донского, 7 декабря 1878 года награжден орденом св. Владимира 2 ст., в 1883 г. 16 апреля Г.А. Леонов был назначен командующим 2 кавказской казачьей дивизией с оставлением в Свите Его Величества; в том же году мая 10 зачислен по войску Донскому с оставлением в настоящей должности и в Свите Его Величества; 3 декабря того же года по распоряжению командующего войсками Кавказского военного округа назначен председателем в комиссию по устройству Кубанского и Терского казачьих войск. Высочайшим приказом от 29 марта 1884 г. назначен начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска с оставлением в Свите Его Величества и по войску Донскому. За отлично-усердную службу Георгий Алексеевич 6 мая 1884 г. удостоился получить Монаршее именное благоволение, а 30 августа 1885 г. произведен в генерал-лейтенанты.

В лице Георгия Алексеевича кубанцы, после почти 30-летнего промежутка, вновь встретили атамана — казака по происхождению. Непосредственное знакомство с бытом казака, долговременная служба в рядах казачьего войска и в особенности широкая опытность, приобретенная Георгием Алексеевичем на очень важном посту начальника штаба Донского войска, создали ему заранее репутацию такого атамана, от которого Кубанское войско ожидало деятельной поддержки

готовившихся преобразований в войске. И действительно, осуществление новой реформы, направленной на поддержание казачества, было совершено Георгием Алексеевичем при широком содействии и сочувствии казачества. Георгий Алексеевич вообще пользуется любовью населения за свою деятельность по разным отраслям управления в области экономических мероприятий, станичного самоуправления, народного образования, благоустройства и порядка в строевых частях, за что казаки и сочли своей обязанностью избрать его почетным стариком в ст. Кореновской и Баталпашинской.

Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков

*генерал-адъютант, генерал от кавалерии, войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск, командующий войсками Кавказского военного округа и главнокомандующий гражданской частью на Кавказе**

Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков родился в 1820 году. Окончив курс наук в С.-Петербургском университете кандидатом прав, князь вступил в военную службу 12 января 1841 г. и через несколько месяцев был произведен в корнеты лейб-гвардии кирасирского Наследника Цесаревича полка, а в 1843 г. в чине поручика отправился служить на Кавказ.

В 1844 г. князь Александр Михайлович был назначен, на 24 году от роду, на должность чиновника особых поручений при командире отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанте Нейдгардте, от которого скоро перешел потом к князю Воронцову. С 26 июня 1846 г. до 29 сентября 1852 г. князь Александр Михайлович состоял при главнокомандующем адъютантом.

* Краткое извлечение из биографии князя А.М. Дондукова-Корсакова, составленной Н.А. Волконским. Кавказский Календарь на 1883 год.

Много трудов выпало на долю Александра Михайловича в продолжение тринадцатилетней службы его на Кавказе. Десять лет почти он не сходил с боевого коня и из них шесть лет при князе Воронцове (с 1845 по 1851 год). В эти годы он перебивал в разных пунктах Дагестана, Чечни и нынешней Кубанской области.

Первым боевым подвигом князя Александра Михайловича было участие его во взятии Дарго 6 июня 1845 года. Под главным начальством князя Воронцова отряды наши соединились в с. Гершме и 3 июня двинулись в Андию. От Гоцатля в Дарго войска следовали по узкому и глубокому ущелью верховьев Акса, покрытому лесом, трущобами и 29 завалами. Находясь в передовой колонне, князь Александр Михайлович с отвагой бросился в бой, но на третьем завале был ранен пулей в левую ногу ниже колена навывлет и выбыл из строя. За отличие в этом деле Александр Михайлович награжден золотой саблей с надписью «за храбрость». В апреле 1846 года князь Александр Михайлович, под начальством генерал-лейтенанта Фрейтага, участвовал в делах против горцев, вторгшихся в Кабарду под личным предводительством Шамиля. С 17 июня по 18 сентября того же 1846 года князь Александр Михайлович, состоя при особе главнокомандующего уже в должности адъютанта, в которую был назначен с переводом в гусарский Его Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергского полк, участвовал в боевых действиях с неприятелем в Чечне. Здесь князь произведен в штабс-ротмистры 7 августа 1846 года. С 8 по 23 января 1847 года князь Александр Михайлович участвует во всех трудах и столкновениях с горцами, предпринятых князем Воронцовым в Дагестане, в Галашевском обществе, к р.р. Алгус-Али, Кончи, Пфуты, Ассы и Фортанг. В феврале месяце князь был командирован главнокомандующим для осмотра пограничных кордонов на персидской и турецкой границах от Каспийского до Черного моря и инспектирования на постах донских казачьих полков. По

окончании этого поручения он находился на лезгинской линии при начальнике отряда генерал-лейтенанте Шварце в делах с горцами: 1 мая при вторжении султана Элисуйского в Белоканский округ; 5 и 9 мая в боях при сел. Катехи; 13 мая при атаке сел. Чердахлы и 28 мая при совершенном очищении округа от неприятеля. К 1 июня князь Александр Михайлович был в составе войск дагестанского отряда, действовавшего против двух главных гнезд мюридизма — аулов Гергебиля и Салты.

С мая и почти до ноября месяца, во все время действий наших отрядов под Гергебилем и Салты, до роспуска их по квартирам, князь Александр Михайлович участвовал почти во всех боях и схватках с неприятелем. 14 сентября 1847 г. в деле штурма Салтинского укрепления князь увековечил свое имя в числе других офицеров при взятии подземного убежища мюридов, поражении и рассеянии этих отчаянных фанатиков. В тот день много пострадало солдат и офицеров, в числе коих был и князь, сильно ушибленный в плечо камнем, брошенным из сакли. В декабре 1847 г., оправившись от ушиба, князь вновь является в боях с горцами на левом фланге Кавказской линии, в отряде генерал-лейтенанта Фрейтага, при истреблении аулов на реках Уайте и Мартане. За штурм Салты князь пожалован орденом св. Владимира 4 ст. с бантом, 19 ноября 1847 г. С 1 июня по 1 октября 1848 г. князь провел в Чеченских отрядах, участвуя в столкновениях с неприятелем во время сооружения охранительной башни на правом берегу р. Аргуна и укрепления Урус-Мартанского. За отличие в этой экспедиции князь награжден орденом св. Анны 2 ст. В ноябре месяце он был командирован с особым поручением в Персию, где получил от Шаха орден Льва и Солнца 2 ст.

В 1849 и 1850 годах, когда главным условием наших завоеваний было последовательное углубление посредством проложения просек внутри Большой Чечни, к аулу Шали, князь Александр Михайлович участвовал в важном деле

20 января. За отличие в этом деле награжден чином ротмистра и мечами к ордену св. Анны 2 ст. Кроме того, с 23 мая по 11 июня 1850 г. князь находился с главнокомандующим в отряде и рекогносцировках в верховьях Самура, при движении через с. Боржом и Рутул к с. Цахур и закладке передового укрепления Лучек. В том же году князь Александр Михайлович, хорошо знакомый с краем, его жизнью и историей, получил важное и лестное командирование в Крым для встречи Наследника Цесаревича, ныне в Бозе почившего Императора и сопровождения Августейшего Гостя во время объезда Его Императорским Высочеством Кавказского края. За блестящее исполнение возложенного на него поручения, вскоре по отъезде Августейшего Посетителя, всемилостивейше удостоен производством в чин полковника. Получив высший штаб-офицерский чин, князь принимал уже участие в действиях как более или менее самостоятельное и ответственное лицо. В 1851 г. он был в отряде на правом фланге под начальством генерал-лейтенанта Заводовского при возведении укрепления на р. Белой, при разорении неприятельских поселений по р.р. Белой, за Лабой, по Псефиру, Фарсу, Пчасу и пр. Князь участвовал в действиях отряда с апреля по ноябрь и между прочим 14 мая в сильном бою, при поражении скопищ Магомет-Амина на р. Тегене; 22 августа при разбитии неприятельской партии, нападавшей на передовой пикет, и 27 августа в новом бою и поражении горцев у станицы Темиргоевской.

В 1852 г. (29 сентября) по ходатайству главнокомандующего князь Александр Михайлович был переведен в Нижегородский драгунский Наследника Принца Вертембергского полк, с целью приобрести более полное знание подробностей строевой службы. В этой командировке в Петербурге князь находился с 8 ноября 1852 г. по 5 сентября 1853 г. Возвратясь на Кавказ, князь вновь вступил в Нижегородский драгунский полк и 6 января 1854 г., когда война с Турцией была в разгаре, назначен был командующим вторым дивизионом этого полка.

В 1854 г. наш 18 т. отряд под начальством генерал-лейтенанта князя В.О. Бебутова расположился на позиции у Курюк-Дара против 60 т. турецкой армии, которая дугой раскинулась от гор. Караял по направлению к горе Ягны. Огромное протяжение неприятельской линии влекло за собой растянутость и нашего фронта, разделенного большими промежутками на три части. Нижегородский драгунский полк был назначен действовать против правого фланга турецкого расположения. Князь Александр Михайлович, командуя 3 и 4 дивизионами Нижегородского драгунского полка, принимал деятельное участие в поражении центра турецкой армии, отбил, под сильным штуцерным огнем, у неприятеля два наших орудия; но прежде чем турки обратились в бегство, был тяжело ранен штуцерной пулей в левое предплечье. За свой подвиг под Кюрюк-Дара князь был пожалован орденом св. Георгия 4 класса.

По излечении от тяжелой раны князь Александр Михайлович с нижегородцами принимал участие в наступательных действиях отряда генерал-майора графа Нирода в пределы азиатской Турции. 2 июня 1855 г. к стороне Карса была произведена рекогносцировка, во время которой, при сел. Мацра, произошла схватка нижегородцев с неприятельской кавалерией.

10 июня 1855 г. князь Александр Михайлович назначен был командиром Нижегородского драгунского полка. Назначение это состоялось уже при генерал-адъютанте Муравьеве, преемнике Воронцова. До 24 июня наши военные действия происходили за Соганлугом, а затем войска возвратились на позицию у сел. Каны-Кей; для наблюдения за дорогами до Зевина, Меджингерта и для упрочения благоприятного для нас влияния среди жителей на Ханы-Чае оставлен был под начальством князя Александра Михайловича особый отряд. Беспредельными передвижениями своего отряда князь искусно скрывал действительную малочисленность его и блестяще выполнил возложенное на него главнокомандующим словесное поручение, собрать сведения об Эрзерумском отряде Вели-

Паши. 26 июня при рекогносцировке на северном скате Мелидюза князь с летучим отрядом разбил партию в 300 человек турок под начальством Черкес-Хана; причем в наших руках остался один значок, много оружия, лошадей, различных вещей и 34 пленных, в числе которых оказались два офицера и секретарь Эрзерумского вали с различными бумагами.

27 июня отряд вернулся в Ханы-Чай, а ночью выступил обратно за Соганлуг, 28 июня князь прибыл к Карсу в главную квартиру для личного доклада главнокомандующему об исполнении возложенного на него поручения. Собранные сведения и соображения князя подали главнокомандующему смелую мысль разгромить Вели-Пашу и овладеть Эрзерумом.

Для выяснения всех подробностей предположенного движения к начальнику Баязетского отряда генерал-майору Суслову главнокомандующий командировал князя Александра Михайловича. Князь с летучим отрядом пробрался через хребет Ах-Булаг к Суслову и, по выполнении приказаний генерала Муравьева, вернулся обратно в с. Тикму. Немедленно было послано генералу Сулову приказание о наступлении за Соганлуг и для совокупных действий с Баязетским отрядом под начальством князя Александра Михайловича был послан авангард, в составе 12 эскадронов драгун, 11¹/₂ сотен казаков и милиции, при 8 орудиях и 8 ракетных станках. Перейдя Аракс вброд, князь завязал перестрелку с башибузуками; с приближением же пехоты Баязетского отряда, неприятель намерился бросить свою позицию. По мере движения кавалерии вперед турки постепенно оставляли позицию. Вследствие нерешительности генерала Суслова турки ускользнули из наших рук и 30 июня войска наши возвратились в сел. Тикму. Во время блокады Карса князю был поручен новый отряд из 8 эскадронов Нижегородского драгунского полка, сборного линейного казачьего № 2 полка, 2 сотен мусульманского № 1 полка и донской казачьей № 7 батареи. Отряд этот сначала расположился близ с. Хопанлы, а потом, вследствие уменьшения бло-

кадной линии, передвинулся к дер. Бозгала. Карс был плотно окружен нашими войсками, и туркам оставалось единственное средство — выслать совсем из крепости кавалерию, так как фуражировки для кавалерии в окрестностях Карса стали невозможными. В 10 часов вечера 22 августа началось с этой целью движение турок через Самаватскую долину перевала Кизил-Гедука. Но, благодаря принятым заранее князем Александром Михайловичем мерам и дружному натиску русской кавалерии, турки были отброшены назад, и та часть их, которой не удалось укрыться за стенами Карса, была окончательно рассеяна и разбита, оставив в наших руках 206 пленными, из коих 2 штабс-офицера, 19 обер-офицеров; кроме того до 400 лошадей, 3 значка и много разного оружия.

Однако гарнизон Карса все-таки не сдавался в виду слухов, что в сел. Пеняк подвезены значительные запасы продовольствия и что сильный отряд под командой Али-Паши намерен доставить сквозь блокадную линию транспорты в Карс. Главнокомандующий решил исследовать справедливость доходящих слухов и в ночь с 28 на 29 августа выслал отряд из пехоты, под начальством генерал-лейтенанта Ковалевского, и кавалерии, вверенной князю Александру Михайловичу. Соединенные силы пехоты и кавалерии, совершив переход более 50-ти верст, прибыли в Агджакала, а оттуда, по горным оврагам и перевалу Аллах-Экбер, к Пеняку; отряд прибыл за два часа до сумерек. По убеждению князя Александра Михайловича, генерал Ковалевский согласился немедленно атаковать неприятеля. Начался бой; турецкий отряд был совершенно рассеян, потеря неприятеля состояла из пленных: Али-паши, одного офицера и 48 нижних чинов; убитых было около 300 человек, было отбито также одно знамя, два эстандарта, 4 горных орудия, 68 выучных зарядных ящиков и 55 патронных, весь лагерь, разные планы и бумаги, множество оружия, лошадей, скота и имущества. С этими трофеями соединенный отряд снова возвратился в Бозгалы.

Вскоре по приезде князя в главный лагерь назначен был штурм Карса. По диспозиции князь должен был соединиться с колонной генерала Ковалевского у сел. Татлиджа. В 12 часов ночи всем войскам предписано было двинуться на указанные места. С рассветом 7 сентября бой закипел по всей линии. С самого начала штурма на левом фланге мы понесли большие потери: оба начальника колонн, генерал-лейтенант Ковалевский и князь Гагарин после тяжких ран вынесены были из поля битвы, полковник Шликевич убит, Неелов и полковник Рудановский ранены, все батальонные командиры и большая часть офицеров перебиты; войска были расстроены и все части перемешаны. В этот критический момент князь Александр Михайлович принял начальство над колонной Ковалевского. С трудом князь собрал расстроенные части, привел их в некоторый порядок и выстроил свои войска под защитой обсервационной горы. По приказанию главнокомандующего вскоре три дивизиона драгун были передвинуты к с. Шорах. Пока описанные действия происходили на левом нашем фланге, на правом кипел упорный бой. Наконец, нашим войскам приказано было отступить. Князю поручено было остаться последним на позиции и отступить чрез сел. Шорах к Татлиджа, а оттуда в Бозгалы, что он выполнил.

12 ноября князь Александр Михайлович был потребован к главнокомандующему, который объявил ему о приезде капитана Гизделя с предложением о сдаче Карса. Главнокомандующий поручил полковнику фон Кауфману и князю Александру Михайловичу составить проект условий капитуляции. 15 ноября прибыл в главную квартиру мушир турецкой армии Васиф-паша и была подписана капитуляция Карса, а 16 ноября наши войска вступили в город и крепость.

За кампанию 1853—1856 гг. князь Александр Михайлович пожалован следующими наградами: за дело 23 августа, около селения Ах-Ком — орденом св. Владимира 3 ст. с ме-

чами; 17 сентября 1855 г. произведен в генерал-майоры, а за дело при сел. Пеняки получил Высочайшее благоволение.

После кампании 1853—1856 гг. князь Александр Михайлович, по возвращении с полком в штаб-квартиру, сперва в Елисаветполь, а потом в Царские Колодцы, все заботы употребил на улучшение своего «славного» полка, и справедливость требует заметить, что никогда Нижегородский полк не был в столь цветущем состоянии, а офицеры и солдаты так довольны своим командиром, как во время командования ими князя Александра Михайловича!

В декабре 1856 г. князь участвовал с своим полком в военных действиях в Большой Чечне, при занятии долины реки Мичика и за отличие в делах против горцев был награжден орденом св. Станислава 1 ст. 15 февраля 1859 г. князь назначен в распоряжение наказного атамана Войска Донского. Отсюда начинается дальнейшее расширение его служебной карьеры то как военного администратора, то как гражданского деятеля. Во время пребывания князя на Дону на долю его выпала главная часть трудов во время полной реорганизации во внутреннем быту казаков. В мае месяце князь назначен и. д. начальника штаба Войска Донского, а 3 апреля 1860 г. утвержден в этой должности. В мае, июне и июле того же года исправлял должность наказного атамана. За услуги, оказанные Донскому краю, князь награжден орденом св. Анны 1 ст. и чином генерал-лейтенанта. 5 октября 1863 г. князь уволен был для лечения от службы с мундиром и с пенсионом полного оклада. Значительно окрепнув, он вновь вступил на службу 9 февраля 1867 года по армейской кавалерии, с причислением к Министерству Внутренних Дел. В том же году князь был назначен членом от министерства в особую комиссию для окончательных соображений по сокращению размеров процентного сбора в западных губерниях; затем по Высочайшему повелению командирован в Смоленскую губернию для обзора работ предположенной между Смоленском и Москвой

железной дороги; с 24 августа 1868 г. был председателем комиссии для пересмотра действующих узаконений по переселению крестьян и составлению более подробных по сему предмету правил; 24 октября 1868 г. зачислен был в Нижегородский драгунский короля Вертембергского полк; 15 ноября того же года князь назначен был председателем комиссии для составления проекта об упразднении мировых посредников и за свою полезную службу награжден орденом св. Владимира 2 ст. 6 января 1869 г. князь призван был на высокий пост Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора и в том же году 26 ноября пожалован в звание генерал-адъютанта. В должности генерал-губернатора князь был награжден орденами: Белого Орла, св. Александра Невского и зачислен в сословие Войска Донского по станице Цымлянской.

Во время возникшей в 1877 г. войны с Турцией, по личному ходатайству князя Александра Михайловича, почивший Государь Император изволил назначить его командиром 13 армейского корпуса, во главе которого князь принимал деятельное участие в военных действиях за Дунаем с 12 октября 1877 г. по 14 января 1878 г. По случаю отъезда из действующей армии Наследника Цесаревича князь Александр Михайлович был назначен начальником Рушукского отряда.

После заключения Сан-Стефанского договора на князя Александра Михайловича выпала трудная и крайне щекотливая задача — внутреннего устройства болгарского княжества.

Произведенный 16 апреля 1878 г. в генералы от кавалерии, князь назначен был Российским Императорским Комиссаром в Болгарии.

Всем известно, с какими препятствиями и затруднениями приходилось бороться князю Александру Михайловичу для осуществления предначертаний Царя-Освободителя —

политического и гражданского устройства Болгарии. Но благодаря энергии князя и его сотрудников, его политическому такту и умению привязать к себе симпатию населения, он вышел с торжеством из этой трудной борьбы. Оказав народному делу Болгарии важные заслуги, князь заслужил высокомилоостивую благодарностъ своего Государя и любовь и уважение управляемого им народа.

После избрания народными представителями в болгарские князья принца Баттенберга князь Александр Михайлович выехал в начале июля 1879 г. в Россию, всюду провожаемый восторженными и трогательными овациями болгарского населения.

За образцовую, многотрудную и полезную деятельность в Болгарии князь пожалован был орденом св. Владимира I ст., Всемилоостивейшим рескриптом в Бозе почившего Государя Императора и назначен членом Государственного Совета.

Назначенный временно Харьковским генерал-губернатором и командующим войсками Харьковского военного округа, а потом в том же звании в Одессу, князь осчастливлен был двукратным выражением Высочайшей благодарности — 19 августа 1880 г. и 28 октября 1881 г.

Наконец, Высочайшим указом 1 января 1882 года князь Александр Михайлович был назначен на высокий пост Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Командующего войсками Кавказского военного округа. Таким образом, князю снова пришлось продолжать свою деятельность там, где она впервые была проявлена в юношеских letech.

Не касаясь многосторонней и полезной деятельности князя Александра Михайловича по управлению вообще Кавказским краем, здесь необходимо отметить, что, согласно проекту князя, поданному Государю Императору в 1883 году, относительно преобразования административного устройства в Кубанской и Терской областях, это преобразование, имею-

шее своей конечной задачей поддержание в кавказских казаках того духа, каким они отличались в полувековую войну с горцами, уже воспоследовало 1 июля текущего 1888 года. Истые казаки всегда с глубокой признательностью будут вспоминать об этой отеческой заботе о них князя-главноначальствующего, а Государь Император, в воздаяние особенных трудов и заботливости князя, направленных к улучшению нынешнего положения кавказских казачьих войск и к поддержанию в них тех доблестных качеств, какими они отличались ранее во время войны с горцами, осчастливил казачьи войска в 1886 году представлением князю Александру Михайловичу лично звания войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск. С своей стороны, и представители старейшего в Кубанском войске полка — Хоперского в лице жителей станицы Баталпашинской, желая выразить особую признательность князю-главноначальствующему за его заботы о войске, в настоящем году на полном сходе постановили приговор об избрании князя почетным стариком ст. Баталпашинской, на что и испрашивается в установленном порядке Высочайшее соизволение.

Е. Фелицын

**ЗНАМЕНА, РЕГАЛИИ, ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ И
ПРОЧИЕ НАГРАДЫ, ВЫСОЧАЙШЕ
ПОЖАЛОВАННЫЕ БЫВШИМ ЧЕРНОМОРСКОМУ,
КАВКАЗСКОМУ ЛИНЕЙНОМУ И НЫНЕ
КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ**

I. Пожалованные Императрицей Екатериной II

Знамя войсковое белое большое; на одной стороне изображен черный орел и в середине его крест с сияющим в центре солнцем, а на другой — в звезде надпись ордена св. апо-

стола Андрея Первозванного «за веру и верность». Знамя это, пожалованное Императрицей Екатериной II, служило знаком Монаршего благоволения к части войска Запорожского, которая, по упразднении Сечи в 1775 г., осталась верной Престолу и Отечеству, и в начале 1778 г. приняла деятельное участие в войне с Турцией. Знамя это и при нем другие знаки отличия были переданы войску «верных казаков» графом Суворовым-Рымникским, при ордере его 27 февраля 1778 года.

Знамя Георгиевское большое голубое выцветшее, пожалованное войску Черноморскому по окончании Оттоманской войны в 1792 г., при Высочайшей грамоте того же года июня 30, в которой говорится: «в воздаяние усердной и ревностной службы войска Черноморского, доказанной в течение благополучно оконченной войны с Портою Оттоманскою, храбрыми и мужественными подвигами на суше и воде». Этой грамотой подтверждено употребление Андреевского знамени и прочих пожалованных войску регалий.

Четыре светло-розовых малых куренных знамени с белым нашитым посередине крестом, андреевской звездой, солнцем и сиянием и надписью «за веру и верность».

Белое атласное малое куренное знамя с розовым крестом, голубой звездочкой, на которой нашит белый крест.

Десять светло-зеленых полинявших малых куренных знамен с черным крестом, андреевской звездой и надписью «за веру и верность».

Пять темно-зеленых вылинявших малых куренных знамен, с белым крестом, середина которого розового цвета.

Пять светло-зеленых малых куренных знамен с голубым крестом посередине.

Пять светло-зеленых малых куренных знамен с розовым крестом посередине.

Пять светло-зеленых малых куренных знамен с белым крестом, андреевской звездой и надписью «за веру и верность».

Все эти тридцать пять малых куренных знамен были пожалованы войску одновременно с большими белыми войсковыми знаменами при ордере графа Суворова к атаману Белому 27 февраля 1788 года.

II. Пожалованные Императором Павлом I

Войсковое желтое знамя с надписью «благодать оному», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамоте 16 февраля 1801 года.

Четырнадцать белых полковых знамен с розовым в середине крестом, пожалованных Черноморскому войску при Высочайшей грамоте 16 февраля 1801 года.

III. Пожалованные Императором Александром I

Шесть зеленых полковых знамен с розовым в середине крестом, пожалованных Черноморскому войску при Высочайшей грамоте 31 мая 1803 года.

IV. Пожалованные Императором Николаем I

Большое белое войсковое знамя с черным орлом и надписью «за храбрость при переправе в 1828 году чрез р. Дунай», пожалованное Азовскому войску при Высочайшей грамоте 1 июля 1844 года.

Большое белое Георгиевское войсковое знамя с надписью: «за пятидесятилетнюю верную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамоте 10 октября 1843 года.

Простое полковое знамя с надписью: «за храбрость и усердие, оказанные при переправе. 27 мая 1828 года чрез р. Дунай», пожалованное Дунайскому казачьему полку при Высочайшей грамоте 6 декабря 1831 года.

Простое полковое знамя голубое с надписью: «за отличие 29 мая 1828 года при разбитии Турецкой флотилии под Браиловым», пожалованное 1-му пешему полку Черноморского казачьего войска, при Высочайшей грамоте 6 августа 1830 года.

Простое полковое знамя голубое с надписью: «за отличие при взятии крепости Анапы в 12 день июня 1828 года», пожалованное 9 конному полку Черноморского казачьего войска, при Высочайшей грамоте 21 сентября 1831 года.

Простое полковое знамя голубое с надписью: «за отличие при взятии крепости Анапы в 12 день июня 1828 года», пожалованное 5-му пешему полку Черноморского казачьего войска, при Высочайшей грамоте 21 сентября 1831 года.

Простое полковое знамя голубое с надписью: «за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года», пожалованное 8-му пешему полку Черноморского казачьего войска, при Высочайшей грамоте 21 сентября 1831 года.

Простое голубое полковое знамя с надписью: «за отличие в Персидскую и Турецкую войны в 1827, 1828 и 1829 годах», пожалованное 1-му Конно-Черноморскому казачьему полку, при Высочайшей грамоте 21 сентября 1831 года.

Простое полковое знамя с надписью: «за отличие в Турецкую войну в 1829 году», пожалованное 5-му конному полку Черноморского казачьего войска, при Высочайшей грамоте 11 ноября 1831 года.

Простое знамя, выданное согласно положению 1842 года о Черноморском войске 3-му пешему батальону, при Высочайшей грамоте 14 марта 1845 года.

V. Пожалованные Императором Александром II

Георгиевское большое войсковое знамя, с надписью: «за храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок 1853—1856 годов», пожалованное Черноморскому войску при Высочайшей грамоте 26 августа 1856 года.

Георгиевское войсковое знамя с надписью: «за храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок 1853—1856 годов», пожалованное Азовскому войску при Высочайшей грамоте 26 августа 1856 года.

Георгиевское большое войсковое знамя с надписью: «за Кавказскую войну», пожалованное Кубанскому казачьему войску при Высочайшей грамоте 25 марта 1867 года.

Георгиевское войсковое знамя с надписью: «за отличие в Турецкую войну 1877—1878 годов» и под орлом: «1696—1880», пожалованное Кубанскому казачьему войску при Высочайшей грамоте 30 августа 1880 года.

Георгиевское полковое знамя с надписью: «за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году», пожалованное 22-му конному полку Кубанского казачьего войска при Высочайшей грамоте 12 декабря 1867 года.

Простое полковое знамя, пожалованное в 1868 году Псекупскому полку Кубанского казачьего войска.

Георгиевское полковое знамя с надписью: «за отличие в Турецкую войну в делах против горцев в 1828—1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году», пожалованное 11-му конному полку Кубанского казачьего войска в 1868 году.

Все вышепоименованные знамена находятся в гор. Екатеринодаре, в Кубанском Областном Правлении в особом помещении, предназначенном для хранения войсковых регалий.

Георгиевский штандарт Высочайшим приказом 30 августа 1856 г. пожалован лейб-гвардии Черноморскому казачьему дивизиону в память участия гвардейского эскадрона Черноморского войска в знаменитой атаке Донских лейб-казачков на французскую кавалерию под Лейпцигом 4 октября 1813 года, а равно и за походы 1813 и 1814 годов. Штандарт этот передан в 1-й эскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя.

Георгиевское знамя с надписью: «За отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 г. и за примерное мужество при обороне Севастополя в 1854 и 1855 годах». Пожаловано при Высочайшей грамоте 14 сентября 1855 г. 8 пешему батальону* Черноморского казачьего войска.

Георгиевское знамя с надписью: «За примерное отличие при обороне Севастополя в 1854 и 1855 г.» Пожаловано при Высочайшей грамоте, данной в г. Николаеве 14 сентября 1855 г., 2 батальону Черноморского казачьего войска.

Двенадцать Георгиевских знамен. Всемиловнейше пожалованы 20 июля 1865 г. полкам Кубанского казачьего войска за отличие при покорении Западного Кавказа, а некоторым и за другие отличия. Знамена поступили в следующие части**:

Конным полкам.

№ 10-му конному полку, бывшему *первому Кавказскому*; на знамени надпись: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

№ 11-му конному полку, бывшему *второму Кавказскому*; на знамени надпись: «За отличие в Турецкую войну и в делах, бывших против горцев в 1828 и 1829 годах и при покорении Западного Кавказа».

№ 12-му конному полку, бывшему *первому Кубанскому*; на знамени надпись: «За постоянное усердие, храбрость и отличия, оказанные во всех делах с горцами и особенно в деле 1 ноября 1848 года под станицею Сенгилеевскою и при покорении Западного Кавказа в 1864 г.».

№ 13-му конному полку, бывшему *второму Кубанскому*; на знамени надпись такая же, как и на предыдущем.

* В 1842 году пешие полки переименовались с батальоны.

** Так как составы и название полков и батальонов Высочайшим положением 1861 года о Кубанском казачьем войске изменились, то считаем нужным сделать указание, каким именно полкам по прежним составам и с какими надписями пожалованы знамена.

№ 14-му конному полку, бывшему *первому Ставропольскому*; на знамени надпись: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г.».

№ 15-му конному полку, бывшему *второму Ставропольскому*, с такой же на знамени надписью, как и 14 полку.

№ 16-му конному полку, бывшему *первому Хоперскому*; надпись на знамени такая же, как и в Ставропольских полках.

№ 17-му конному полку, бывшему *второму Хоперскому*; на знамени надпись: «За отличие в Турецкую войну и в делах, бывших против горцев в 1828 и 1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

№ 18-му конному полку, бывшему *первому Урупскому*; на знамени надпись: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

№ 19-му конному полку, бывшему *второму Урупскому*; надпись на знамени такая же, как 18 полку.

№ 20-му конному полку, бывшему *первому Лабинскому*; с такою же надписью на знамени, как и в Урупских полках.

№ 21-му конному полку, бывшему *второму Лабинскому*, с той же надписью.

№ 22-му конному полку, знамя с надписью: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г.»; по случаю его расформирования ни в какую часть не поступило и находится в Екатеринодаре в Областном Правлении.

С окончанием покорения Западного Кавказа, 21 мая 1864 года, наступает для Кубанского казачьего войска эпоха мирной и трудовой жизни. Знамена, пожалованные за отличие и мужество кубанских казаков, оставались при штабах своих частей до времени новых преобразований войска. Положением, Высочайше утвержденным 1 августа 1870 г., последовало изменение военного и гражданского строя кубанских казаков. Согласно этому положению, знамена и другие отличия распределены войсковым штабом по конным полкам и пешим батальонам. В виду этого ниже помещены под-

робные указания, в какие части и какие переданы знамена с объяснением места хранения их. Но так как надписи на этих знаменах сообщены выше, поэтому здесь приведены только указания годов пожалования знамен и названия частей, удостоившихся Высочайшего награждения.

Конным полкам:

Хоперскому Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны — Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 17 полку; хранятся при штабе полка.

Того же полка второму комплекту. Георгиевское знамя, пожалованное 20 июня 1865 г. № 18 полку; хранится в церкви ст. Отрадной.

Того же полка третьему комплекту. Простое знамя, пожалованное 21 сентября 1832 года № 17 полку; хранится в церкви ст. Баталпашинской.

Кубанскому конному полку Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г., № 13 полку. Первой сотне знаки отличия на папахи, пожалованные 30 августа 1856 г.; знамя хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 12 полку; хранится в церкви ст. Новотроицкой.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 25 июля 1851 года № 15 полку*; хранится в церкви ст. Николаевской.

Таманскому конному полку простое знамя, пожалованное 21 сентября 1831 года № 1 полку, и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

* Это знамя не внесено в число отличий, жалованных Императором Николаем I.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 года Адагумскому полку; хранится в церкви ст. Крымской.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. № 4 пешему батальону*; хранится в церкви ст. Полтавской.

Полтавскому конному полку простое знамя, пожалованное 6 августа 1830 г. 1 пешему батальону, и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 г. Абинскому полку; хранится в церкви ст. Холмской.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. 7 пешему батальону; хранится в церкви ст. Полтавской.

Ейскому конному полку простое знамя, пожалованное 21 сентября 1831 года № 9 полку, и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. № 3 пешему батальону; хранится в церкви ст. Уманской.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. № 6 пешему батальону; хранится в церкви ст. Уманской.

Уманскому конному полку Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 10 полку, и знаки отличия на папахи — первой полусотне за 1854 г.; а остальным 5¹/₂ сотням за 1864 г., жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

* Все знамена от 14 марта 1845 года жалованы войску на основании положения 1842 г.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 11 ноября 1831 г. № 6 полку,

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 25 июня 1851 года № 10 полку; хранится в церкви ст. Архангельской.

Кавказскому конному полку Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 11 полку, и знаки отличия на папахи: первой полусотне за 1854 г.; а остальным 5 $\frac{1}{2}$ сотням за 1864 г., жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 21 сентября 1831 г. № 8 пешему батальону; хранится в Екатеринодаре в Областном Правлении.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 22 сентября 1830 года № 11 полку; хранится в церкви ст. Ладожской.

Екатеринодарскому конному полку простое знамя, пожалованное 21 сентября 1831 года, и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту — простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 года Псекупскому полку; хранится в церкви ст. Ключевой.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 11 ноября 1831 г. № 5 полку; хранится в Екатеринодарском Областном Правлении.

Лабинскому конному полку Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 20 полку; хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту — Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 21 полку; хранится в церкви ст. Лабинской.

Того же полка третьему комплекту — простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 г. № 23 полку; хранится в церкви ст. Ханской, и

Урупскому конному полку — Георгиевское знамя, пожалованное 20 июля 1865 г. № 19 полку; хранится при штабе полка.

Того же полка второму комплекту: простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 г. № 22 полку; хранится в церкви ст. Царской.

Того же полка третьему комплекту: простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 г. № 25 полку; хранится в церкви ст. Хадыжинской.

Пешим батальонам:

№ 1-му пешему батальону. Георгиевское знамя, пожалованное 14 сентября 1885 г. № 8 пешему батальону, и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе батальона.

Того же батальона второму комплекту: простое знамя, пожалованное 19 февраля 1868 г. № 24 полку; хранится в церкви ст. Пшихской.

Того же батальона третьему комплекту: простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. № 1-му пешему батальону; хранится в церкви ст. Пашковской.

2-му пешему батальону. Георгиевское знамя, пожалованное 14 сентября 1855 г. № 2 пешему батальону и знаки отличия на папахи, жалованные 20 июля 1865 г.; знамя хранится при штабе батальона.

Того же батальона второму комплекту: простое знамя, пожалованное 2 июня 1849 г. № 13 пешему батальону; хранится в церкви ст. Новѡпокровской.

Того же батальона третьему комплекту: простое знамя, пожалованное 14 марта 1845 г. № 9 пешему батальону; хранится в церкви ст. Уманской.

Высочайшим рескриптом 31 декабря 1869 г., 12 станиц Кубанского войска обращены в гражданское ведомство Ставропольской губ., именно: Михайловская, Татарская, Наде-

женская, Старомарьевская, Бешпагирская, Спицевская, Сергиевская, Калиновская, Александровская, Саблинская, Северная и Круглолесская. Жители этих станиц, желая сохранить память и в назидание потомству о боевой и верной службе Царю и отечеству, испросили разрешение оставить у себя знамена, жалованные им за отличие и доблестные подвиги при покорении Западного Кавказа. Разрешение последовало, и жителям названных селений переданы следующие знамена.

1) Георгиевское — с надписью «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г.», пожалованное 20 июля 1865 г. № 14 конному полку и простое знамя, пожалованное 21 июня 1851 г. «За отлично-усердную службу» тому же полку; хранятся в церкви селения Михайловского.

2) Георгиевское с надписью: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году», пожалованное 20 июля 1865 г. № 16 конному полку и простое знамя, жалованное 21 июня 1851 года «За отлично-усердную службу» тому же полку; хранится в церкви селения Александровского.

2) Георгиевские серебряные сигнальные рожки с надписью: «За оборону Шипки в 1877 г.», пожалованные 10 октября 1878 г. 1-й и 2-й сотням 7-го пешего пластунского батальона.

3) Два георгиевских штандарта; первый с надписью: «За отличие в Турецкую войну в делах, бывших против горцев в 1828 и 1824 году, при покорении Западного Кавказа в 1864 г. и за отличие в сражении при Деве-Бойну 23 октября 1877 года», пожалованный 13 октября 1878 г. Кавказскому конному полку: второй — «За отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 г. и за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 г.», пожалованный 13 октября 1878 г. Ейскому конному полку.

4) Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», пожалованные

13 октября 1878 г. Кавказскому, 2-му Хоперскому, 2-му Лабинскому конным полкам и 1, 2, 4 и 5 батареям Кубанской конно-артиллерийской бригады.

5) Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За взятие Карса 6 ноября 1877 г.», пожалованные 13 октября 1878 г. Кубанскому и Ейскому конным полкам 6 января 1879 г. Те же трубы пожалованы 2, 3 и 5 сотням Полтавского конного полка.

6) Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За защиту Зорского перевоза 23 и 24 июня 1877 года», пожалованные 13 октября 1878 г. Уманскому конному полку.

7) Знаки отличия на папахи с надписью: «За отличие в 1854 году и в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», пожалованные 13 октября 1878 г. 1 сотне Кубанского конного полка.

8) Знаки отличия на папахи с надписями: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. и за геройскую защиту Баязета с 6 по 28 июня 1877 года», пожалованные 13 октября 1878 г. 2-й и 5-й сотням Уманского конного полка.

9) Петлицы за военное отличие на штаб- и обер-офицерские бешметы, пожалованные 13 октября 1878 г. 1, 2 и 5 батареям Кубанской конно-артиллерийской бригады.

10) Два георгиевских штандарта, первый с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», пожалованный 6 января 1879 г. 2-му Ейскому конному полку; второй — «За отличие, оказанное при разбитии турецкой флотилии у Браилова 29 мая 1828 года и за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов» пожалованный 6 января 1878 г. Полтавскому конному полку.

11) Георгиевские серебряные трубы с надписями: «За отличие при подавлении восстания в Дагестане в 1877 году», пожалованные 6 января 1879 г. 4 и 5 сотням Хоперского конного Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полка.

12) Георгиевские серебряные трубы с надписью: «За переход с боем через Кавказский хребет в 1877 году», пожалованные 6 января 1879 г. 1, 2, 3 и 6 сотням того же полка.

13) Знаки отличия на папахи с надписью: «За отличие против турок в Абхазии в 1877 году», пожалованные 6 января 1879 г. 3-ей сотне 3-его пешего пластунского батальона.

14) Знаки отличия на папахи с надписью: «За подавление восстания в Дагестане в 1877 году», пожалованные 6 января 1879 г. 2-ой, 4-ой и 5 сотням 2-ого Кавказского конного полка.

15) Знаки отличия на папахи с надписью: «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. и против турок в Абхазии в 1877 году», пожалованные 6 января 1879 г. 1-ой сотне 2-ого пешего пластунского батальона.

Знамена и значки, хранящиеся в Областном Правлении

1) Простое полковое знамя Хоперского полка, пожалованное в 1738 году.

2) Два значка Хоперского полка, пожалованные в 1738 году.

3) Светло-зеленый знак с изображением Св. Георгия Победоносца и надписью: «сей драпир сделан Куренем Ирклиевским за Атамана Семена Письменного в 1770 году».

4) Голубой знак с узорами, с изображением Св. Георгия Победоносца, креста, полумесяца и звезд, с надписью: «сделан драпир сей за Атамана Прокопа Кабаньца куреня Брюховецкого в 1770 году».

5) Синий знак кошевого атамана Чепеги, с посеребренной булавой, на верхнем конце древко с государственным гербом и надписью: «1791 год».

6) Синий знак кошевого атамана Чепеги, с медной посеребренной булавой, на верхнем конце древко с государственным гербом и надписью: «1792 год».

7) Синий знак с государственным гербом, с изображением Св. Георгия Победоносца, Кисляковского куреня.

8) Белое знамя Буджакских казаков, с медным крестом и полумесяцем, на верхнем конце древка и с таким же изображением креста и полумесяца, на одной стороне полотна знамени, а на другой здания, сада, руки, держащей обнаженную саблю, а наверху треугольной генеральской шляпы.

9) Белый знак с надписью: «за веру и верность, 1792 год».

10) 2 значка лилейной материи.

11) Значок из красной холстинки.

Все нижепоименованные булавы, перначи и литавры принадлежали казакам Запорожской Сечи, уничтоженной в 1775 году и по Высочайшему повелению Императрицы Екатерины II в 1788 были переданы «войску верных казаков», которое впоследствии получило название Черноморского войска. Высочайшею грамотою 30 июля 1792 года подтверждено употребление этих знаков, которые в настоящее время хранятся в Областном Правлении вместе с прочими войсковыми регалиями.

Орудия, хранящиеся при войсковом арсенале Кубанского казачьего войска, пожалованные Императором Павлом I-м Черноморскому войску.

Медная пушка с отбитыми дельфинами с надписью (вязью) «По указу Великого Государя и по приказу Адмиралтейца Феодора Матвеевича Опраксина лита на Воронеже в Изюмский полк, 1706 года, Матвей Осипов».

Медная пушка с следующей надписью: «вылита сия армата в Глухове году Фивруария дня, а весу в ней пуд. Карп Балашевич мастер».

Медная пушка с Государственным гербом, Андреевской звездой с подписью «за веру и верность» 1732 года.

Четыре одинаковых медных пушки с запорожским гетманским гербом с надписью на ней «Famam. Extendere Factis» Ее Императорского Величества малыя России обеих сторон Днепра и войск Запорожских Гетман, действительный Камергер, Санкт-петербургской Академии наук Президент, Лейб-гвардии Измайловского полка Подполковник и Российских орденов: святого апостола Андрея, святого Александра Невского, також Польского Белого Орла и Гольстинского Святыя Анны Кавалер, Российския Империи Граф Кирилл Григорович Разумовский. И при нем заправления Генеральною Артиллериею обозного войскового Генерального Семена Васильевича господина Кочубея. Октября 1-го дня 1753 года».

ВЫСОЧАЙШИЕ ГРАМОТЫ И ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АКТЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ПОМЕЩЕНИИ ВОЙСКОВЫХ РЕГАЛИЙ В КУБАНСКОМ ОБЛАСТНОМ ПРАВЛЕНИИ.

Грамоты Императрицы Екатерины II

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему войску 30-го июня 1792 года.

Верного Нашего Войска Черноморского кошевому атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово.

Усердная и ревностная Войска Черноморского Нам служба, доказанная в течение благополучно оконченной с Портою Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на суше и водах подвигами, ненарушимая верность, строгое повиновение начальству и похвальное поведение от самого того времени, как сие Войско, по воле Нашей, покойным генералом-фельдмаршалом, князем Григорием Александровичем Потемкиным-Тав-

рическим учреждено, приобрели особливое Наше внимание и милость. Мы потому, желая воздать заслугам Войска Черноморского утверждением всегдашнего его благосостояния и доставлением способов к благополучному пребыванию, Всемилостивейше пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию, со всей землею, лежащею на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка, служили границей войско-вой земли. С прочих же сторон разграничение указали Мы делать генерал-губернатору Кавказскому и губернаторам Екатеринославскому и Таврическому чрез землемеров, обще с депутатами от Войска Донского и Черноморского.

Все состоящие на помянутой Нами пожалованной земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении Войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагории и для другой, при реке Кубани, с подлежащим для каждой выгоном, которые для вящей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по Войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20 000 рублей на год.

Желаем Мы, чтоб земское управление сего войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными от Нас учреждениями о управлении губерний. Мы предоставляем правительству войсковому расправу и наказание впадающих в погрешности в Войске; но важных преступников повелеваем, для осуждения по законам, отсылать к губернатору Таврическому.

Мы Всемилостивейше позволяем Войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях.

Всемилостивейше жалуем Войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребление и тех знамен, булавы, перначей и войсковой печати, которые оно от покойного генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина Таврического, по воле Нашей доставлены.

Губернатору Таврическому указали Мы доставлять Войску Черноморскому все исходящие от нас узаконения, предлагать оному о нарядах на службу, по назначению военного начальства, и преподавать все нужные способствования; а потому правительство войсковое имеет относиться к сему губернатору и чрез каждые две недели присылать ему сведения о благосостоянии Войска и обо всех важных происшествиях, какие в течение двух недель могут приключаться, для донесения Нам.

Мы надеемся, что Войско Черноморское, соответствуя Монаршему Нашему о нем попечению, потщится не только бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов, но и всемерное употребит старание заслуживать звание добрых и полезных граждан внутренним благоустройством и распространением семейственного жития.

Роспись жалованью, ежегодно полагаемому на войско Черноморское казачье

Рубл.

Кошевому атаману 1000

Войсковому судье 800

Войсковому писарю 500

Войсковому есаулу 500

Протопопу 200

Попу 100
Диакону 80
На причет церковный 120
Куренным атаманам, каждому по 40 р.
Пушкарю и довыбшу, по 40 руб.

Итого 4980

На содержание артиллерии и жалованье казакам, в действительной службе находящимся, и на все прочие по рассмотрению войскового правительства расходы 15 020

Всего 20 000

Войсковым старшинам или полковникам, когда они вне владения Войска Черноморского на службу отряжены, каждому производить в год по сту рублей.

Сотникам, есаулам, квартирмистрам и прочим полковым старшинам, когда они на службу наряжены вне пределов Войска Черноморского, каждому по пятидесяти рублей.

Казакам, откомандированным за пределы войсковые, производить жалованья в год по двенадцати рублей и провиант указный, а конным и фураж.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукой:

Екатерина II.

Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему Войску 1-го июля 1792 года.

Верного Нашего Войска Черноморского кошевому атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово.

Рассмотрев всеподданнейшие представления, вступившие к Нам от Войска Черноморского и от присланного от оногo войскового судьи Головатого, с прочими депутатами, и удов-

летворяя прошениям с справедливостью согласным, Всемилостивейше Мы повелели: 1) Губернатору Таврическому иметь попечение об отыскании и доставлении старшинам и казакам Войска Черноморского справедливо и законно принадлежащего им имения, буде где оное в прежних их жилищах задержано. Равным образом истребовать ему, для причисления к Войску тех старшин казаков с их имуществом, которые, действительно прежде служивши в военном звании в Запорожьи и по разрушении Сечи поселясь в разных местах удерживаются там противу их воли, для чего от Войска Черноморского и нужно доставление к губернатору Таврическому именного всех оных списка, с означением мест их пребывания. 2) На снабжение переселяющихся в ново пожалованные Войску Черноморскому и Фаногорийском уезде земли неимущих казаков, особливо же вдов с детьми, потерявших мужей своих на сражениях, отпустить 30 000 рублей. 3) Всех военнотружущих казаков, в новом их поселении, удовлетворять пропитанием по сентябрь месяц будущего 1793 года. 4) Всем переселяющимся из новоприобретенной между Днестра и Буга области в Фаногорийский уезд старшинам и казакам дозволять продавать построенные ими в той области дома и прочие строения, и в том им всякое способствование преподавать. 5) При сем переходе Войска Черноморского, из состоящих на пути магазинов довольствоваться оное провиантом и в переправах чрез реки всевозможное вспоможение чинить. В соответствие чего и Войско Черноморское, во время прохода, да сохранить строгую дисциплину и да возбранить у себя прием беглецов, подданных российских как тогда, так и впредь по самовольном оставлении жилищ своих к оному являющихся. 6) Что касается до пожалованных от покойного генерал-фельдмаршала князя Таврического по сему Войску в штаб и обер-офицерские чины старшин, оным о даче патентов указали Мы нашей военной коллегии. Мы надеемся, что Войско Черноморское, Монаршею Нашею милостью зыс-

канное, употребит усиленнойшее старание о скорейшем переселении своем на земли, Всемилостивейше от Нас пожалованные, и что всемерно потщится ревностью и усердною службою учинить себя и впредь достойным Нашего благоволения.

На подлинном подписано собственной Ее Императорского Величества рукою:

Екатерина.

Повеления и грамоты Императора Павла I

Высочайшие за собственноручным Его Величества подписанное повеления войсковому атаману Черноморского войска:

От 7 февраля 1799 года Его Величество, Всемилостивейше изъявляя генерал-майору Котляревскому Свое «удовольствие и благосклонность» за благосостояние Черноморского войска, — изволил повелеть: «касательно до покушений на черкес.....» «оных не делать», не получив от Его Величества на то повеления.

От 13 февраля 1799 года, о неделании никаких перемен в войске; при этом Государь Император изволил выразить желание оставить в войске все в том же положении, как оно было при восшествии Его Величества на Всероссийский Престол.

От 6 марта 1799 года повелевается исключить из списков старшин, не перешедших из прежних жилищ на войсковую землю; извещается о данном Вице-Президенту Адмиралтейской Коллегии повелении войти в сношение с генерал-майором Котляревским «о конечном устройении» пришедшей в негодность флотилии; повелевается (генерал-майору Котляревскому) «выбрать по Таману» удобное место для устройства новой бухты для флотилии; извещается, что представление (генерал-майора Котляревского) о зачислении в войско бродяг Его Величеством апробуется; повелевается не принимать на службу в войско малороссийских дворян без Высочайшего Его Величества на то соизволения.

От 22 мая 1799 года, генерал-майор Котляревский извещается, что рапорт его о сделанных им распоряжениях относительно выходящих из-за Кубани для водворения на земле Черноморского войска, Его Величеством «апробуется».

От 27 июня 1799 года, Его Императорское Величество изъявляет Свое соизволение (на представление генерал-майора Котляревского): 1) на поселение «над Кубанью, при лесных Черноморских селениях», султана Алия с семейством; 2) на принятие в русское подданство и переезд для поселения на нашу сторону Кубани закубанских набережных владельцев: татарского Баязрук-Бея, Арслан-Гирей-Бея, джанайского Милость-Бея, и ногайского Султан-Шагин-Гирея, с их семействами и подданными.

От 5 августа 1799 года, повелено: 1) учредить в Екатеринодаре, у гудовичевой переправы и «Курках» меновые дворы для продажи соли горским народам; 2) всех выходцев из-за Кубани на нашу сторону принимать на том основании, как вышедших с султаном Али-Шеретлуком, — и 3) этому султану и вышедшим с ним дворянам дозволить продавать русским подданным имеющих у них купленных издавна крестьян. При этом Его Величество изволил известить генерал-майора Котляревского, что представление его о месте, избранном при Кубанской границе в «Сукуровом» озере и гирле — гаванью для гребной флотилии, «апробуется».

От 3 ноября 1799 года, Его Величество, на представление генерал-майора Котляревского, Всемилостивейше дозволяет казакам, поселенным в «негодных» местах, избрать для поселения другие места на войсковой земле «где выгоднее найдут». Вместе с тем, по поводу ухода с нашей стороны за Кубань в горы «Бздузского народа, Бея Авбука, с его семейством», — повелено: для отвращения сего впредь желающих переходить из-за Кубани в русское подданство поселять не ближе 60 верст от Кубани. Далее Его Величество не соизволил на зачисление на службу в войско просивших об этом малороссийских дворян.

От 15 ноября 1799 года, генерал-майор Котляревский Всемиловнейше увольняется, по его просьбе, от службы за болезнью, с пенсионом; при этом повелено ему избрать достойного себе преемника (в должность войскового атамана) и об избранном лице представить на Высочайшее Его Величества утверждение.

От 22 декабря 1799 года, повелено подполковнику Бурсаку вступить в должность «атамана войска Черноморского казаков», на место генерал-майора Котляревского.

От 6 февраля 1800 года, повелено отказывать горцам в переселении на нашу сторону и в приеме их в русское подданство, ввиду того, что такие переселенцы уходят обратно за Кубань, как скоро изменяются обстоятельства, заставившие их перейти на нашу сторону.

От 17 апреля 1800 года, подполковник Бурсак извещается о данном генералу Михельсону повелении откомандировать егерские полки Драшковича и Лейхнера, с артиллерией «для учинения горским народам репрезаль», в наказание за дерзкие набеги их на черноморские селения, с тем чтобы по окончании таковой экспедиции названные полки были расположены по Кубанской границе от Тамани до Усть-Лабинской крепости.

От 21 апреля 1800 года, повелено полковнику Бурсаку, по поводу его донесения, в отвращение набегов горцев на Черноморию, исправнее содержать кордон, «не допуская упущением своим, чтобы они (горцы) прорывались чрез границу».

От 1 августа 1800 года, Высочайше утверждается «в судейской должности» избранный подполковником Бурсаком подполковник Кордовский.

От 3 ноября 1800 года, подполковник Бурсак извещается о данном повелении изготовить Высочайшую грамоту Войску Черноморскому и о том, что Его Величество Всемиловнейше соизволит удовлетворить, по возможности, нужды войска, по получении от подполковника Бурсака подробных донесений о таковых нуждах.

Божиею поспешествующею милостью, Мы, Павел I, Император и Самодержец Всероссийский, и проч. и проч. и проч.

Верного Нашего Черноморского войска атаману, старшинам и всему войску Наше Императорское милостивое слово:

Приемля с монаршим Нашим благоволением службу верноподданного нам Черноморского войска, видели мы с особенным удовольствием Нашим верность, усердие и отличную храбрость, оказанные сим войском в течение бывшей последней войны с Портою Оттоманскою и ныне всегда с таковою же похвальною ревностью продолжающего Нам службу свою. Мы благоволительно желая изъявить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и воздаяние за верность и службу их, жалуем и подтверждаем в вечном владении их населяемый сим войском остров Тамань во всех тех пределах, которые положены данною им в 1792 году июня 30 дня, грамотою и учиненным от губернско-го начальства разграничением. Сию Императорскую милость Нашу распространяем Мы на следующих постановлениях:

Первое: все состоящие на сей пожалованной им земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли да пребудут в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморского, исключая только места для крепостей, с подлежащим для каждой выгоном, кои на тех землях для безопасности построены быть имеют.

Второе: войску Черноморскому благоволительно вверяем бдение и охранение погранично от набегов народов закубанских.

Третье: Всемилостивейше позволяем и подтверждаем войску Черноморскому право пользоваться свободно внутренней торговлей и вольной продажей вина на землях, войску принадлежащих.

Четвертое: войско Черноморское получает от нас повеление чрез военное начальство как о устройстве сего войска,

так и о нарядах на службу, которые обязано исполнять с точностью и поспешностью, свойственными верноподданым Нашим, притом же правительство войсковое о благосостоянии войску и о обо всех важных происшествиях, какие там случиться могут, иметь почасту доносить Нам; по гражданской же части быть в ведении Нашего Сената.

Пятое: простирая Монаршее Наше попечение о благе верного нам Черноморского войска, соизволяем, чтоб и управление дел до оного относящихся восприяло лучший образ, и для того Всемилостивейше повелеваем учредить в нем войсковую канцелярию на следующем основании: 1) в войсковой канцелярии присутствовать от войска Черноморского атаману, двум членам и, сверх того, особам, каковых Мы заблагорассудим назначить; 2) от сей канцелярии зависеть должно наблюдение в подчиненных местах благоустройства и правосудия и решение всех дел; 3) учредить зависящие от той канцелярии экспедиции: первую для дел криминальных, вторую для гражданских и тяжбных, третью для казенных, четвертую для межевых, пятую для полиции и шестую сыскное начальство, соответствующее земскому суду, и во всех сих экспедициях быть от Черноморского войска пристойному числу членов; 4) экспедиции сии, производя дела, приговоры свои по оным должны вносить на утверждение войсковой канцелярии и определенной от Нас в оную доверенной особе и доколе утверждены не будут, исполнять своих положений не должны; 5) войсковая канцелярия и подчиненные ей экспедиции, как течение дел, так и земское управление должны производить на основании общих узаконений Всероссийской Империи; 6) дела по гражданской части на апелляцию вносить в Сенат, а по военной относиться в военную коллегию — сообразно чему и уголовные вносить на ревизию, по роду их и принадлежности, до того или другого правительства, но отсылая прежде приговоры свои на рассмотрение доверенной от Нас особе; 7) в судейские должности определять погодно, избирая в сие звание способ-

ных и благонадежных людей; 8) канцелярию и ее экспедиции снабдить, и впредь снабжать, по распоряжению войсковой канцелярии, канцелярскими служителями в таком числе, какое для успешного производства дел потребно; 9) для охранения правосудия и доставления каждому скорейшего по делам на законном основании удовлетворения, Всемилостивейше соизволяем при войсковой канцелярии быть прокурору.

Шестое: желая распространить торговлю и промыслы и в Черноморском войске и преподавать оному средства, всем Нашим верноподданным присвоенные, Всемилостивейше дозволяем каждому из сего войска, с позволения войсковой канцелярии записываться в гильдии и мещане, на основании общих государственных узаконений и согласно с дарованными от Нас каждому состоянию преимуществами, свободно производить торги и промыслы как во всей Нашей Империи, так и вне оной; для суда же и расправы записавшихся в купечество и мещанство учреждать всюду ратгаузы на таком основании, как оные учреждены и содержатся во всех российских торговых местах, поступая в порядке переноса сих дел на апелляцию и ревизию по предыдущему пятому пункту.

Седьмое: атаману с войсковыми старшинами и с присутствующими войсковой канцелярии на жалованье, также на употребляемые к содержанию караулов отряды и на прочие по войску нужные расходы предоставляем навсегда пользоваться отпускаемой из казны Нашей денежною суммою по двадцати тысяч рублей каждогодно.

Восьмое: Всемилостивейше дозволяем войску Черноморскому, в означение службы его Престолу Нашему, употреблять данные им от Нас знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая в войсках наших положена.

Впрочем Мы надеемся, что войско Черноморское, ощущая Монаршее Наше о нем попечение и покровительство, потщится навсегда не только иметь бдительное охранение границ и отправлять с ревностью и храбростью службу, каковая

на него от Нас возлагается, но и всемерно продолжать будет старание о внутреннем благоустройстве, тишине, трудолюбию и распространении семейственного жития и чрез то удостоится вящего Нашего благоволения и щедрот. Дана в Михайловском Замке, месяца февраля шестого-надесять дня, лета от Рождества Христова тысяча восемьсот первого, царствования Нашего в пятое лето; великого же магистерства (Павел I был избран магистром рыцарского ордена Св. Иоанна, чем очень дорожил. — *Прим. ред.*) Нашего в третье.

На подлинной написано Собственною Его Императорского Величества рукою тако:

«Павел».

Контрасигновал: граф Растопчин.

Грамоты и повеления Императора Александра I

Божией поспешествующею милостью, Мы, Александр первый, Император и Самодержец Всероссийский и проч. и проч.

Верного Нашего войска Черноморского атаману, старшинам и всему войску Наше Императорское милостивое слово.

Во уважение на службу верноподданного Нам Черноморского войска с ревностью и усердием продолжаемую за благо признали Мы сим подтвердить пожалованные ему в 30-й день июня 1793 года, в 16-й февраля 1801 г. грамоты с нижеследующими постановлениями.

Первое: населяемый сим войском остров Тамань да будет в вечном и неотъемлемом владении оногo во всех тех пределах, которые по учиненному разграничению ему предоставлены, и в следствие того, все состоящие на сей земле всякого рода угоды, на водах же рыбные ловли, должны навсегда остаться в точном и полном распоряжении войска, исключая токмо места для крепостей с подлежащим для каждой выгоном, кои на земле сей для безопасности построены быть имеют.

Второе: войску Черноморскому вверяется по-прежнему бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских. Мы надеемся при сем, что войско сие, быв сильно отразить во всякое время сих неприятелей, не позволит себе принимать изнутри России никаких людей, под каким бы то ни было предлогом, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третье: Всемилостивейше позволяем и подтверждаем войску Черноморскому право пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажею вина на землях войску принадлежащих. При сих, даруемых войску выгодах должно оно все по земству повинности: наипаче же содержание казарм и отапливание и освещение находящихся и впредь там быть могущих армейских полков, исправлять всегда безмолвно, как того общественная польза требует.

Четвертое: войско Черноморское получает от Нас повеление чрез военное начальство как о устройстве оно, так и о нарядах на службу, которые и обязано исполнять с точностью и поспешностью.

Пятое: войсковому правительству быть на том точно основании, как в указе Нашем в 25-й день февраля 1802 года изданном постановлено: по делам войсковым должно оно зависеть от инспектора крымской инспекции, а по части гражданской состоять в ведомстве Таврического губернского начальства и особенно управляющего губернией.

Шестое: Всемилостивейше дозволяем и подтверждаем каждому из сего войска, с ведома войскового начальства, записываться в гильдии и мещане на основании общих государственных узаконений, для свободного отправления торгов и промыслов, как во всей Империи Нашей, и вне оной.

Седьмое: для учрежденных в войске Черноморском, по указу от 13-го ноября 1802 года, двадцати полков к данным от покойного Родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича 14 знаменам, Всемилостивейше жалуем и при сем

доставляем войску еще шесть знамен, подтверждая и употребление булавы, перначей и войсковой печати.

Впрочем уверены Мы, что войско Наше Черноморское, пользуясь подтвержденными ему ныне правилами, по колико они могут быть с общими государственными постановлениями согласны, не престанет с обычною ему к Нам верностью продолжать быть навсегда храбрым и ревностным к службе, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину и распространением семейственного жития, вящше приобретая от Нас к себе благоволение. Дана в Санкт-Петербурге. Мая тридесят первого дня тысяча восемьсот третьего года.

На подлинной подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

«Александр».

Контрасигновал: государственный канцлер Александр Воронцов.

Высочайшее за Собственноручным Его Величества подписанием повеление войсковому атаману Черноморского войска, генерал-майору Бурсаку, от 9 марта 1815 года, о снаряжении от войска пяти «исправных и доброконных казачьих полков» для действующей противу неприятеля армии и об отправлении таковых полков на нашу границу к Родзивилову.

Грамоты Императора Николая I и рескрипт Наследника Цесаревича

От 10 октября 1843 года, Черноморскому казачьему войску, на пожалованное этому войску знамя за пятидесятилетнюю службу, храбрость при отражении горцев и отличное состояние Черноморской кордонной линии.

От 1 июля 1844 года, Азовскому казачьему войску, на пожалованное войску знамя за отличную храбрость, оказанную в 1828 году при переправе российских войск чрез Дунай.

От 14 марта 1845 года, Черноморскому казачьему войску, на пожалованные шесть знамен 2-му, 3-му, 4-му, 6-му, 7-му и 9-му пешим батальонам.

Рескрипт Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича на имя наказного атамана Черноморского войска, от 16 декабря 1827 года, с благодарностью за принесенное от лица войска поздравление по случаю назначения Его Высочества Атаманом всех казачьих войск.

Грамоты Императора Александра II

От 26 августа 1856 года, Черноморскому войску на пожалованное ему георгиевское знамя с надписью: «за храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах».

От 26 августа 1856 года, Азовскому казачьему войску на пожалованное ему георгиевское знамя, с такою же надписью, как и Черноморскому войску за войну 1853—1856 годов.

Рескрипт на имя генерал-адъютанта графа Евдокимова, от 24 июня 1861 года, о заселении кубанскими казаками предгорий западной части Кавказского хребта.

Грамоты Кубанскому казачьему войску

От 12 июня 1864 года. В воздаяние семидесятилетней боевой службы войска во время Кавказской войны Всемилостивейше даруется чинам войска сокращение срока службы до 15 лет полевой и 7 лет внутренней.

От 25 марта 1867 года, на пожалованное войску георгиевское знамя с надписью: «за Кавказскую войну».

От 30 августа 1880 года, на пожалованное войску георгиевское знамя с надписью: «за отличие в Турецкую войну в 1877 и 1878 годов».

Грамоты строевым частям Императора Николая I

От 6 августа 1830 года, Черноморскому казачьему 1-му пехотному полку с надписью: «за отличие, оказанное при разбитии Турецкой флотилии под Браиловым 29 мая 1828 года».

От 21 сентября 1831 года, 5-му пешему Черноморскому казачьему полку, на пожалованное ему знамя с надписью: «за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года».

9-му Черноморскому конно-казачьему полку, 8-му пешему Черноморскому казачьему полку, на пожалованные им знамена с надписями: «за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года».

1-му Конно-Черноморскому казачьему полку на пожалованное знамя с надписью: «за отличие в Персидскую и Турецкую войны в 1827, 1828 и 1829 годах».

От 11 ноября 1831 года, 5-му Черноморскому конно-казачьему полку и 6-му Черноморскому конно-казачьему полку на пожалованные этим полкам знамена с надписями: «за отличие в Турецкую войну в 1829 году».

От 6 декабря 1831 года, Дунайскому казачьему полку — на знамя с надписью: «за храбрость и усердие, оказанные при переправе через Дунай 27 мая 1828 года».

Императора Александра II грамоты строевым частям:

От 15 декабря 1858 года, 1-му Хоперскому и 2-му Хоперскому конным полкам Кавказского линейного казачьего войска на знаки отличия, пожалованные на папахи первой полусотне.

От 15 декабря 1858 года, 1-ой сотне 1-ого Кавказского, первой полусотне 1-ой сотни 2-ого Кавказского, 1-ой сотне 1-ого Кубанского, 1-ой сотне 2-ого Кубанского, 1-ой сотне 2-ого Ставропольского, 1-ой сотне 1-ого Хоперского и 1-ой сотне 2-ого Хоперского знаки отличия на папахи с надписями: «за отличие в 1854 году» (в сражении с турками при Кю-

рук-Дара) и 2-ой сотне 2-ого Хоперского полка — «за отличие в 1855 г.» (30 августа в деле при мес. Пеняк).

От 12 декабря 1867 года, 22 конному полку Кубанского казачьего войска, на георгиевское знамя с надписью: «за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

1-му, 2-му, 3-му, 4-му, 5-му, 6-му, 7-му, 8-му и 9-му конным полкам Кубанского казачьего войска на знаки отличия к папахам, с надписью: «за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

1-му, 2-му, 3-му, 4-му, 5-му, 6-му, 7-му, 8-му, 9-му, 10-му, 11-му, 12-му и 13-му пешим батальонам Кубанского казачьего войска на знаки отличия к папахам с надписью: «за отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году».

От 2 августа 1878 года, 2-му Кубанскому конному полку, на пожалованные ему знаки отличия на папахи, с надписью: «за отличие в Турецкую войну в 1877 и 1878 г.».

От 10 октября 1878 года, 7-му пешему пластунскому батальону, на пожалованные 1-ой и 2-ой сотням этого батальона георгиевские серебряные сигнальные рожки, с надписью: «за оборону Шипки, в 1877 году».

От 26 ноября 1878 года, 2-му Хоперскому конному полку, на пожалованные ему георгиевские серебряные трубы, с надписью: «за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».

От 26 ноября 1878 года 2-му Лабинскому конному полку на таковые же трубы и с такими же надписями.

От 11 февраля 1879 года 3-му пешему пластунскому батальону, на пожалованные 3-ей сотне этого батальона знаки отличия на головные уборы, с надписью: «за отличие против турок в Абхазии в 1877 г.».

2-му Кавказскому конному полку, на пожалованные 2-й, 4-й и 5-й сотням этого полка знаки на головные уборы, с надписью: «за подавление восстания в Дагестане в 1877 году».

11-му конному полку на пожалованное георгиевское знамя с надписью: «за отличие в Турецкую войну, в делах, быв-

ших против горцев в 1828 и 1829 годах и при покорении Западного Кавказа в 1864 г.»

СТАРИННЫЕ ОРДЕРА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ПОМЕЩЕНИИ ВОЙСКОВЫХ РЕГАЛИЙ В КУБАНСКОМ ОБЛАСТНОМ ПРАВЛЕНИИ

Ордера Екатеринославского, Таврического и Харьковского генерал-губернатора, а впоследствии и великого гетмана казачьих войск Черноморских и Екатеринославских, генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического:

1) От 20 августа 1787 года № 2123. — Возлагается на секунд-майоров *Сидора Белого* и *Антоня Головатого* собрать пеших и конных охотников «для лодок» из служивших в бывшей Сечи Запорожской казаков; вместе с тем объявляется, что таковые охотники, во время их службы будут довольствуемы жалованьем, провиантом и на лошадей фуражом.

2) От 12 октября 1787 года № 2664. — Объявляется во всеобщее сведение, что ввиду открывшихся военных действий против Турции, капитан *Захарий Чепега* изъявил желание собрать волонтеров и с «оними употреблен быть при армии».

3) От 3 июня 1788 года № 3361. — Объявляется об определении Харитона Чепеги (имеется в виду Захарий Чепега — имя Харитон образовано писарем ошибочно от уменьшительного «Харько», как звали атамана черноморцы. — *Прим. ред.*) атаманом кошевым войска Черноморских казаков.

4) От 26 февраля 1790 года № 874. — Объявляется о Всемилостивейшем «пожаловании» генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического «Великим Гетманом Императорских казацких войск Черноморских и Екатеринославских».

5) От 1 марта 1790 года № 55. — Князь Потемкин Таврический извещает, что имел попечение о благосостоянии

Черноморского войска, его светлость «представил» Ее Императорскому Величеству о поселении всего войска «на привольных местах по берегу Черного моря между Днестра и Буга».

6) От 19 апреля 1790 года № 496. — Извещается, что для поселения Черноморского войска определяются на Кинбурнской стороне земли, не принадлежащие помещикам, а от Буга по морю до Днестра — линией, на карте означенной, и к тому добавляется «округ Еникольский с Таманом». При этом князь Потемкин Таврический дарит войску принадлежащие его светлости (на Тамани) «места с рыбными ловлями, самыми изобильными».

7) От 19 апреля 1790 года № 497. — Предписывается сформировать от войска Черноморского «потребный к булаве Великого Гетмана» конный казачий полк и избрать достойных бунчуковых товарищей двенадцать человек.

8) От 27 мая 1790 года № 783. — Подтверждается об «изготовлении» чинов к булаве великого гетмана: бунчуковых товарищей и полка; вместе с тем предписывается: 1) избрать старшин для осмотра мест у Еникола, а на Тамани — от его светлости войску подаренных, и 2) стараться приглашать и зачислять в войско находящихся на подаренных рыбных ловлях «работинков из малой России и Польши».

9) От 28 мая 1790 года № 2173. — Извещается, что по представленной атаманом кошевым просьбе олешковских жителей, они будут зачислены в Черноморское войско.

Ордерагенерал-адъютанта графа Ливина:

10) От 6 марта 1799 года № 463. — Сообщается Высочайшее Государя Императора повеление о «сделании вернейшей выправки» по поводу оказавшегося несходства представленных генерал-майором Котляревским списков чинам, подлежащим исключению из войска и остающимся в оном, со списком, имеющимся у Его Императорского Величества. При сем ордере приложены три именные списка.

11) От 17 мая 1799 года № 901. — Сообщается Высочайшее соизволение, последовавшее на принятие в войско отставного поручика *Похитонова*, подпоручика *Белого* и малороссийских дворян *Сопина* и *Капусту*.

12) От 15 ноября 1799 года, без № номера. — Сообщено о невоспоследовании Высочайшего соизволения на зачисление в Черноморское войско Георгиевского нижнего земского суда секретаря *Крупкина*.

13) От 3 мая 1801 года, без № номера. — Сообщено Высочайшее повеление, чтобы все всеподданнейшие на Имя Его Императорского Величества донесения писались по препровожденной при сем форме.

Ордера адмирала графа Кушелева:

14) От 11 марта 1799 года, без номера. — По Высочайшему повелению от генерал-майора Котляревского требуется сведение: какое число судов пришедшей в негодность Черноморской гребной флотилии необходимо исправить для перевозки провианта и проч., а также какое число и какой конструкции судов потребно для употребления «в открытых местах к действиям».

15) От 20 октября 1799 года, без номера. — Сообщается последовавшее Высочайшее повеление о постройке для Черноморской гребной флотилии 50 новых лодок, одной яхты для начальника и 5 баркасов для услуг флотилии.

СТРОЕВОЙ СОСТАВ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Строевой состав Кубанского Казачьего войска
Кубанское казачье войско* на основании Высочайше утвержденных 3 июня 1882 года штатов и особых о нем положени-

* Всех вообще жителей войскового сословия Кубанского казачьего войска состоит 303 486 муж. пола, 302 733 жен. пола и вообще 606 219 обоего пола.

ях обязано выставлять по военному времени: 1) Тридцать конных полков шестисотенного состава, носящих следующие наименования: Хоперский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны конный полк, Кубанский, Таманский, Полтавский, Ейский, Уманский, Кавказский, Екатеринодарский, Лабинский и Урупский конные полки. Каждый полк имеет тройной состав, из которых первый находится на полевой действительной службе, а остальные два составляют льготные полки 2 и 3 очереди. 2) Два Лейб-Гвардии Кубанских казачьих эскадрона Собственного Его Императорского Величества конвоя, из которых поочередно один находится в С. Петербурге при особе Его Императорского Величества, а другой на льготе. 3) Конный двухсотенный дивизион, находящийся на службе в Варшаве. 4) Двенадцать четырехсотенных пеших пластунских батальонов, из которых 4 состоят на действительной службе, а остальные образуют льготный состав этих батальонов 2 и 3 очереди. 5) Пять полевых конно-артиллерийских батарей 6-ти орудийного состава и в том числе льготный состав артиллеристов и запасные взводы для пяти батарей по военному времени. 6) Семь местных команд и 7) сотня Кубанской постоянной милиции в составе 1 обер-офицера и 88 чел. нижних чинов. Военный состав нижних чинов определен в 37 667 человек, но в обыкновенное мирное время Кубанское войско выставляет на полевую службу только одну треть служилого состава, а прочие остаются в своих домах на льготе...

...На основании войскового положения, Высочайше утвержденного 3 июня 1882 года и примененного к Кубанскому войску особого устава о воинской повинности Донского казачьего войска, служилый состав в Кубанском войске разделяется на три разряда: приговорительный — срок службы 3 года, строевой — 12 лет и запасной — 5 лет, всего 20 лет обязательной службы как для нижних чинов, так и для офицеров войскового сословия. Все казаки, достигшие 18-летнего возраста, зачисляются в приговорительный разряд, во время трехлетнего состояния в котором обучаются и подготавливаются на службу в

своих станицах и в лагерных сборах. Потом в возрасте 21 года они переводятся в строевой разряд и назначаются на действительную службу, которую в мирное время несут в действующих полках, батальонах, батареях и командах до 4-х лет сряду, после чего увольняются домой на льготу, причем, оставаясь в строевом разряде 8 лет, в последние 3 года состояния во 2-й очереди и на 3-м году пребывания в 3-й очереди собираются ежегодно в лагерные трехнедельные сборы (артиллеристы на 5 недель) в более свободное от полевых работ время. Затем 33-х лет казаки зачисляются в запасный разряд, призываемый исключительно в военное время, для укомплектования строевых частей, а в возрасте 38-ми лет увольняются в отставку (ополчение). В Кубанском казачьем войске, кроме казаков, признанных по медицинскому освидетельствованию неспособными к службе, но способными к труду, существует еще особый разряд неслужилых казаков, которые, по положению 1-го августа 1870 года, за освобождение от обязательной службы вносят в войсковой капитал определенную плату до истечения 22-летнего срока со дня зачисления их в неслужилый разряд (это главным образом были так называемые «торговые казаки», занимавшиеся коммерцией. — *Прим. ред.*).

В служилом составе Кубанского казачьего войска к 1 сентября 1888 года состояло: а) 18 702 казаков приговорительного разряда, б) 50 308 казаков строевого разряда и в) 8490 казаков запасного разряда, и вообще 77 500 казаков.

К 1 сентября 1888 года числилось всех вообще генералов, штаб- и обер-офицеров, классных чиновников, урядников, казаков и детей мужского пола войскового сословия Кубанского казачьего войска:

К служилому разряду отнесены все вообще генералы, штаб-, обер-офицеры, классные чиновники, урядники и казаки, состоящие на службе в строевых частях, числящиеся на льготе, в приговорительном, строевом и запасных разрядах, в военных и гражданских административных учреждениях.

Старшинство строевых частей Кубанского казачьего войска (старшинство, определяемое со времени основания или начала службы того или иного казачьего войска, полка, станицы, играло серьезную роль в определении количества денежного довольствия, наград и льгот этим структурам, в разной степени «послужившим» Царю и Отечеству. — *Прим. ред.*)

Хоперский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны конный полк с 1696 года; в этом году Хоперские казаки впервые упоминаются на службе под Азовом; впоследствии они переселены на Кавказ и дали начало полку.

Кубанский конный полк с 1732 года — со времени образования Волжского войска, казаки которого были переселены на Кавказ и часть станиц вошла в состав полка.

Таманский, Полтавский, Ейский, Уманский, Екатеринодарский и Кавказский конные полки, 1-й и 2-й пешие пластунские батальоны с 1788 года — со времени образования Черноморского войска.

Кубанский казачий дивизион с 1831 года.

Лабинский конный полк с 1842 года — со времени заселения Лабинской линии.

Урупский конный полк с 1858 года — со времени формирования из станиц, поселенных по р. Урупу.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ОТДЕЛАМ И ПОЛКОВЫМ ОКРУГАМ

Ейский отдел:

Ейский полковой округ

Ст. Должанская, Камышеватская, Ясенская, Новощериновская, Копанская, Новодеревянковская с посел. Албаш-

ским, Стародеревянковская с пос. Александровским, Бриньковская с пос. Добровольным, Привольным и Ахтарским, Брюховецкая, Переясловская с пос. Величковским, Каневская с пос. Придорожным, Новоминская, Староминская, Колеловская и Старощербиновская с пос. Широчанским.

Уманский полковой округ

Ст. Кушевская, Шкуринская, Уманская, Кисляковская с пос. Михайловским, Екатериновская, Павловская с поселками: Сасыкским и Курчанским, Незамаевская с пос. Новоелисаветинским, Калниболотская с пос. Новороговским, Новолешковская, Старолешковская, Иркилевская с пос. Балковским, Березанская, Батуринская, пос. Троицкое на Средне-Челбасской степи, Крыловская с пос. Челбасским, кол. (немецкие колонии. — *Прим. ред.*) Александровская, Михельсталь.

Кавказский отдел:

Кавказский полковой округ

Ст. Новопокровская с пос. Горьковским, Терновская с пос. Николаевским, Ильинская, Дмитриевская, Кавказская с пос. Лосевским, Казанская, Тифлисская с пос. Владимирским, Ладожская с поселками: Бейсугским и Ладожским, Новомалороссийская с пос. Бузиновским, Архангельская, Новодонецкая, Новорождественская и Тихорецкая.

Кубанский полковой округ

Ст. Успенская с пос. Наволокинским, Расшеватская, Новоалександровская, Темижбекская, Григориполисская с пос. Фельдмаршалским, Новотроицкая с поселками: Кармалинским, Мокробалковским, Привольным, Гущинским и Баклановским, Рождественская с пос. Изобильным, Новомарьевская с пос. Русским, Каменнобродская, Сенгилеев-

кая, Барсуковская, Николаевская, Убеженская с пос. Горькореченским и Прочноокопская с пос. Царицынским.

Лабинский отдел:

Лабинский полковой округ

Ст. Урупская, Бесскорбная, Попутная, Вознесенская с пос. Еременским, Упорная, Бесстрашная, Отважная, Каладжинская, Зассовская, Владимирская, Лабинская, Чамлыкская, Константиновская, Родниковская, Курганная, Михайловская, Петропавловская, Темиргоевская, Воздвиженская, Тенгинская с пос. Геймановским, Новолабинская, с пос. Александровским, Некрасовская, (далее следуют неказачьи населенные пункты этого округа. — *Прим. ред.*) сел. Армавир, Новомихайловское, Кубанское, Семеновское, Филипповское, Розенфельд, Эйгенфельд, Александерфельд, аул. (аулы. — *Прим. ред.*) Ходзский, Блеченсинский, Кошехабльский, Натырбовский, Унароковский, Джеракаевский, Мамхеговский, Пшизовский, Хакуриновский, Егерухаевский, Хачемзиевский, Бенокский, Хаджимуковский, Ульский, Темиргоевский, Хатукаевский, Хатажукаевский, Джанкятовский, Бжедуховский, Бгуаше-Хальбский и Адамиевский.

Баталпашинский отдел:

Хоперский полковой округ

Ст. Темнолесская с пос. Темнолесским, Невинномысская, Беломечетская с пос. Беломечетским, Воровсколесская, Суворовская, Бекешевская, Баталпашинская, Усть-Джегутинская, Красногорская, Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая, Преградная, Передовая, Исправная, Удобная, Надежная, Подгорная, Спокойная, Отрадная, сел. Успенское, Богословское, Ольгинское, Казминское, Рождественское, Ивановское, Марухское, кол. (немецкие колонии. — *Прим. ред.*) Вольде-

мюрс, Александровфельд, Левенталь, пос. Мурухо-Эстонский — Хасаут-Греческий, Георгиевско-Осетинский, Джегонасский-Еврейский, аул. (аулы. — *Прим. ред.*) Тахтамышевский с пос. Балтинским, Дударуковский, Докшуковский, Шах-Гиреевский, Тебердинский, Джазлыкский, Атлескировский, Хахандуковский, Атажукинский с пос. Баташевским, Мансуровский с пос. Шабазовским, Бибердовский, Лоовско-Зеленчукский, Клычевский с пос. Егибоковским, Мурзунский, Касаевский, Карт-Джуртский, Урупский, Маринский, Коноковский, Лоовско-Кубанский, Кувинский, Даутский, Джегутинский, Кургоковский, Карамурзинский, Кумско-Абазинский, Ураковский, Вольный, Эрсаконский, Каменноостский, Сенты, Тазартуковский с пос. Береслановским, Уччуланский и Хумаринский.

Майкопский отдел:

Урупский полковой округ

Ст. Гиагинская, Келермесская, Ханская, Кужорская, Ярославская, Махошевская, Костромская, Хамкетинская, Губская, Переправная, Беслинеевская, Ахметовская, Андрюковская с пос. Черным, Псебайская, Баговская, Барыкаевская, Даховская с пос. Каменноостским, Севастопольская, Царская, Абаззехская, Тульская, Куржипская, Дагестанская с пос. Дагестанским, Прусская, Ширванская, Самурская, Хадыжинская с поселками Нефтяным и Хадыжинским, Апшеронская, Кабардинская, Кубанская, Тверская, Гурийская, Черниговская, Пшехская, Белореченская, Бжедуховская с пос. Михайловским, Мартанская с пос. Суздальским, Имеритинская, Линейная, Абхазская, Кутаисская, Ключевая, Саратовская, Черноморская, Бакинская, Рязанская (далее — неказачьи населенные пункты отдела. — *Прим. ред.*), сел. Хамышки, Темнолесское, Леонтьевское, слоб. (слободы. — *Прим. ред.*) Шедок, Сергиевская, сел. Николаевское,

ур. (урочище. — *Прим. ред.*) Гойтх, сел. Навагинское, Елисаветпольское, пос. Фаногорийский с Садовским и Безымянным, Пятигорский с Хребтовым, мест. Горячий Ключ.

Екатеринодарский отдел

Екатеринодарский полковой округ

Ст. Плантировская, Усть-Лабинская с поселком Кирпильским, Воронежская с поселком Праздничным, Васюринская, Пластуновская, Старомышастовская, Динская, Старокорсунская, Пашковская, Новотитаровская, Марьянская с посел. Марьинским, Елисаветинская, Северская, Ильская с пос. Ильским, Азовская с поселком Азовским, Смоленская с поселком Смоленским, пос. Ставропольский, ст. Пензенская, Калужская, Новодмитриевская, Георгие-Афинская (далее — неказачьи населенные пункты отдела. — *Прим. ред.*), слободка Григорьевская, пос. Шабано-Тхамахинский, слободка Усть-Лабинская, аул. Асаколай, Габукай, Кончуко-Хабль, Вочепший, Пчегатлукай, Казанукай, Шабан-Хабль, Шаган-Чирий-Хабль, Эдепсукай 1-й, Эдепсукай 2-й, Гетлукай, Понежукай, Несшукай 1-й, Несшукай 2-й, Джиджи-Хабль, Пшекуй-Хабль, Тоуй, Нечерзий, Псейтук, Хаштук, Афипсиш, Папахес, Шинжий, Тугургой, Глюстен-Хабль, Гатагу-Хабль, Козет, Бжегокай, Новый Бжегокай, Лакшуккай, Тохтумукай.

Темрюкский отдел:

Полтавский полковой округ

Ст. Кореновская с пос. Журавским и Малеванным, Сергиевская, Медведовская, Дядьковская, Новокорсунская, Тимошевская, Роговская с пос. Роговским и Гречаным, Новоджерелиевская, Новонижестеблиевская с пос. Степным, Гривенско-Черкесская, Староджерелиевская с пос. Ангелин-

ским, Полтавская, Старонижестеблиевская, Поповичевская с пос. Понурским, Старовеличковская и Нововеличковская.

Таманский полковой округ

Ст. Новомышастовская с пос. Новомышастовским, Ивановская, Славянская, Петровская с пос. Черноерковским, Анастасиевская, Курчанская, Ахтанизовская с пос. Фонталовским и Голубицким, Таманская, Старотитаровская с пос. Вышестеблиевским, Благовещенская, Гостагаевская, Анапская, Натухайская, Раевская, Верхнебаканская, Неберджаевская с пос. Нижнебаканским, Крымская, Варениковская, Троицкая, Мингрельская, Абинская, Шапсугская, Эриванская, Ахтырская, Холмская (далее — неказачьи населенные пункты округа. — *Прим. ред.*), поселение Суворовско-Черкесское, сл. Крымско-Солдатская, сел. Мерчанское, волость Кудакинская: Молдаванское, Русское и Греческое селения, сел. Витязевское, деревни: Павловка и Варваровка, кол. Михаельфельд.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Происхождение казачества	3
II. Запорожская Сечь и Донское казачество	11
III. Уничтожение Запорожской Сечи	22
IV. Образование Черноморского войска и пребывание его за Бугом	27
V. Переселение черноморцев на Кубань и колонизация края	38
VI. Самоуправление Черноморского войска	46
VI. Землевладение черноморских казаков	59
VIII. Экономический быт и духовные потребности черноморцев	69
IX. Линейная служба и черноморские пластуны	75
X. Борьба с горцами и характерные ее эпизоды	87
XI. Военные действия черноморцев вне войска и подвиги черноморских пластунов в Севастополе	97
XII. Колонизация линий и самоуправление у линейных казаков	110
XIII. Землевладение, экономический быт, национальные черты и первые зачатки школьного дела у линейцев	121
XIV. Особенности пограничной службы линейцев и линейные пластуны	129
XV. Линейные залого и характерные эпизоды борьбы линейцев с горцами	142
XVI. Колонизация Закубанья и внутренние расселения	150
XVII. Самоуправление и изменения в обычных формах казачьего землевладения	158
XVIII. Период внутреннего развития Кубанского казачества ...	164
ПРИМЕЧАНИЯ	173

Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьего войск 1788—1888 гг.	175
Сидор Игнатьевич Белый	176
Захарий Алексеевич Чепега	178
Антон Андреевич Головатый	181
Тимофей Терентьевич Котляревский	186
Федор Яковлевич Бурсак	189
Григорий Кондратьевич Матвеев	193
Алексей Данилович Бескровный	198
Николай Степанович Заводовский	204
Григорий Антонович Рашпиль	208
Яков Герасимович Кухаренко	217
Григорий Иванович Филипсон	220
Лев Иванович Кусаков 1-й	222
Петр Семенович Верзилин	224
Степан Степанович Николаев	226
Феликс Антонович Круковский	228
Князь Георгий Романович Эристов 2-й	232
Николай Александрович Рудзевич	235
Николай Агапович Иванов 13-й	238
Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон	239
Михаил Аргирьевич Цакни	241
Николай Николаевич Кармалин	244
Сергей Алексеевич Шереметев	250
Георгий Алексеевич Леонов	260
Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков	262

Знамена, регалии, знаки отличия и прочие награды, Высочайше пожалованные бывшим Черноморскому, Кавказскому линейному и ныне Кубанскому казачьему войску	273
Орудия, хранящиеся при войсковом арсенале Кубанского казачьего войска, пожалованные Императором Павлом I-м Черноморскому войску.	287
Высочайшие грамоты и другие исторические акты, хранящиеся в помещении войсковых регалий в Кубанском областном правлении.	288
Старинные ордера, хранящиеся в помещении войсковых регалий в Кубанском Областном Правлении	305
Строевой состав Кубанского казачьего войска	307
Распределение населенных мест Кубанской области по отделам и полковым округам	310

Научно-популярное издание
История казачества

Щербина Федор Андреевич
Фелицын Евгений Дмитриевич

**КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
И ЕГО АТАМАНЫ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Б.В. Петухов*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Г.Н. Фадеев*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 31.05.2007. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 5864.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47
Интернет/ Home page: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

г. Нижний Новгород,
ул. Нижнепечорская, д. 2, литера А., помещение 3.
Тел.: (8312) 96-23-88
E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.
Тел.: (3832) 10-24-95.
E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, 7-я Кадишевская ул., д. 9Б.
Тел./факс: (843) 525-56-15.
E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Издательство «Арий»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Новый книжный».

Книги издательства «Вече» в Интернете
Интернет-магазин «Лабиринт»: <http://labirint-shop.ru/>

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЕГО АТАМАНЫ

Кубанское казачье войско являлось частью казачества в до-революционной России и размещалось в Кубанской области (ныне Краснодарский край и часть Ставропольского края) с центром в Екатеринодаре (ныне Краснодар). Оно было образовано в 1860 году из Черноморского казачьего войска и части Кавказского линейного казачьего войска. Исторически кубанцы всегда считались надежным оплотом России, и потому Кубанское казачье войско активно участвовало во всех войнах, которые вела Россия во второй половине XIX — начале XX века.

Книга Ф.А. Шербины и Е.Д. Фелицына, впервые изданная в 1888 году под названием «Кубанское казачье войско. 1696—1888 гг.», рассказывает об истории кубанского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

ISBN 978-5-9533-2477-9

9 785953 324779

